

№ 1 (101)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск БАНКОВСКОЕ ПРАВО

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

- 20** *Ефимова Л. Г.*
Розничная двухуровневая модель
цифрового рубля (модель D) — путь к появлению
в России одноуровневой банковской системы

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 32** *Вишневецкий А. А.*
Учет публичного интереса как критерий
справедливости договорных условий
(на примере проблематики банковских сделок)
- 80** *Алексеева Д. Г.*
Тенденции правового регулирования
ESG-банкинга в условиях санкций
- 94** *Тарасенко О. А., Андропова Т. А.*
О валютных ограничениях 2022 года,
введенных в действие в отношении физических лиц
- 111** *Хоменко Е. Г.*
Роль и значение платежных карт в операции
по переводу денежных средств
- 127** *Егорова М. А.*
Проблема правовой охраны объектов
интеллектуальной собственности,
созданных с использованием цифровых технологий

№ 1 (101)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
БАНКОВСКОЕ ПРАВО

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научной издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского государственного университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Росси

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦЮПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 06.03.2023 Объем 22,78 усл. печ. л. (14,07 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева

Корректор А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 1 (101)
2023

Edition
BANKING LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPА University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

EFIMOVA Liudmila Georgievna — Head of Banking Law Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.	
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361	
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)	
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year	
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru	
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month	
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
SIGNED FOR PRINTING	06.03.2023 Volume: 22,78 conventional printer's sheets (14,07 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper	
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>		
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader A. B. Rybakova	Computer layout D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	8
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	10
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Ефимова Л. Г. Розничная двухуровневая модель цифрового рубля (модель D) — путь к появлению в России одноуровневой банковской системы	20
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Правовое регулирование банковской деятельности	
Вишневецкий А. А. Учет публичного интереса как критерий справедливости договорных условий (на примере проблематики банковских сделок)	32
Михеева И. Е. Банковские экосистемы в России: понятие и предпосылки появления	42
Лысова-Бахарева Ю. В. Определение отраслевой природы публично-правовых норм, регулирующих банковскую деятельность, как основа для разрешения практических коллизий	50
Иванов О. М. Регулирование партнерского финансирования: правовой эксперимент и его участники	60
Правовое регулирование банковской деятельности в условиях санкций	
Лаутс Е. Б. Антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности	70
Алексеева Д. Г. Тенденции правового регулирования ESG-банкинга в условиях санкций	80
Тарасенко О. А., Андропова Т. А. О валютных ограничениях 2022 года, введенных в действие в отношении физических лиц	94
Цифровая трансформация банковской деятельности	
Пыхтин С. В. Оплата по QR-коду как способ безналичных расчетов	104
Хоменко Е. Г. Роль и значение платежных карт в операции по переводу денежных средств	111

Волос А. А. Основополагающие категории гражданского права в условиях цифровизации общества (на примере банковских договоров)	118
Егорова М. А. Проблема правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием цифровых технологий	127
Сиземова О. Б., Бурова А. Ю. О принципах построения правового механизма цифрового профилирования граждан	139
Юридическая практика	
Куличева Е. В. Накопительный счет	151
Точка зрения	
Давиденко Д. В. Право денежного обращения: системный анализ	162
Трибуна молодого ученого	
Шухратпур М. Особенности правосубъектности кредитных организаций (на примере законодательства Республики Таджикистан)	171
ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ КАФЕДРЫ	180
КНИЖНАЯ ПОЛКА	182
ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ	
Юридическое наследие	
Ландкоф С. Н. Договор текущего счета и чек	187
Памятники права	
Деньги для диктатуры пролетариата!	200
Финансирование индустриализации в СССР	205
ПОСТСКРИПТУМ	
Шпаковский Ю. Г. «Кредитная история»	213

CONTENTS

A WORD TO THE READERS	8
UNIVERSITY CHRONICLE	10
EXPERT OPINION	
Efimova L. G. Retail two-tier Model of the Digital Ruble (Model D) — the Way to the Appearance of a single-tier Banking System in Russia	20
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
Legal regulation of banking activity	
Vishnevsky A. A. Public Interest Accounting as a Criterion for the Fairness of Contractual Terms (on the example of the problems of banking transactions)	32
Mikheeva I. E. Banking Ecosystems in Russia: the Concept and Background of the Appearance	42
Lysova-Bahareva Ju. V. Determination of the Industry Nature of Public Law Regulations Governing Banking as a Basis for Resolution of Practical Conflicts	50
Ivanov O. M. Regulation of Partner Financing: a Legal Experiment and its Participants	60
Banking activities in the conditions of sanctions	
Lauts E. B. Anti-Sanction Regulation of the Banking Services Market and Anti-Crisis Legal Regime of Banking Activities	70
Alekseeva D. G. Trends in the Legal Regulation of ESG Banking under Sanctions	80
Tarasenko O. A., Andronova T. A. About Currency Restrictions in 2022, Introduced in Respect of Individuals	94
Digitale Transformation des Bankwesens	
Pykhtin S. V. Payment by QR-Code as a Cashless Settlement Method	104
Khomenko E. G. Role and Significance of Payment Cards in Money Transfer Operations ...	111
Volos A. A. Fundamental Categories of Civil Law in the Conditions of Digitalization of Society (on the Example of Banking Agreements)	118

Egorova M. A. The Problem of Legal Protection of Intellectual Property Objects Created Using Digital Technologies	127
Sizemova O. B., Burova A. Yu. About Principles of Forming of Legal Mechanism of Citizens Digital Profiling	139
Legal Practice	
Kulicheva E. V. Savings Account	151
Standpoint	
Davidenko D. V. Law of Monetary Circulation: System Analysis	162
YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE	
Shukhratpur M. Peculiarities of Legal Personality of Credit Organizations (on the example of the Republic of Tajikistan)	171
OFFICE EVENTS DIGEST	180
OFFICE BOOKSHELF	182
LAW IN HISTORICAL REFRACTION	
Legal heritage	
Landkoff S. N. Current account agreement and cheque	187
Legal Monuments	
Money for the dictatorship of the proletariat!	200
Financing of industrialization in the USSR	205
POSTSCRIPT	
Shpakovsky Yu. G. «Credit history»	213

Слово к читателю

Предлагаемый вниманию читателей выпуск «Банковское право» журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» посвящен двум наиболее актуальным правовым проблемам деятельности современных банков: цифровизации и повышения устойчивости банковской системы в условиях жестких экономических санкций западных государств.

Цифровизация является продолжением другого, более привычного процесса — автоматизации банковской деятельности. Стандартизация и автоматизация банковских операций и сделок всегда считались отличительной особенностью банковской деятельности. Во все времена банковский сектор был и остается наиболее восприимчивой частью экономики, всегда готовым внедрять самые передовые технологии. Для этого имеются серьезные основания.

С момента зарождения банковской деятельности банки сталкиваются с необходимостью совершать большое количество одинаковых операций с огромным количеством клиентов. У других коммерческих организаций таких клиентов оказывается в разы меньше, поэтому и отсутствует потребность в масштабной автоматизации. Для банков, напротив, автоматизация деятельности стала вопросом выживания. В результате банки оказались вынужденными применять любые доступные им технические решения, чтобы повысить производительность труда своих сотрудников.

В настоящее время процесс цифровизации экономики в разных странах приобрел черты всеобщей технической революции, в которую так или иначе оказалось вовлеченным все современное человечество. Банки тоже не остались в

стороне от этих изменений. В результате начался процесс цифровизации банковской деятельности, который привел, во-первых, к появлению дистанционного банковского обслуживания, а во-вторых — к возникновению новых общественных отношений в цифровой среде.

Банки начали заключать договоры с клиентами на электронных носителях, которые затем должны были исполняться в обычном порядке. Затем стали появляться договоры, которые с самого начала необходимо было заключать, исполнять и прекращать при помощи компьютерной программы исключительно в информационной среде. Нередко предмет исполнения таких договоров составляли активы, которые сами являются продуктом информационных технологий. При этом вся договорная практика банков стала постепенно перемещаться в web-пространство.

Другим вызовом для деятельности современных российских банков стала масштабная санкционная политика иностранных государств, в результате которой российские банки оказались отрезанными как от международного рынка капиталов, так и от системы Swift. Одним из способов привлечения капиталов в банковскую систему является партнерское финансирование, правовое регулирование которого давно разрабатывалось российскими законодателями, однако в условиях санкций эту работу пришлось ускорить. Поэтому в сентябре 2022 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 198584-8 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации».

Правовой анализ указанных проблем правового регулирования банковской деятельности, а также другие интересные и актуальные исследования наших авторов читатель найдет на страницах текущего номера журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Л. Г. Ефимова,
*ответственный редактор выпуска,
заведующий кафедрой банковского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
доктор юридических наук, профессор*

На площадке Университета

Совместное заседание Президиума и Правления Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

30 января 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) под руководством председателя АЮР Сергея Степашина состоялось совместное заседание Президиума и Правления Ассоциации юристов России. В мероприятии приняли участие сопредседатели АЮР Виктор Блажеев и Владимир Плигин, члены Президиума, Правления АЮР, руководство аппарата Ассоциации, министр юстиции РФ Константин Чуйченко, заместитель министра науки и высшего образования РФ Петр Кучеренко, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова и др.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

Петр Кучеренко вручил ведомственные награды Министерства науки и высшего образования РФ за вклад в развитие образования, науки и молодежной политики.

Одной из основных тем заседания стало обсуждение концепции новой модели юридического образования в России.

Заседание Президиума Ассоциации юридического образования

17 января 2023 г. состоялось заседание Президиума Ассоциации юридического образования. В мероприятии приняли участие ректор МГЮА, вице-президент АЮРО Виктор Блажеев, проректор по молодежной политике МГЮА, председатель Правления АЮРО Александр Чанышев, проректор по образовательной деятельности МГЮА, член Правления АЮРО Наталья Софийчук, ректор Саратовской государственной юридической академии Екатерина Ильгова, ректоры и проректоры ведущих юридических образовательных организаций высшего образования России: МГУ имени М. В. Ломоносова, Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Международного юридического института и др.

Президент Ассоциации юридического образования Екатерина Ильгова приветствовала собравшихся и выступила с инициативой создания и проведения Всероссийской научно-образовательной стратегической сессии «Юридического образование в современной России».

Кроме того, прозвучали предложения создать методическую библиотеку на базе Ассоциации юридического образования для эффективного обмена практиками между образовательными организациями высшего образования — членами АЮРО. Инициатива создания такой библиотеки принадлежит профессорско-педагогическому составу СГЮА, особенности разработки и наполнения будущей библиотеки будут отражены в регламенте.

Заседание Экспертного совета по физической культуре и спорту при Комитете Совета Федерации по социальной политике

26 января 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло заседание Экспертного совета по физической культуре и спорту при Комитете Совета Федерации Федерального Собрания РФ по социальной политике, посвященное теме «Подготовка и организация новых форматов спортивных меро-

приятый при участии общероссийских спортивных федераций».

Мероприятие открыл заместитель председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике Мохмад Ахмадов, модератором выступил директор АНО «Центр спортивного права» Александр Орлов.

После приветственного слова заместителя министра спорта РФ Алексея Морозова эксперты в области спортивного права обсудили актуальные проблемы спортивной повестки и положение российских спортсменов на мировой арене.

Участие в заседании приняли 47 представителей авторитетных спортивных организаций: Федерации тенниса России, Федерации самолетного спорта России, Федерации хоккея России, Союза биатлонистов России и др.

Визиты, встречи, участие

В Общественной палате Москвы обсудили перспективы развития молодежной политики

24 января 2023 г. ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев принял участие в заседании Комиссии по молодежной политике Общественной палаты Москвы. На мероприятие были приглашены городские депутаты, представители Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы, члены профильной Комиссии столичной Палаты, представители молодежных организаций и другие гости.

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев, член Комиссии по молодежной политике оценил подготовку к празднованию Дня российского студенчества: «Довольно интересной представляется программа проведения Дней студенчества (именно «Дней», поскольку мероприятия будут проводиться 25—27 января) на разных московских площадках: Парк культуры имени М. Горького, ВДНХ, парк «Сокольники»».

Кроме того, Виктор Владимирович подчеркнул важность волонтерской деятельности в Москве и высокую вовлеченность в нее горожан: «Обсуждение перспектив развития волонтерской деятельности показало масштабность этого движения в Москве. Были реализованы такие проекты, как «Доброе сердце Москвы» и «Время добра». Создается целая сеть волонтерских центров в административных округах Москвы».

Встреча с председателем Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по обороне

27 января 2023 г. состоялась встреча председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по обороне Андрея Картаполова со студентами Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В мероприятии приняли участие первый проректор Университета Инна Ершова и проректор по молодежной политике Александр Чанышев.

Встреча была посвящена текущей геополитической ситуации в России. Примечательно, что 27 января также отмечается День воинской славы России, День полного освобождения Ленинграда от немецко-фашистской блокады. После речи эксперта о значении сохранения традиций и поддержки патриотизма состоялась оживленная дискуссия, в ходе которой Андрей Картаполов подробно ответил на вопросы студентов и высказал свое мнение по затронутым в ней темам.

После официальной части Андрей Картаполов посетил такие знаковые достопримечательности Университета, как Музей О. Е. Кутафина, Аллея почетных профессоров МГЮА и ситуационный центр #МЫВМЕСТЕ.

Развитие Университета

В МГЮА обсудили вопросы сотрудничества с Московским метрополитеном

25 января 2023 г. состоялась встреча представителей Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с руководством юридической службы Московского метрополитена.

В мероприятии приняли участие первый проректор, руководитель Центра компетенций «Бизнес-право» («Предпринимательский университет») Инна Ершова, проректор по стратегическому и международному развитию, руководитель Центра компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты» Мария Мажорина, директор Центра управления изменениями Владимир Никишин, руководитель проекта «Консорциум «Инновационная юриспруденция»» Центра управления

изменениями Ольга Бендицкая, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, руководитель Центра компетенций «Киберправо» Алексей Минбалеев и и.о. директора Института бизнес-права Андрей Петраков. Во встрече также участвовали представители ГУП «Московский метрополитен» — Андрей Лебедев и Валерия Евсеенко, начальник и заместитель начальника юридической службы Московского метрополитена.

Участники обсудили способы взаимовыгодного сотрудничества в рамках Консорциума «Инновационная юриспруденция», в частности, были затронуты возможные проекты в рамках Центров компетенций «Бизнес-право» и «Киберправо», а также намечены потенциальные проекты, направленные на разработку и внедрение различных курсов дополнительного профессионального образования среди сотрудников организации, на выработку моделей нормативного регулирования, а также проекты, связанные с развитием стажировок и других программ для студентов.

Конференции, круглые столы, семинары

Первый Центрально-Азиатский международно-правовой форум

26—27 января 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел первый Центрально-Азиатский международно-правовой форум. Мероприятие объединило ученых центральноазиатских государств, которые совместно обсудили международно-правовые проблемы региона и евразийской интеграции в целом.

Организатором форума выступили Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России.

В пленарном заседании приняли участие представители Министерства науки и высшего образования РФ, проректор по научно-исследовательской деятельности МГЮА Владимир Синюков, проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина, преподаватели юридических образовательных организаций высшего образования, проректор по научной работе МГИМО (Университета) МИД России Андрей Байков, президент Российской ассоциации международного права Анатолий Капустин, председатель Суда Евразийского экономического союза Эрна Айриян, профессора и доктора наук из стран Центральной Азии.

С приветственным словом обратился к собравшимся заместитель министра науки и высшего образования РФ Константин Могилевский.

Проректор по научно-исследовательской деятельности МГЮА Владимир Синюков сформулировал задачу форума: *«Мы собрались, чтобы определить форматы сотрудничества юристов, политиков, экономистов в рамках новых вызовов, новых угроз, новой социально-экономической реальности. В том числе, мы хотели бы обозначить здесь повестку для развития науки и научных исследований»*, — сказал Владимир Николаевич.

В течение двух дней представители научно-исследовательского сообщества Центральной Азии выступали с докладами и участвовали в оживленных дискуссиях на тему особенностей различных сфер международного взаимодействия стран региона в современной геополитической обстановке.

В рамках форума состоялось заседание круглого стола, посвященное вопросам университетского

сотрудничества в Центральной Азии. Модератором дискуссии выступила Мария Мажорина. В мероприятии участвовали ведущие эксперты по праву из организаций высшего образования России и стран азиатского региона. Центральными темами обсуждения стали инновационные образовательные площадки, сетевые образовательные программы, перспективы сотрудничества с иностранными вузами-партнерами, консорциум как форма университетского взаимодействия, интернационализация образования и др.

Также в рамках форума состоялось заседание секции «Международно-правовой режим Каспийского моря и трансграничных водных ресурсов, государственные границы в Центральной Азии» в гибридном формате. Модератором секции выступил профессор Вячеслав Батырь, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Для гостей форума состоялся праздничный концерт, в котором приняли участие обучающиеся в МГЮА и артисты из стран Центральной Азии.

III Зимняя онлайн-школа зарубежного права

18—19 января 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась III Зимняя онлайн-школа зарубежного права на тему «Право, экономика и политика в условиях цифровизации». Мероприятие открыл ректор Университета профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, сопредседатель Ассоциации юристов России Виктор Владимирович Блажеев.

С приветственными обращениями к участникам школы также обратились: проректор по научно-исследовательской деятельности Владимир Николаевич Синюков, проректор по образовательной деятельности Наталья Викторовна Софийчук, председатель Ассоциации российских дипломатов МИД России Игорь Васильевич Халевинский, директор Центра ибероамериканских программ Московского государственного лингвистического университета, чрезвычайный и полномочный

посол Ян Анастасьевич Бурляй, руководитель Генерального секретариата Ассамблеи народов Евразии Светлана Константиновна Смирнова, руководитель Школы, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Мария Александровна Егорова.

Более 170 студентов из Франции, Италии, Бразилии, России, Индии, Китая, Таджикистана и Белоруссии прослушали лекции ведущих ученых и практиков из Европы и Азии. Выступили 17 спикеров, представляющих зарубежные и российские университеты и организации: Китайский университет политических наук и права (CUPL), Пекинский сельскохозяйственный университет (Китай), Неаполитанский университет имени Фридриха II (Италия), Федеральный университет штата Рио-де-Жанейро (Бразилия), Манипальский университет в Джайпуре (Индия), Центральный университет Южного Бихара (Индия), Университет Сантьяго-де-Компостела (Испания), Университет Катании (Италия), Европейский институт политических, экономических и социальных исследований (Италия), Евразийское патентное ведомство, Российский совет по международным делам, Московский государственный лингвистический университет.

IX Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях»

26—27 января 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась IX Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». Инициаторами и организаторами конференции выступили кафедра судебных экспертиз и Институт судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Пленарное заседание конференции 26 января 2023 г. открыла первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ Инна Владимировна Ершова. Она приветствовала участников и пожелала всем активной и продуктивной работы, отметив, что традиционно Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) является одной из главных площадок России, где обсуждаются актуальные проблемы судебной экспертологии и судебно-экспертной деятельности и собирается большое число ведущих ученых и практиков, представителей образовательных и научных организаций, правоприменителей, судебных экспертов, сотрудников судебно-экспертных центров и криминалистических лабораторий. В этом году число участников конференции составило порядка 300 человек.

С приветствиями к участникам конференции обратились директор Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России, доктор юридических наук, профессор А. И. Усов; ректор Московской академии Следственного комитета России доктор юридических наук, доцент А. А. Бессонов; директор Московского исследовательского центра В. А. Немчинов.

Мероприятия ректората

Заседание Ученого совета

30 января 2023 г. прошло очередное заседание Ученого совета МГЮА. В рамках мероприятия коллектив Университета принял решения по текущим кадровым вопросам и деятельности внутренних подразделений.

После приветственного слова директор Института сетевого и онлайн-образования Максим Хохряков представил доклад о стратегии развития Института до 2030 г. В презентации были озвучены планы по разработке, созданию и реализации на рынке образовательных услуг, а также включению в образовательную деятельность Университета электронных образовательных ресурсов (ЭОР) различных форм (онлайн-образование). Также были намечены способы организации и обеспечения научно-воспитательной деятельности в рамках образовательных программ Университета в сетевой форме.

Директор Института прокуратуры Сергей Перов доложил о выполнении решения Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) от 28 марта

2022 г. «О деятельности Института прокуратуры», подчеркнув, что все необходимые меры предприняты и реализованы в срок.

Аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Кристина Гаджиева представила отчет об успешном прохождении учебной программы и подготовке к защите диссертационной работы.

Докторант кафедры конституционного и муниципального права Елена Забелина также отчиталась за проделанную работу и поделилась планом дальнейшей работы.

На заседании Ученого совета почетной грамотой Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) за значительные заслуги и достижения в научно-педагогической деятельности, большой вклад в подготовку высококвалифицированных юридических кадров и в связи с юбилеем была награждена Татьяна Ивановна Отческая, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорской-следственной деятельности, доктор юридических наук, почетный работник судебной системы.

Также на заседании Ученого совета был награжден медалью Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «За заслуги» доктор экономических наук, профессор кафедры управления и экономики, ветеран МГЮА, почетный работник высшего профессионального образования РФ Александр Арсеньевич Петров.

**Людмила Георгиевна
ЕФИМОВА,**

заведующий кафедрой
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
elg007@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Розничная двухуровневая модель цифрового рубля (модель D) — путь к появлению в России одноуровневой банковской системы¹

Аннотация. В статье исследуются изменения, которые будут внесены в законодательство РФ в связи с внедрением Банком России розничной модели цифрового рубля (модель D). Правовой анализ произведен на базе двух концепций цифрового рубля (2020 и 2021 гг.), разработанных Банком России, а также пакета законопроектов о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», а также ряд других законов. В результате проведенного анализа розничной двухуровневой модели цифрового рубля и роли финансовых организаций как участников расчетов (модель D) был сделан вывод, что согласно предложенному механизму Банк России вынужден вступать в договорные правоотношения не только с кредитными организациями, но также напрямую с их клиентами — физическими и юридическими лицами. Выделение уровней банковской системы обоснованно производить в зависимости от того, какую клиентуру обслуживает соответствующий банк. Если банк осуществляет банковское обслуживание клиентов, которые не имеют статуса кредитной организации, то это банк второго уровня. Если банк обслуживает клиентов, имеющих статус кредитной организации, то это банк первого уровня банковской системы. Внедрение модели D в том виде, в каком она описана в Концепции Банка России 2021 г. и в пакете законопроектов, фактически приведет к стиранию различий между двумя уровнями банковской системы.

Ключевые слова: цифровой рубль, платформа цифрового рубля, двухуровневая банковская система, одноуровневая банковская система, правовое положение Банка России, платежная система Банка России, цифровые права, цифровая валюта.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.020-031

¹ Работа подготовлена в рамках деятельности Центра компетенций «Киберправо» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

LIUDMILA G. EFIMOVA,

Head of Banking Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

elg007@mail.ru

[//orcid.org/0000-0002-9777-5261](https://orcid.org/0000-0002-9777-5261)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Retail two-tier Model of the Digital Ruble (Model D) — the Way to the Appearance of a single-tier Banking System in Russia

Abstract. *The article examines the changes that will be made to the legislation of the Russian Federation in connection with the introduction by the Bank of Russia of the retail model of the digital ruble (model D). The legal analysis was carried out on the basis of two concepts of the digital ruble (2020 and 2021) developed by the Bank of Russia, as well as a package of bills on amendments to the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 “On the National Payment System” and a number of other laws. As a result of the analysis of the retail two-tier model of the digital ruble with the role of financial institutions as settlement participants (model D), it was concluded that, according to the proposed mechanism, the Bank of Russia is forced to enter into contractual legal relations not only with credit institutions, but also directly with their clients — individuals and legal entities. It is reasonable to distinguish the levels of the banking system depending on what kind of clientele the respective bank serves. If a bank provides banking services to customers who do not have the status of a credit institution, then this is a second-tier bank. If the bank serves clients with the status of a credit institution, then this is a first-tier bank of the banking system. The introduction of Model D in the form in which it is described in the Concept of the Bank of Russia for 2021 and in the package of bills will actually erase the differences between the two levels of the banking system.*

Keywords: *digital ruble, digital ruble platform, two-tier banking system, single-tier banking system, legal status of the Bank of Russia, payment system of the Bank of Russia, digital rights, digital currency.*

Во многих странах мира, включая Российскую Федерацию, в настоящее время идет активный процесс цифровизации экономики, который уже давно приобрел черты всеобщей технической революции. Результатом цифровизации является дематериализация общественных отношений, т.е. переход этих отношений в цифровую среду, в киберпространство (мир Интернета или World Wide Web), где, как писал Вильям Гиббсон, осуществляется взаимодействие между различными электронными сущностями².

² См.: *Kablan Serge A. Pour une évolution du droit des contrats: le contrat électronique et les agents intelligents. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures de l'Université Laval*

В России одной из таких сущностей может стать цифровой рубль, масштабное введение которого в оборот планируется Банком России в ближайшее время. В настоящее время осуществляются подготовительные мероприятия. С февраля 2022 г. в России проводится пилотирование операций с цифровым рублем. Уже два банка («ПСБ» и «ВТБ») смогли провести полный цикл операций по переводу цифровых рублей между гражданами с использованием мобильных приложений. Весь год будет тестироваться проведение операций с цифровым рублем и между юридическими лицами, и между юридическими и физическими лицами³.

Понятие цифрового рубля и его экономическая и правовая природа находятся в центре многочисленных дискуссий.

Юридическая доктрина вслед за Банком России именуется цифровой рубль «третьей формой российской валюты», которая будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями⁴.

Внедрение платформы цифрового рубля в национальную экономику оценивается экспертами в основном положительно. Так, по мнению О. В. Ваганова и его соавторов, «планомерное внедрение проекта в экономику будет наиболее удачным решением, позволяющим снизить инвестиционную нагрузку на государство в столь трудное время и диверсифицировать риски, связанные с внедрением, которые имеют место быть по объективным внутренним и внешнеэкономическим факторам»⁵.

Наряду с проведением указанного эксперимента, разрабатываются основные программные документы, подготавливается правовое обеспечение для внедрения цифрового рубля в денежный оборот Российской Федерации.

---

dans l'ecadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) Faculté de droit. Université Laval Québec. 2008. P. 20, 25. URL: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en>.

³ Василий Кошкин, экономист, объяснил, зачем России нужен цифровой рубль // URL: <https://rg.ru/2022/05/18/ekonomist-obiasnil-zachem-rossii-nuzhen-cifrovoj-rubl.html> (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ Например, в соответствии с Концепцией цифрового рубля, подготовленной Банком России в апреле 2021 г., цифровой рубль назван третьей формой денег, наряду с наличными и безналичными денежными средствами (URL: <http://www.cbr.ru/fintech/dr/#highlight=цифровой|рубль|цифрового|рубля>). См. также: Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 73—90. Представляется, что признание цифрового рубля новой формой денег — достаточно спорное утверждение, поскольку под формой денег экономисты обычно понимают тот вид имущественных благ, который выполняет функции денег на соответствующем этапе экономического развития общества. Соответственно, ими выделяются: полноценные, или товарные, деньги — золото, серебро (1), а также неполноценные деньги — бумажные деньги (2), биллонная (разменная) монета (3) и кредитные деньги (4) (см.: Денежное обращение. Кредит : учебник для вузов / под ред. Л. А. Дробозиной. М. : Финансы ; Юнити, 1997. С. 16—27).

⁵ Ваганова О. В., Быканова Н. И., Сорокин И. И., Кононыхин Д. И. Цифровой рубль: перспективы внедрения и пути интеграции в финансовую систему России // Экономика. Информатика. 2021. Т. 48. № 3. С. 511. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-perspektivy-vnedreniya-i-puti-integratsii-v-finansovuyu-sistemu-rossii/viewer>.

В настоящее время разработаны следующие документы, так или иначе предусматривающие внедрение цифрового рубля:

- Концепция цифрового рубля Банка России. Доклад для общественных консультаций. Октябрь 2020 г.;
- Концепция цифрового рубля Банка России. Апрель 2021 г.⁶ (далее — Концепция 2021 г.);
- проект федерального закона № 270852-8 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷, внесенный в Государственную Думу 29 декабря 2022 г. депутатами А. Г. Аксаковым, К. М. Бахаревым, А. Н. Свистуновым, И. Н. Бабичем, О. Д. Димовым, В. С. Макаровым, С. В. Алтуховым; сенаторами Российской Федерации Н. А. Журавлевым, Г. Н. Кареловой, А. Д. Артамоновым, М. М. Ульбашевым, А. А. Клишасом (далее — Законопроект об изменении ГК РФ);
- проект федерального закона № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля»⁸, внесенный в Государственную Думу 29 декабря 2022 г. депутатами А. Г. Аксаковым, К. М. Бахаревым, А. Н. Свистуновым, И. Н. Бабичем, О. Д. Димовым, В. С. Макаровым, С. В. Алтуховым; сенаторами Российской Федерации Н. А. Журавлевым, Г. Н. Кареловой, А. Д. Артамоновым, М. М. Ульбашевым, А. А. Клишасом (далее — Законопроект об изменении ряда федеральных законов).

Из Концепции Банка России 2021 г. следует, что для реализации в России идеи создания и внедрения цифрового рубля в гражданский оборот предполагается использовать розничную двухуровневую модель с ролью финансовых организаций как участников расчетов (модель D).

Руководствуясь указанными выше документами, предпримем попытку произвести правовой анализ модели D.

Роль различных субъектов в организации и деятельности платформы цифрового рубля

Из Концепции цифрового рубля 2021 г., а также из Законопроекта об изменении ряда федеральных законов, в котором содержатся предложения о внесении изменений в Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — Закон № 161-ФЗ), следует, что лицами, которые могут так или иначе взаимодействовать с платформой цифрового рубля, являются участники платформы цифрового рубля и пользователи платформы цифрового рубля.

Участником платформы цифрового рубля (п. 41 ст. 3 Закона № 161-ФЗ в редакции Законопроекта об изменении ряда федеральных законов, ст. 8) является «оператор по переводу денежных средств, иностранный банк, являющийся

⁶ URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

⁷ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270852-8>.

⁸ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8>.

владельцем цифрового счета (кошелька), открытого ему в соответствии с правилами платформы цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями, включенный в перечень участников платформы цифрового рубля и обеспечивающий в соответствии с правилами платформы цифрового рубля доступ пользователям платформы цифрового рубля к платформе цифрового рубля и цифровым счетам (кошелькам), а также возможность совершения операций с цифровыми рублями».

Пользователем платформы цифрового рубля (п. 40 ст. 3 Закона № 161-ФЗ в редакции Законопроекта об изменении ряда федеральных законов, ст. 8) является «физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, а также в случаях, установленных законодательством, федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления, соответствующие требованиям, определенным правилами платформы цифрового рубля». Чтобы получить доступ к платформе цифрового рубля, указанные пользователи должны быть клиентами тех операторов по переводу денежных средств, которые являются участниками платформы цифрового рубля.

Из статьи 8 Законопроекта об изменении ряда федеральных законов следует, что пользователем платформы цифрового рубля может быть лицо, являющееся владельцем цифрового кошелька, открытого ему в соответствии с правилами платформы цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями.

Участники и пользователи платформы цифрового рубля в дальнейшем будут именоваться *владельцами цифрового кошелька*, что следует, например, из ст. 860.16 ГК РФ в редакции Законопроекта об изменении ГК РФ.

Банк России занимает особое положение среди участников платформы цифрового рубля.

В соответствии со ст. 82.6.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в редакции законопроекта об изменении ряда федеральных законов (ст. 2) Банк России является оператором платформы цифрового рубля, организует и обеспечивает бесперебойность ее функционирования, а также устанавливает правила платформы цифрового рубля.

Будучи оператором платформы цифрового рубля, Банк России обязан обеспечить в соответствии с правилами платформы цифрового рубля:

- 1) открытие цифровых счетов (кошельков) участникам платформы цифрового рубля, пользователям платформы цифрового рубля;
- 2) доступ к платформе цифрового рубля и цифровым счетам (кошелькам) участникам платформы цифрового рубля, доступ к цифровым счетам (кошелькам) пользователям платформы цифрового рубля, а также возможность восстановления указанного доступа при его утрате или приостановлении, произошедших по вине оператора платформы цифрового рубля;
- 3) учет информации об осуществленных операциях по цифровым счетам (кошелькам);
- 4) управление рисками и непрерывностью функционирования платформы цифрового рубля (обеспечение бесперебойности функционирования платформы цифрового рубля).

Для выполнения указанных функций Банку России предоставлен ряд дополнительных прав, в частности право приостановить доступ к платформе цифрового рубля, доступ к цифровым счетам (кошелькам) в случае нарушения участниками платформы цифрового рубля, пользователями платформы цифрового рубля правил платформы цифрового рубля, а также в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Организация функционирования платформы цифрового рубля в соответствии с моделью D

В Законопроекте об изменении ряда федеральных законов указано, что платформа цифрового рубля — информационная система, посредством которой в соответствии с правилами платформы цифрового рубля взаимодействуют оператор платформы цифрового рубля, участники платформы цифрового рубля и пользователи платформы цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями (п. 38 ст. 3 Закона № 161-ФЗ в редакции Законопроекта об изменении ряда федеральных законов, ст. 8).

Следовательно, платформа цифрового рубля рассматривается в этом Законопроекте как некая цифровая среда, в которой должны взаимодействовать владельцы цифровых кошельков. Эта цифровая среда не может рассматриваться как субъект права, а является объектом правового регулирования. Это своеобразная операционная система, в которую могут встраиваться различные программы-приложения, например смарт-контракты.

Отсюда обоснован вывод, что все организационные договоры, которые должны заключаться для конституирования платформы цифрового рубля и обеспечения взаимодействия между участниками платформы, фактически должны заключаться именно с Банком России, который, как указано в концепциях, является оператором платформы цифрового рубля.

Платформа цифрового рубля должна быть организована согласно розничной двухуровневой модели с ролью финансовых организаций как участников расчетов (модель D).

Поскольку модель D обозначена Банком России как двухуровневая, допустимо выделить следующие два уровня организации той платежной системы, которая будет создана на платформе цифрового рубля. Предположим, что первый уровень должен занимать сам Банк России, который фактически выполняет функции единого организационного центра, поскольку является оператором платформы цифрового рубля. Соответственно, второй уровень должны занимать участники платформы цифрового рубля, а также пользователи платформы цифрового рубля, которые во взаимодействии с участниками платформы цифрового рубля совершают все необходимые договоры с оператором платформы цифрового рубля.

Правовое положение участников банковской системы в связи с созданием платформы цифрового рубля в соответствии с моделью D

Внедрение модели D должно неизбежно привести к изменению правового положения некоторых участников банковской системы, и прежде всего Банка России.

Как уже было сказано, в законопроекте об изменении ряда федеральных законов содержится ряд предложений по внесению изменений в Закон № 161-ФЗ. В частности, в соответствии с частями 2 и 3 ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ в редакции Законопроекта об изменении ряда федеральных законов (ст. 8) предусматривается двухступенчатый порядок доступа к цифровому счету (кошельку) пользователя платформы цифрового рубля. Так, доступ к цифровому счету (кошельку) обеспечивается пользователю платформы цифрового рубля через любого участника платформы цифрового рубля, который осуществляет ведение банковского счета такого пользователя платформы цифрового рубля или формирование остатка электронных денежных средств (ОЭДС) такого пользователя. В свою очередь, доступ к платформе цифрового рубля, открытие цифрового счета (кошелька) и доступ к нему обеспечиваются участнику платформы цифрового рубля оператором платформы цифрового рубля.

Из пункта 1 части 3 ст. 30.7 Закона № 161-ФЗ в редакции Законопроекта об изменении ряда федеральных законов цифровые счета (кошельки) открываются оператором платформы как участникам платформы цифрового рубля, так и пользователям платформы цифрового рубля.

Отсюда следует, что независимо от установленного в ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ непрямого порядка взаимодействия оператора платформы цифрового рубля и пользователя платформы цифрового рубля (через обслуживающие банки) по поводу открытия и доступа к цифровому счету (кошельку), владельцем такого цифрового счета становится непосредственно сам пользователь платформы, а не его банк, который просто помогает открывать ему счет на этой платформе.

Интересно, что модель D предусматривает механизм расчетов, при котором пользователи платформы цифрового рубля будут управлять своими кошельками через кредитные организации, в которых у них открыты банковские счета или счета ОЭДС. Однако в рассматриваемых документах предусматривается достаточно часто, что такие кредитные организации должны просто передавать распоряжения своих клиентов платформе цифрового рубля, т.е. авизовать их в тех случаях, когда расчетные операции осуществляются, минуя цифровые кошельки самих кредитных организаций.

Например, рассмотрим, что происходит, если перевод осуществляется между цифровыми кошельками двух клиентов — физических лиц разных банков (онлайн) (см. рисунок на с. 27).

Как следует из приведенной схемы, кредитная организация принимает поручение своего клиента, проверяет законность его распоряжения на перевод цифровых рублей с точки зрения публичного порядка, а затем просто пересылает это поручение платформе цифрового рубля, видимо, с соответствующим

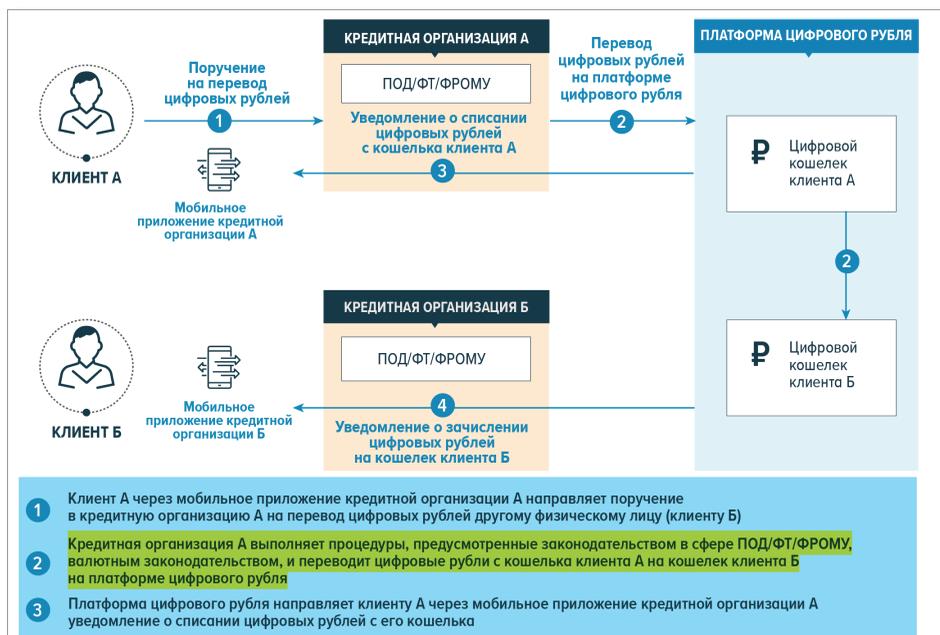

Схема перевода средств между кошельками клиентов — физических лиц (онлайн)⁹

уведомлением о возможности исполнения¹⁰. Каких-либо операций по цифровым кошелькам клиента кредитная организация не производит, учитывая, что согласно рассматриваемой Концепции «кошельки клиентов в цифровых рублях размещаются на платформе цифрового рубля и не отражаются на балансе финансовых организаций»¹¹.

Несколько более обширный перечень функций по участию кредитных организаций в переводе цифровых рублей по распоряжениям пользователей платформы цифрового рубля предусмотрен в частях 3 и 4 ст. 7.1 Закона № 161-ФЗ в редакции Законопроекта об изменении ряда федеральных законов.

Из-за нечеткости редакции указанных правил может сложиться мнение, что кредитные организации действительно участвуют в осуществлении перевода цифровых рублей. Для дальнейшего анализа представляется необходимым процитировать соответствующие нормы полностью:

«3. Участник платформы цифрового рубля, предоставляющий доступ к цифровому кошельку владельцу цифрового кошелька, осуществляет прием к исполнению распоряжения о переводе цифровых рублей в соответствии с законодательством Российской Федерации и правилами платформы цифрового рубля. При приеме к исполнению распоряжения о переводе цифровых рублей участник платформы цифрового рубля обязан в соответствии с законодательством Российской

⁹ Концепция Банка России 2021 г. С. 14.

¹⁰ Аналогичный механизм применяется при покупке товаров физическими лицами за цифровые рубли (онлайн). См.: Концепция Банка России 2021 г. С. 16.

¹¹ Концепция Банка России 2021 г. С. 9.

Федерации и правилами платформы цифрового рубля удостовериться в праве плательщика, получателя, взыскателя средств распоряжаться остатком цифровых рублей, проверить реквизиты перевода цифровых рублей и выполнить иные процедуры приема к исполнению распоряжений клиентов.

4. Участник платформы цифрового рубля после выполнения процедур приема к исполнению распоряжения о переводе цифровых рублей направляет распоряжение о переводе цифровых рублей оператору платформы цифрового рубля. Оператор платформы цифрового рубля выполняет процедуры приема к исполнению и исполнения распоряжений о переводе цифровых рублей в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и правилами платформы цифрового рубля. Оператор платформы цифрового рубля вправе для выполнения процедуры приема к исполнению и (или) исполнения распоряжений о переводе цифровых рублей привлекать участников платформы цифрового рубля, а также иных лиц в порядке, определенном Банком России. Распоряжение о переводе цифровых рублей исполняется в порядке, установленном правилами платформы цифрового рубля».

Если из указанного текста «отжать» смысл данной нормы, то мы приходим к выводу, что участник платформы цифрового рубля, принимающий от пользователя распоряжение на перевод средств, должен лишь произвести идентификацию клиента, проверить его полномочия распоряжаться цифровыми рублями, установить законность его распоряжения на перевод цифровых рублей, т.е. выполнить те действия, которые сама платформа (Банк России) совершить не в состоянии, поскольку не имеет для этого информации.

Только обслуживающий банк может «знать своего клиента» по договору банковского счета или ОЭДС, поэтому законопроект обязал его проверять клиента перед приемом распоряжения на перевод цифровых рублей.

Сомнительно, что право оператора платформы цифрового рубля привлекать участников платформы цифрового рубля к исполнению распоряжений о переводе цифровых рублей, которое продекларировано в рассматриваемом Законопроекте, может быть реализовано, поскольку перевод любых денег (и цифровых рублей в том числе) — это совершение записей по счетам бухгалтерского учета, которые кредитная организация на чужой платформе выполнить не может.

В остальном все действия по переводу цифровых рублей делает сама платформа, руководствуясь тем протоколом, на котором она работает.

Все это указывает на то, что участник платформы цифрового рубля, принимающий от пользователя распоряжение на перевод цифровых рублей, является обычным агентом Банка России, помощником, который самостоятельных расчетных операций не производит. Кредитная организация в данном случае используется только для проверки «благонадежности» и авизования поручения своего клиента.

Влияние модели D на структурирование банковской системы Российской Федерации

В литературе давно и прочно утвердилась точка зрения о том, что банковская система Российской Федерации является двухуровневой¹². Внедрение модели D может изменить такой вывод по следующим причинам.

Учитывая, что оператором платформы цифрового рубля является Банк России, а сама платформа не обладает правосубъектностью, логично предположить, что правоотношения по переводу цифровых рублей складываются у пользователей платформы непосредственно с Банком России, а не с обслуживающей их кредитной организацией.

Такой вывод подтверждается также изменениями в ГК РФ, которые содержатся в законопроекте об изменении ГК РФ. Статья 2 указанного законопроекта предполагает, что глава 45 ГК РФ должна быть дополнена § 5 «Цифровой счет (кошелек)».

В соответствии с п. 1 ст. 860.16 ГК РФ по договору цифрового счета (кошелька) **оператор платформы цифрового рубля** обязуется в соответствии с правилами платформы цифрового рубля обеспечить зачисление цифровых рублей, поступающих на открытый в рамках платформы цифрового рубля **цифровой счет (кошелек) участника платформы цифрового рубля, пользователя платформы цифрового рубля** (владельца цифрового счета (кошелька)), а также выполнять по распоряжению владельца цифрового счета (кошелька) другие операции по цифровому счету (кошельку).

Таким образом, договор цифрового счета (кошелька) заключается между Банком России и участником платформы цифрового рубля либо между Банком России и пользователем платформы цифрового рубля. Далее в рассматриваемой статье ГК РФ прямо зафиксирована обязанность Банка России заключить договор цифрового счета (кошелька) с **лицом**, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе может быть **пользователем** платформы цифрового рубля или **участником** платформы цифрового рубля.

Поскольку цифровой счет (цифровой кошелек), как указано в Концепции Банка России 2021 г. и в законопроекте об изменении ряда федеральных законов, должен открываться пользователями через участников платформы цифрового рубля, обоснован вывод, что кредитные организации, через которые физические и юридические лица будут открывать свои кошельки и управлять ими на платформе цифрового рубля, фактически должны выполнять роль агентов Банка России или агентов своих клиентов (в зависимости от обстоятельств).

Эти кредитные организации по общему правилу не будут принимать на себя никаких расчетных обязательств перед клиентами, управляющими своими цифровыми счетами (кошельками), за исключением тех случаев, когда расчеты

¹² См., например: *Барабанщикова Е. Б., Кузьмина И. Г.* Структура банковской системы Российской Федерации // Национальная ассоциация ученых. Экономические науки. 2015. С. 25—27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-bankovskoy-sistemy-rossiyskoy-federatsii>.

цифровыми рублями должны осуществляться через цифровые кошельки самих кредитных организаций¹³.

Выше было показано, что к числу пользователей платформы цифрового рубля относятся любые физические и юридические лица, индивидуальные предприниматели, а также в случаях, установленных законодательством, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Отсюда следует, что договорные отношения по поводу расчетов в цифровых рублях должны складываться не только между Банком России и кредитными организациями, что традиционно для Российской Федерации, но также между Банком России и обычными физическими лицами, а также между Банком России и юридическими лицами, не являющимися кредитными организациями.

Все это приведет к расширению клиентской базы Банка России, что в настоящее время прямо противоречит ст. 48 и ч. 1 ст. 49 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о Банке России).

Казалось бы, для устранения такого последствия достаточно внесения соответствующих изменений в Закон о Банке России. Однако разработчики Законопроекта об изменении ряда федеральных законов отказались от этого решения, видимо, полагая, что включенные в текст Закона № 161-ФЗ правила об открытии цифровых счетов (кошельков) клиентов и осуществлении расчетных операций цифровыми рублями только через обслуживающие банки способны устранить расширение клиентской базы Банка России за счет традиционных клиентов кредитных организаций.

Такой подход является ошибочным. Поскольку кредитные организации не открывают цифровых счетов (кошельков) на своем балансе, не выполняют бухгалтерских операций по переводу цифровых рублей, не заключают договоров цифрового счета (кошелька) с пользователями платформы цифрового кошелька, обоснован вывод, что договорные отношения будут возникать непосредственно между Банком России и обычными физическими и юридическими лицами.

Представляется, что разработчики и исследователи новой денежной реформы упустили еще одно важное последствие предлагаемых ими изменений.

Так, в большинстве статей, посвященных анализу Концепции Банка России, не подвергается сомнению тот факт, что после внедрения платформы цифрового рубля наша банковская система по-прежнему останется двухуровневой. Например, Е. В. Синельникова-Мурылева пишет, что «выбор розничной двухуровневой модели реализации цифрового рубля, в которой финансовые посредники выполняют роль участников расчетов, снижает риски для существующей двухуровневой банковской системы»¹⁴.

Как известно, выделение уровней банковской системы обоснованно производить с использованием функционального экономического критерия, т.е. в зависимости от того, какую клиентуру обслуживает соответствующий банк. На

¹³ Например, это происходит в случае пополнения кошелька клиентом онлайн. См.: Концепция Банка России 2021 г. С. 12—13.

¹⁴ Синельникова-Мурылева Е. В. Цифровой рубль: риски и выгоды // Экономическое развитие России. Т. 28. 2021. № 5. С. 36.

основании этого подхода структурирование двухуровневой банковской системы происходит следующим образом:

- 1) если банк осуществляет банковское обслуживание клиентов, которые не имеют статуса кредитной организации, то это банк второго уровня;
- 2) если банк обслуживает клиентов, имеющих статус кредитной организации, то это банк первого уровня банковской системы.

Неслучайно Банк России — это **банк банков**, кредитор в последней инстанции (ст. 4 Закона о Банке России). Именно поэтому он является банком первого уровня банковской системы Российской Федерации.

В настоящее время использование функционального экономического критерия для разграничения двух уровней российской банковской системы обеспечивается за счет применения ст. 48 Закона о Банке России, которая по общему правилу запрещает Банку России обслуживание традиционной банковской клиентуры — физических лиц и юридических лиц, не являющихся кредитными организациями.

Внедрение модели D в том виде, в каком она описана в Концепции Банка России 2021 г. и в пакете законопроектов, фактически приведет к стиранию различий между двумя уровнями банковской системы. При этом сложно будет объявить многочисленных клиентов Банка России, которых он должен будет обслуживать на платформе цифрового рубля, в качестве еще одного исключения из правила о запрете на банковское обслуживание некредитных организаций, учитывая их значительное количество. Представляется, что клиентами Банка России фактически станем все мы, поскольку каждый захочет открыть цифровой кошелек в эмиссионном банке, который полностью застрахован от несостоятельности внутри страны.

Масштабы обслуживания традиционной банковской клиентуры, которую будет осуществлять Банк России, могут оказаться столь значительными, что это приведет к постепенному преобразованию двухуровневой банковской системы в одноуровневую модель.

Мы далеки от вывода, что такое последствие наступит сразу после внедрения платформы цифрового рубля. Однако первый шаг в этом направлении точно будет сделан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барabanщикова Е. Б., Кузьмина И. Г. Структура банковской системы Российской Федерации // Национальная ассоциация ученых. — Экономические науки. — 2015. — С. 25—27.
2. Ваганова О. В., Быканова Н. И., Сорокин И. И., Кононыхин Д. И. Цифровой рубль: перспективы внедрения и пути интеграции в финансовую систему России // Экономика. Информатика. — 2021. — Т. 48. — № 3.
3. Денежное обращение. Кредит : учебник для вузов / под ред. Л. А. Дробозиной. — М. : Финансы ; Юнити, 1997. — 544 с.
4. Синельникова-Мурылева Е. В. Цифровой рубль: риски и выгоды // Экономическое развитие России. — 2021. — Т. 28. — № 5.
5. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 5. — С. 73—90.

**Александр
Александрович
ВИШНЕВСКИЙ,**

профессор Департамента
частного права
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»,
доктор юридических наук
aavishnevsky@gmail.com
101000, Россия, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Учет публичного интереса как критерий справедливости договорных условий (на примере проблематики банковских сделок)¹

Аннотация. В статье на примере современных банковских сделок (банковский вклад) обосновывается необходимость учета публичного интереса при оценке договорных условий как справедливых или несправедливых. По мнению автора, справедливость договорных условий не может оцениваться только с учетом интересов одной стороны по отношению к интересам другой стороны в договоре. Напротив, отношения сторон частноправовой сделки в банковском праве, имеющей двойственную природу гражданско-правового договора и банковского продукта, должны оцениваться в свете интереса банковской системы в целом, поскольку вне банковской системы банковские сделки не могут существовать. Соответственно, договорное условие не может быть справедливым, если оно в полной мере учитывает интересы, например, потребителя, но при этом игнорируется интерес самой банковской системы. В свою очередь, интересы банковской системы — это по своей природе публичные интересы. Проблематика статьи затрагивает и фундаментальные основы взаимодействия публичного и частного интереса, указывая на необходимость пересмотра традиционного подхода к «делению» права на частное и публичное.

Ключевые слова: несправедливые условия договора, принцип справедливости, банковско-клиентские отношения, защита потребителя финансовых услуг.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.032-041

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках выполнения междисциплинарного научно-исследовательского проекта факультета права НИУ ВШЭ «Правовые механизмы преодоления неравенства» (частноправовой блок «Преодоление проблемы несправедливых договорных условий в частном праве»).

ALEXANDER A. VISHNEVSKY,

*Professor of the Department
of Private Law*

*at the National Research
University Higher School of Economics,*

Dr. Sci. (Law)

aavishnevsky@gmail.com

20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russia, 101000

**Public Interest Accounting as a Criterion for the Fairness
of Contractual Terms (on the example
of the problems of banking transactions)**

Abstract. *The article (considering as an example the banking transactions, mostly bank deposit) provides for necessity to take into consideration the public interest while considering the terms and conditions of the contract as fair or unfair. According to the author, the fairness of the terms and conditions of the contract cannot be assessed just when taking into consideration of the interests of one of the parties vis-a-vis the other party to the contract — as far as the banking transaction of a dual nature, both civil law contract and banking product, the fairness is to be considered in the light of the interests of the banking system as a whole, as far as banking transaction cannot exist without such a system, therefore the contract term cannot be considered as fair if it provides for the best protection if the consumer interests but ignores the interest of the banking system. In turn, the interests of the banking system are public by its nature, and the article touches upon the fundamentals of counteractions of the private and public interests stressing the necessity to reconsider the traditional approach to the “division” between the public and private law.*

Keywords: *Unfair contract terms, principle of equity, banker-customer relations, consumer protection in financial services.*

Конструкция несправедливых (нечестных) договорных условий заняла прочное место в современном законодательстве о защите прав потребителей. В зарубежном праве, в европейском регионе, несомненно, «законодатель мод» является право ЕС, в частности Директива 93/13 о нечестных условиях в договорах с потребителями². Согласно этой Директиве (ст. 3) нечестным признается условие договора, которое не являлось предметом переговоров в конкретном случае, если вопреки требованиям добросовестности оно привело к существенному дисбалансу в правах и обязанностях сторон договора в ущерб интересам потребителя.

² Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 “On Unfair Terms in Consumer Contracts” // Official Journal of the European Communities. 21.4.93. No. L 95/29. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/pdf/?uri=celex:31993l0013&from=en>.

При этом показательно, что европейский законодатель сразу отдавал себе отчет в недостаточности одного только подобного определения, поэтому, наряду с определением в приложении к Директиве, привел, примеры условий, которые могут рассматриваться в качестве нечестных. Их список достаточно обширен и не является закрытым.

Российское законодательство, хотя не оперирует именно термином «несправедливые условия договоров», тем не менее не оставляет этот вопрос без внимания. Так, в Законе о защите прав потребителей существует понятие «недопустимые условия, ущемляющие права потребителя»³, а еще до принятия специального закона о потребительском кредитовании Высший Арбитражный Суд РФ высказал правовые позиции по допустимости ряда условий в договорах между банками и потребителями⁴.

Таким образом, отсутствие специального закона собственно о несправедливых договорных условиях в российском законодательстве не означает, что проблеме не уделялось внимания в отечественном законодательстве, просто для ее решения законодатель избрал иной путь.

В настоящей статье мы хотим посмотреть на проблему справедливости договорных условий несколько шире — не просто в свете «конкуренции» интересов сторон в сделке, но в свете соотношения этих интересов с публичным интересом соответствующей (банковской) системы.

Пожалуй, не будет ошибкой утверждать, что на протяжении веков в юриспруденции складывалось четкое убеждение (если не предубеждение), что частные и публичные интересы противостоят друг другу. Даже когда высказывается очень правильная мысль о разумном, сбалансированном использовании частноправовых и публично-правовых инструментов правового регулирования для образования устойчивого и разумного правопорядка в обществе⁵, в ней все равно можно увидеть это изначальное противопоставление — именно вследствие того, что частный и публичный интересы противопоставлены, есть смысл искать их баланс, поскольку поиск баланса уместен в отношении лишь тех явлений, которые противостоят друг другу.

Но утверждать, что между частным и публичным интересом вообще нет противоречия, было бы очевидно неправильным. Иногда приходится слышать, что публичный интерес — это совокупность частных интересов, но нам это представляется нонсенсом — совокупность частных интересов всегда останется только совокупностью частных интересов, публичный интерес всегда отличен от множества частных интересов.

Приведем пример из настоящего — с заготовкой необработанной древесины, которая является одним из предметов экспорта для Российской Федерации. Интерес защитников природы — в том, чтобы уменьшить вырубку лесов. Интерес бизнеса — в том, чтобы вырубки и, соответственно, прибыли были больше, что совпадает и с интересом работников, поскольку от этого зависит получение

³ Закон о защите прав потребителей. Ст. 16.1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.09.2011 № 146 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: *Ульянищев В. Г.* Основы римского права. М. : РУДН, 2012. С. 54.

зарплаты. А интерес государства состоит в том, чтобы сократить поставки необработанной древесины в Финляндию по политическим причинам — именно в этом заключается публичный интерес, и он вовсе не представляет собой результат совокупности частных интересов (речь же вовсе не о том, что сторонников защиты природы стало больше всех остальных), он существует сам по себе, обладая своей «самостью», а не представляя собой среднее арифметическое частных интересов.

Наша позиция в связи с этим иная — частный интерес справедлив постольку, поскольку он является частью публичного интереса. Хочется сказать даже более категорично: *частный* интерес имеет вообще право на существование лишь постольку, поскольку он является *частью* публичного интереса, поскольку в противном случае часть начинает разрушать целое, и ни одна система такое выдержать не сможет, причем не только с целью защиты самой себя, системы, но и с целью защиты... частного (!) интереса — ведь частный интерес не может быть защищен в вакууме, он может быть эффективно защищен только при условии его функционирования и защиты в рамках стабильной системы, частью которой он является.

Эти утверждения слишком глобальны и требуют более объемного исследования для должной аргументации. Задача настоящей статьи куда более скромная — показать взаимодействие частного и публичного интереса на некоторых конкретных примерах банковских сделок и как результат — оправданность рассмотрения публичного интереса как критерия справедливости договорных условий.

Попробуем посмотреть сквозь эту призму на следующее договорное условие, относящееся к банковским сделкам, точнее, на одно из положений законодательства, прямо ограничивающее договорную свободу. Речь идет о договоре банковского вклада. В числе положений ГК РФ, регулирующих данный вид договора, когда вкладчиком является физическое лицо, находим следующие:

- банк обязан выдать сумму вклада и соответствующие проценты по первому требованию вкладчика независимо от вида вклада;
- условие договора об отказе вкладчика от такого права ничтожно⁶.

Перед нами очевидное стремление законодателя ограничить возможность несправедливых договорных условий в договоре банковского вклада, в котором вкладчиком является гражданин. Стремление, с позволения сказать, похвальное, но давайте попробуем разобраться, в какой степени это стремление законодателя ограничить несправедливые договорные условия само является... справедливым.

Чтобы постановка вопроса была понятной и, полагаем, оправданной, посмотрим на это договорное условие в более широком контексте — в контексте тех взаимоотношений, в которых существует и только и может существовать банковский вклад — в контексте отношений в банковской *системе*. Действительно, поскольку банковский вклад является не только *гражданско-правовым* договором, но и *банковским продуктом*, не будучи которым, он попросту не сможет стать договором, то оправданно оценить его с точки зрения интересов той системы, без которой все это не может иметь места.

В чем природа банковского вклада как банковского продукта в понимании ГК РФ? Она не просто в том, чтобы хранить и выдать деньги вкладчику, точнее,

⁶ ГК РФ. Ст. 837.

она абсолютно не в том, чтобы хранить и выдать деньги вкладчику, а в том, чтобы использовать деньги вкладчика как банковский актив, с помощью которого банк может получить прибыль и поделиться ею с вкладчиком в виде процентов по вкладу. С этой целью законодательство разрешает банку использовать по своему усмотрению находящиеся на счете клиента денежные средства⁷ (естественно, без ущерба для прав клиента в отношении этих средств) и, наряду с этим, не предусматривает возможности клиенту (вкладчику) осуществлять какой-либо контроль за использованием этих средств. Идея нормы как раз в том, чтобы не сдерживать банк в нахождении оптимальных способов использовать этот актив, заработать на нем, естественно, без ущерба для права вкладчика получить свои деньги обратно в соответствии с договоренностями.

Но в какой степени банк может рассчитывать на эти средства как на серьезный актив, используя который, он может заработать эту прибыль? Понятно, что при существовании обязательства вкладчика не требовать выплаты суммы вклада в течение определенного срока ценность такого актива повышается вследствие его «гарантированной доступности» для банка. Но если банк, несмотря на прямо предусмотренный в договоре срок возврата вклада, не вправе рассчитывать на эти деньги в течение указанного срока, будучи обязанным вернуть их вкладчику по требованию в любое время, то они перестают быть в должной степени именно тем активом, в качестве которого по своей природе должны рассматриваться.

Попробуем оценить эту ситуацию в свете поставленной нами проблемы — *в свете соотношения публичного и частного интереса*.

Вне всякого сомнения, частный интерес — интерес вкладчика-гражданина, здесь защищен, поскольку норма о его праве в любое время забрать свои деньги при любом виде вклада, несомненно, направлена на защиту его интересов.

Наряду с частным интересом вкладчика в данном правоотношении существует и частный интерес банка, состоящий в том, чтобы полагаться на эти деньги как на достаточно «длинные» деньги. Очевидно, что данный частный интерес проигнорирован законодателем.

Если бы речь шла только о взаимном «весе» интересов двух данных субъектов, то такая позиция законодателя была бы более, чем оправдана. Но ведь в данном случае существует еще и интерес банковской системы — не давая возможности банку полагаться на эти деньги как на «срочные, длинные» деньги, законодатель тем самым лишает этой возможности не просто отдельно взятый банк, но и всю банковскую систему — ведь эти деньги изымаются из системы раньше, чем изначально предполагалось, соответственно, система их неожиданно лишается. И речь идет не просто о «желательности» этих денег для более эффективного функционирования системы, но и об опасности их изъятия с точки зрения возможных негативных последствий для финансового состояния банка, что, в свою очередь, влечет за собой риски для банковской системы в целом.

В недавнем прошлом представилась любопытная иллюстрация последствий такого дисбаланса. Известно, что несколько лет назад, в частности в 2018 г., Агентство по страхованию вкладов (АСВ) предъявило достаточно многочисленные иски к клиентам банка — физическим лицам, которые забирали свои деньги

⁷ ГК РФ. Ст. 845.

из банка незадолго (в течение месяца) до возбуждения в отношении банка процедуры банкротства. При этом в некоторых источниках отмечался «стандартный» подход судов к рассмотрению таких споров, когда дела решались в пользу АСВ как «под копирку»⁸.

Ситуация парадоксальная: АСВ, призванное законом защищать права вкладчиков, требует вернуть деньги, т.е. действует вопреки интересам вкладчиков!

И отсюда следует очевидный вывод: в свете того, как нами поставлена проблема в настоящей статье, можно сказать, что игнорирование законодателем «публичной» справедливости привело к попранию справедливости «частной» именно того субъекта, чьи интересы законодатель стремился защитить!

Следует оговориться, что сказанное выше не должно рассматриваться в качестве общего правила — напротив, Верховный Суд РФ при рассмотрении обстоятельств одного из таких дел указал, что снятие денежных средств с банковского вклада при наличии у банка картотеки неоплаченных документов не должно рассматриваться в качестве оказанного банком предпочтения одному из кредиторов, поскольку требования физических лиц, основанные на договоре банковского вклада, относятся к требованиям первой очереди⁹.

Но мы хотим подчеркнуть, что произошедшее является *симптоматичным* в том смысле, что орган, призванный защищать частный интерес вкладчика, начинает защищать интерес публичный, а частному лицу предлагает *защитить свой частный интерес через защиту публичного!* Второе обстоятельство особо значимо — не просто публичный интерес ставится выше частного, но частный интерес защищается *через* защиту публичного. Действительно, вкладчику не отказывают в его правах на банковский вклад, но предлагают его реализовать лишь в той форме (что практически может означать и лишь в том размере), которая обеспечивает учет публичного интереса.

Что в таком случае должен означать учет публичного интереса? Это означает учет интересов той системы, в которой существует (в которой только и может существовать) соответствующее правоотношение. В частности, в нашем примере с банковским срочным вкладом — это интерес банковской системы.

Интерес банковской системы состоит в сохранении своей стабильности и устойчивости, постоянного эффективного функционирования, что находит подтверждение и в законодательстве¹⁰. Срочный вклад, оцененный в этом свете, означает, что интерес банковской системы в том, чтобы деньги оставались в системе на срок, изначально указанный в договоре. *В этом справедливость договорного условия с точки зрения банковской системы.* По нашему мнению, именно эта справедливость должна получить защиту при решении вопроса о справедливости или несправедливости условий в договоре банковского вклада.

Но задача и в том, чтобы интересы вкладчика не были всецело «раздавлены» интересом банковской системы. Возможно, следует в связи с этим подумать о

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3535344> (дата обращения: 15.09.2022).

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 27.02.2018 № 305-ЭС17-22716 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Ст. 3 // СПС «КонсультантПлюс».

том, чтобы защитить их не правом досрочно изъять вклад в любое время, когда вздумается, но предоставлением такого права в той степени, в какой это не игнорирует интересы системы в целом.

Например, в качестве альтернативы праву изъять все средства в любое время может быть право вкладчика изъять в размере, который гарантируется ему АСВ при банкротстве банка. При таком подходе:

- интерес банковской системы не игнорируется полностью, ограничиваясь лишь в той мере, в которой он все равно был бы «ограничен» выплатой из Фонда страхования вкладов;
- интересы банка учтены, поскольку он гарантированно получает возможность использовать в качестве долгосрочного актива средства, превышающие указанный размер;
- интересы вкладчика не проигнорированы, поскольку он получает возможность досрочного снятия определенной суммы;
- немаловажно, что повышается ответственность вкладчика (потребителя) за свои действия, ведь защита потребителя не должна стимулировать его беспечность, полагаясь на то, что он будет защищен «всегда» — этот подход не чужд банковскому праву, например, в том же вопросе о страховании вкладов существует предел выплаты по невозвратному вкладу, и этот предел в современном банковском праве существует именно для того, чтобы вкладчик, зная, что он получит не абсолютно все, выбирал для вклада те банки, которые более надежны, ведут менее рискованную политику.

Если суммировать сказанное, то мы подходим к пониманию справедливости договорных условий не в искусственно ограниченном контексте взаимоотношений двух сторон договора, а в контексте интересов системы, в которой существует соответствующее правоотношение. Возможно, будет правильным термин «системная справедливость», которая должна приниматься во внимание при оценке конкретного договорного условия в качестве справедливого или несправедливого. При этом она должна пониматься не как игнорирование двух частных интересов «во имя системы», а как средство реализации частного интереса через реализацию системного (публичного), а не вне его, что соответствует и сути частного интереса как части интереса публичного, а не как интереса эгоистичного.

Возможно, такой подход покажется прямо противоречащим самой идее частного интереса. Мы же считаем, что на самом деле он является возвращением к истокам.

Обратимся к римскому праву, которое обычно преподносится как своего рода «колыбель и торжество» частного права. Сразу оговоримся, что для римских юристов не было характерно «деление» права на частное и публичное, а было характерно понимание *изучения* (а не деления!) права как изучение частного и публичного интереса в тех общественных отношениях, которые необходимо урегулировать — именно так ставится вопрос в знаменитом высказывании Ульпиана: «*Изучение* (курсив наш. — А. В.) права распадается на два положения: публичное и частное (право)... существует полезное в общественном отношении и полезное в частном отношении»¹¹.

¹¹ D. I. I. 1. § 2.

И здесь интересный вопрос: что такое частный интерес в «том», а не в теперешнем понимании? В определенной, а может, не побоимся такой оценки, в значительной, степени на этот вопрос проливают свет следующие мысли Т. Моммзена, высказанные им в ходе сравнения эллинского и римского характеров:

«Сущность эллинского духа заключается в том, что целое приносилось в жертву отдельной личности, нация — общине, община — гражданину; его идеалом была прекрасная и нравственная жизнь и слишком уже часто приятная праздность; его политическое развитие заключалось в углублении первоначальной обособленности отдельных областей и позднее даже во внутреннем разложении общинной власти... Сущность же римского духа выражалась в том, что он держал сына в страхе перед отцом, гражданина в страхе перед его повелителем, а всех их в страхе перед богами; он ничего не требовал и ничего не уважал, кроме полезной деятельности, и заставлял каждого гражданина наполнять каждое мгновение короткой жизни неусыпным трудом... для него государство было все, а расширение государства было единственным незапретным высоким стремлением... италик решительно отказывался от произвола ради свободы и научался повиноваться отцу, для того чтобы уметь повиноваться государству... При такой покорности могли пострадать отдельные личности и могли заглухнуть в людях их лучшие природные задатки, зато эти люди приобретали такое отечество и проникались такою к нему любовью, каких никогда не знали греки, зато между всеми культурными народами древности они достигли — при основанном на самоуправлении государственном устройстве такого национального единства, которое в конце концов подчинило им разрозненное эллинское племя и весь мир»¹².

Из этого следует вывод, который кому-то может показаться непривычным, но очевидно из сказанного, что если сущность римского духа была именно в этом, то «частный» интерес римлянина — это интерес гражданина, патриота, а не потребителя, частный интерес в тогдашнем понимании не имеет ничего общего с современным потребительско-эгоистичным частным интересом. Так думать не принято, но об этом забывать не стоило бы.

Возможно, это в какой-то степени преувеличение, такие вопросы в значительной степени зависят от точки зрения автора. Но мы склонны считать это в большей степени истиной, чем преувеличением, и не в силу какого-либо предубеждения, но в силу того очевидного факта, что римское право не стало бы «тем самым» римским правом, если бы не сильная римская государственность, которая была бы невозможной без граждан-патриотов. Соответственно, есть смысл доверять выводам, а лучше сказать — прозрениям процитированного выше великого историка.

А чтобы полагаться не только на «научные пристрастия», попробуем посмотреть опять же на конкретные примеры, на этот раз из истории римского права.

Мы давно привыкли к такому частноправовому положению, когда покупатель отвечает за недостатки проданной вещи, оно нам кажется само собой очевидным. Но ведь так было не всегда: первоначально всецело господствовал принцип *caveat emptor*, в силу которого эти риски лежали на покупателе. Правило об ответственности продавца, а не покупателя за недостатки проданной вещи возникло в деятельности курульных эдилов, в обязанности которых входило поддержание

¹² Моммзен Т. История Рима. СПб. : Наука ; Ювента, 1994. С. 36.

порядка на рынке. Выходит, что покупатель получил указанную защиту вследствие того, что это было лучше для интересов *рынка*, т.е. общеизвестное, общепринятое в настоящее время частноправовое положение возникло постольку, поскольку им обеспечивался публичный — «общерыночный» — интерес!

И подобного рода примеры из римского права можно продолжить.

Полагаем, что сейчас более чем своевременно обратить внимание на такую роль римского частного права, как средства обеспечения публичного по своему существу интереса. И частным проявлением такого подхода может считаться пересмотр обязательных договорных условий в банковских сделках — тех условий, которые в свое время вполне оправданно появились в нашем гражданском законодательстве после злоупотреблений финансовых пирамид 1990-х.

Но в настоящее время в явно изменившихся условиях, в том числе с учетом эффективной системы страхования вкладов, уже более уместно принять во внимание интересы банковской системы при решении вопроса о том, что является справедливым в договорных отношениях, с пониманием того, что невозможно защитить интерес элемента система «против» системы, т.е. что не может быть эффективно защищен интерес одного из элементов системы, если не приняты во внимание интересы системы в целом.

В этом смысле показательно, что публичный интерес фигурирует в качестве фактора доктринального осмысления банковской системы в течение уже достаточно продолжительного времени. Например, рассуждая о «двойственной» природе банков, В. С. Белых замечает: «Если бороться за чистоту цивилистического метода регулирования, то необходимо устранить эту двойную природу банков. Напротив, если повернуться... лицом к рыночной экономике, указанное *сочетание частноправовых и публично-правовых начал* (курсив наш. — А. В.) — желаемый результат социального прогресса общества; *то, к чему должно стремиться право* (курсив наш. — А. В.)»¹³.

Показательно, что в экономической литературе эта «двойственность» природы банка получила более стойкое признание¹⁴. Невозможность со стороны банка замкнуться на своих эгоистично воспринимаемых коммерческих интересах начинает осознаваться (хотя, говоря по правде, далеко не всегда) и в банковском сообществе, где существует понимание того, что «без успешного общества не может быть успешного банка». Эта фраза была сказана одним из банковских топ-менеджеров в Северной Каролине, когда банк корректировал свою политику в зависимости от интересов местного населения¹⁵. В философской литературе существуют подходы к справедливости как к *изначальному сбалансированному состоянию системы*¹⁶. Полагаем, что в юридической литературе этот аспект справедливости в банковско-клиентских отношениях тоже может быть воспринят с большей смелостью, когда объективно необходимая потребителю защита

¹³ Банковское право : учебник для бакалавров / под ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2013. С. 160.

¹⁴ Из доступных на русском языке источников можно назвать: *Уэрто де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск, 2008.

¹⁵ *Lowary J.* The Obligation of a Banker // Bank Director. 2019. Vol. 29. Is. 1.

¹⁶ *Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts, 1999.

предоставляется ему постольку и таким образом, чтобы при этом принимались во внимание интересы банковской системы в целом с пониманием той очевидности, что интересы части не могут быть в действительности защищены, если страдают интересы целого.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Банковское право : учебник для бакалавров / под ред. В. С. Белых. — М. : Проспект, 2013.
2. Курбатов А. Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. — М. : Юриспруденция, 2010.
3. Моммзен Т. История Рима. — СПб. : Наука ; Ювента, 1994.
4. Покровский И. А. История римского права. — М. : Статут, 2004.
5. Ульянцев В. Г. Основы римского права. — М. : РУДН, 2012.
6. Уэрто де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. — Челябинск, 2008.
7. Lowary J. The Obligation of a Banker // Bank Director. — 2019. — Vol. 29. — Is. 1.
8. Rawls J. A Theory of Justice. — Cambridge, Massachusetts, 1999.

**Ирина Евгеньевна
МИХЕЕВА,**

заместитель заведующего
кафедрой
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
ya.miheeva@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Банковские экосистемы в России: понятие и предпосылки появления¹

Аннотация. В статье рассмотрены предпосылки создания банковских экосистем. Автором сделан вывод, что основными предпосылками являются: снижение доходов от традиционных банковских операций и стремление банков к увеличению прибыли за счет небанковских доходов; внедрение новых, в том числе цифровых, технологий; наличие у банков персональных данных клиентов (больших данных). Появление систем удаленной идентификации и обслуживания клиентов обеспечило доступность банковских услуг и расширило клиентскую базу. Формирование новых поведенческих предпочтений клиентов через расчеты, другие операции предоставили возможность кредитным организациям совершенствовать свои услуги.

Основные предпосылки создания банковских экосистем стали причиной трансформации банковской деятельности.

В теории предлагаются различные определения понятия «банковские экосистемы», которые по-разному раскрывают правовую природу экосистем либо содержат один или несколько ее признаков. Автор приходит к выводу, что в основу таких определений положен институциональный либо инструментальный признак.

На основе проведенного исследования в статье обосновано, что в российском праве банковские экосистемы построены по типу банковской группы (холдинга).

Ключевые слова: банковские экосистемы, недобросовестное поведение, банки, холдинги, группы компаний, цифровые технологии.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.042-049

IRINA E. MIKHEEVA,

deputy head of Banking law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
ya.miheeva@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Banking Ecosystems in Russia: the Concept and Background of the Appearance

Abstract. The article discusses the prerequisites for the creation of banking ecosystems. The author concludes that the main of such prerequisites are: reduction of income from traditional banking operations and banks' desire

¹ Работа подготовлена в рамках деятельности Центра компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы развития «Приоритет-2030».

to increase profits at the expense of non-bank income; introduction of new, including digital technologies; availability of personal customer data (big data) at banks. The advent of remote identification and customer service systems has ensured the availability of banking services and expanded the customer base. The formation of new behavioral preferences of customers through calculations and other operations provided an opportunity for credit institutions to improve their services.

The main prerequisites for the creation of banking ecosystems have caused the transformation of banking activities.

The theory offers various definitions of the concept of "banking ecosystems", which reveal the legal nature of ecosystems in different ways, or contain one or more of its features. The author came to the conclusion that such definitions are based on institutional or instrumental features.

Based on the conducted research, the article substantiates that in Russian law, banking ecosystems are built according to the type of a banking group (holding).

Keywords: *banking ecosystems, unfair behavior, banks, holdings, groups of companies, digital technologies.*

В банковской сфере России в последние годы прослеживается четкий тренд — построение собственной экосистемы².

Ключевыми факторами, способствующими появлению банковских экосистем, называют: конкуренцию традиционных банков с компаниями FinTech и BigTech; которые проникают в банковское дело и захватывают долю рынка, используя свои технологические преимущества; цифровизацию банковской деятельности и создание цифровых платформ, которые расширяют возможности сотрудничества всех заинтересованных сторон³.

В Докладе Банка России для общественных консультаций «Экосистемы: подходы к регулированию» (далее — Доклад Банка России об экосистемах) также обозначены факторы, которые значительно повлияли на создание банковских экосистем: это накопленные технологические изменения, совершившие качественный переход от этапа прорыва к этапу практического внедрения, запрос на изменения и снятие географических барьеров со стороны спроса, исчерпание возможностей традиционных бизнес-моделей, в первую очередь с точки зрения маржинальности бизнеса и генерации привычного роста дохода акционеров⁴.

Согласимся с указанными позициями и рассмотрим основные причины, с которыми связывают появление банковских экосистем.

² См.: Доклад Банка России для общественных консультаций «Экосистемы: подходы к регулированию» / Банк России. Апрель 2021 г. С. 3 // URL: https://cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

³ Воскресенская Л. Н., Мясникова Е. Б., Нурмухаметов Р. К. Банковские экосистемы в России: сущность, виды, регулирование // Финансовые рынки и банки. 2011. № 8. С. 33—34.

⁴ Доклад Банка России об экосистемах. С. 6.

Одной из ключевых предпосылок создания банковских экосистем в России признают снижение доходов от традиционных банковских операций и стремление банков к увеличению прибыли за счет небанковских доходов, что спровоцировало кредитные организации переориентироваться на «продажу» небанковских услуг.

Первым шагом к формированию современных банковских экосистем еще в начале XXI в. стало создание кредитными организациями дочерних страховых компаний. В настоящее время «банки продолжают поиск дополнительных источников доходов, диверсифицировать которые можно за счет продажи небанковских сервисов»⁵, продолжают осваивать сферы потребительских товаров и услуг⁶.

Необходимость сохранить свое место посредника при совершении банковских операций и сделок стало еще одной причиной создания банками собственных экосистем. Появление банковских экосистем является результатом потребности сохранить свое место посредника в банковской деятельности, конкуренции с новыми игроками на финтех-рынке, которые сумели продемонстрировать свои возможности разрушить традиционную банковскую систему⁷.

Наличие у банков большой клиентской базы позволило им формировать банковские экосистемы. По мнению J. Moore, «для осуществления любой... инновации необходимы партнеры-потребители и партнеры-поставщики. И чем радикальнее (и зачастую ценнее) инновация, тем больше, глубже и шире должны быть задействованы другие игроки, особенно потребители»⁸, что как раз имеется у банков. Именно наличие в банках клиентской базы дает им возможность создавать экосистемы.

Внедрение новых, в том числе цифровых, технологий в банковскую деятельность также следует признать одной из основных предпосылок появления банковских экосистем. Эти технологии обеспечили возможность сформировать банковские экосистемы. Их внедрение позволило банкам предоставлять клиентам услуги дистанционно, ускорить процесс совершения банковских операций.

Появление систем удаленной идентификации и обслуживания клиентов обеспечило **доступность банковских услуг и расширило клиентскую базу**. С каждым годом дистанционные каналы банковского обслуживания расширяют спектр предоставляемых продуктов, тем самым стимулируя рост доли клиентов, предпочитающих цифровые сервисы визитам в банковские отделения. Это не

⁵ Ашурбекова З. Н., Мусаева З. А. Банковские экосистемы как новое направление трансформации банковского сектора России // Теория и практика мировой науки. 2021. № 5. С. 19—22.

⁶ Вахрушев Д. С., Кальсин А. Е., Нидерштраг Г. Д. Цифровизация как фактор формирования банковских экосистем: современные тенденции и актуальные вопросы регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Экономика и управление. 2021. № 4 (56). С. 96.

⁷ ТОП-10 финтех-стартапов, способных убить банки // URL: <https://psm7.com/articles/top-10-fintech-startapov-sposobnyx-ubit-banki.html> (дата обращения: 01.04.2022).

⁸ Цит. по: Вартаев Р. С., Быстров А. В. Экологический подход к стратегической конкуренции. Современная конкуренция. 2019. Т. 13. № 4 (76). С. 19.

только снижает банковские издержки, но и повышает операционные мощности банковской системы⁹.

С применением цифровых профилей у банков появится возможность аккумуляции большего объема информации о пользователях посредством системы биометрии¹⁰, что позволит им еще больше расширить свои услуги. При этом данные о клиентах используются всеми участниками экосистемы.

Формирование новых поведенческих предпочтений клиентов через расчеты, другие операции клиентов предоставило банкам возможность **совершенствовать сервисы и услуги**.

Экосистемы позволяют получать в одной среде, одном приложении почти все, что нужно потребителя ежедневно¹¹. По мнению М. Н. Иванович, «основой появления экосистем стали вызванные цифровизацией банковской деятельности изменения поведенческих предпочтений потребителя»¹². Действительно, банки мониторят поведение своих клиентов и предлагают им услуги, товары, которые они выбирали ранее.

В действующем российском законодательстве отсутствует легальное **определение понятия «банковская экосистема»**. Законодатель также не предусмотрел и базовое понятие «экосистема». В литературе данная дефиниция широко обсуждается, при этом исследователями используются понятия «экосистема», «цифровая экосистема», «информационная система», «экосистема цифровой экономики», «бизнес-экосистема» и т.д., авторы часто даже не разграничивают указанные понятия.

Следует согласиться с тем, что общая теория экосистем в настоящий момент находится в стадии зарождения, и работы, в которых систематизируются подходы к исследованию экосистем, стали публиковаться только в последние годы¹³.

Особенностью формирования экосистем/платформ в России является то, что в основе этого процесса лежат не только технологические продукты и услуги (поиск, социальные сети, электронная коммерция), но и классические, такие как финансы и телекоммуникации¹⁴.

В ряде случаев основой бизнес-экосистемы указывают новые технологии. Так, в Докладе Банка России об экосистемах дано следующее определение: «Экосистема (цифровая экосистема) — совокупность сервисов, в том числе

⁹ Вахрушев Д. С., Кальсин А. Е., Нидерштраг Г. Д. Указ. соч. С. 96.

¹⁰ Бычкова И. И. Цифровизация банковских продуктов как основа формирования экосистемы банка : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2021. С. 11.

¹¹ Набиуллина Э. С. Выступление на встрече Ассоциации банков России 18 февраля 2021 г. // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9598> (дата обращения: 18.02.2022).

¹² Иванович М. Н. Экосистема ПАО «Сбербанк». Продукты экосистемы для юридических лиц // Достижения науки и образования. 2020. № 14 (68). С. 49.

¹³ Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А., Карпинская В. А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. 2020. Т. 11. № 4. С. 2.

¹⁴ См.: Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса. Экосистема может включать в себя закрытые и открытые платформы»¹⁵.

Сходное определение предлагается главой Торгово-промышленной палаты РФ С. Н. Катыриным: «Бизнес-экосистема — это набор собственных или партнерских сервисов, объединенных вокруг компании. Экосистемы стремятся предоставить как клиентам, так и бизнесу комплекс сервисов, необходимых для повседневной жизни и работы»¹⁶.

И. И. Бычкова более широко рассматривает данное понятие, по ее мнению, «экосистема представляет собой укрупненную модель организации банковского бизнеса с применением современных цифровых технологий, с наличием единого бренда, с использованием баз больших данных и быстрым масштабированием сервисов, что в результате приводит к снижению издержек на привлечение клиентов за счет системного синергетического эффекта»¹⁷.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы под экосистемой цифровой экономики понимается партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан¹⁸.

Рассмотренные определения по-разному раскрывают правовую природу экосистемы либо содержат один или несколько ее признаков.

Отдельные авторы рассматривают экосистему как субъект права. В этом определении акцент делается на институциональный, организационный аспект банковской экосистемы¹⁹. Экосистемы (банковские экосистемы), по мнению В. В. Чистюхина, это субъекты финансового рынка, которые осуществляют свою деятельность в рамках инновационной бизнес-схемы, охватывая единым управлением оказание услуг в финансовой сфере, сфере электронной коммерции, информационных технологий, а также оказание целого ряда повседневных услуг для населения (доставка еды, услуги такси и т.д.)²⁰. Банковская (финансовая) экосистема, считает В. Кинсбургская, это следующий этап интеграции финансовых услуг, когда вокруг банка как платежного центра объединяются различные финансовые и нефинансовые компании²¹.

¹⁵ Доклад Банка России об экосистемах. С. 45.

¹⁶ URL: <https://iz.ru/1262583/sergei-katyrin/biznes-ekosistemy-kak-realnost>.

¹⁷ Бычкова И. И. Указ. соч. С. 11.

¹⁸ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹⁹ Воскресенская Л. Н., Мясникова Е. Б., Нурмухаметов Р. К. Указ. соч. С. 35.

²⁰ Чистюхин В. В. Правовое регулирование финансового контроля за деятельностью некредитных финансовых организаций в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 11.

²¹ Кинсбургская В. А. Блокчейн как технологическая основа развития банковских экосистем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3 (246). С. 41—42.

Представляется, что предлагаемые определения раскрывают экосистемы через инструментальные либо институциональные характеристики.

Исходя из институционального подхода, рассмотрим **правовую природу банковской экосистемы**. Действующим законодательством не определена правовая природа экосистем. Как пишет В. В. Чистюхин, экосистемы пока не выделяются в качестве отдельного субъекта финансовых правоотношений²². Вопрос о правовом положении экосистем является дискуссионным.

Как отмечено в Докладе регулятора, «в России, равно как и в мире, пока не сформировались законченные организационные формы — наиболее часто упоминаемые в контексте экосистем компании (группы компаний) находятся на разных этапах создания/формирования цепочек добавленной стоимости в рамках своих индивидуальных бизнес-моделей»²³.

Экосистемы часто рассматривают как объединение субъектов права или совместную деятельность субъектов права. Так, например, Джеймс Ф. Мур, являясь основоположником теории бизнес-экосистем, пишет, что «в бизнес-экосистеме компании совместно развивают возможности вокруг новой инновации: они работают совместно и на конкурентной основе, чтобы поддерживать новые продукты, удовлетворять потребности клиентов и в конечном итоге внедрять следующий раунд инноваций»²⁴.

Практика создания в России банковских экосистем демонстрирует, что они представляют собой объединение кредитной организации и другими юридическими лицами.

Российскому праву известны случаи соединения усилий предпринимателей, когда не создается определенной (названной в законе) организационно-правовой формы²⁵.

Как пишет И. С. Шиткина, «для обозначения различных форм интеграции, кооперирования, экономической взаимосвязи и взаимозависимости коммерческих организаций в российской предпринимательской практике принято использовать доктринальное понятие “объединение”, а для отличия этих форм объединений от других коллективных образований именовать их предпринимательскими объединениями, поскольку целью их создания является осуществление деятельности, направленной на систематическое извлечение прибыли»²⁶.

Одним из наиболее востребованных корпоративных объединений субъектов права без создания юридического лица в России считают холдинги.

Под холдингом понимают форму предпринимательского объединения, представляющую собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономического контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую

²² Чистюхин В. В. Указ. соч. С. 11.

²³ Доклад Банка России об экосистемах. С. 7.

²⁴ Мур Дж. Ф. Хищники и жертва: новая экология конкуренции // Harvard Business Review. May — June 1993. URL: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition> (дата обращения: 15.12.2021).

²⁵ Токар Е. Я. Вопросы применения конструкции представительства хозяйственными обществами : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 204 с.

²⁶ Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2019. 735 с.

самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются одному из участников группы — холдинговой компании (головной организации), которая, будучи центром холдингового объединения, в силу владения преобладающей долей участия в уставном капитале, договора или иных обстоятельств прямо или косвенно (через третьих лиц) оказывает определяющее влияние на принятие решений другими участниками объединения²⁷.

В российском праве также используется понятие «группа компаний», однако данное понятие как категория не имеет законодательного закрепления (оно не сформулировано), однако проблема квалификации группы компаний все чаще возникает в правоприменении²⁸.

В банковском законодательстве (ст. 4 Закона «О банках и банковской деятельности») предусмотрено легальное определение не только понятия «банковский холдинг», но и понятия «банковская группа». Разграничение осуществляется с учетом лица, которое возглавляет такое объединение юридических лиц.

Банк России отмечает лидирующую роль финансового сектора в создании экосистем в России²⁹. Действительно, в России банковские экосистемы, как правило, объединяются во главе с кредитной организацией. Не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, в котором одно юридическое лицо или несколько юридических лиц находятся под контролем либо значительным влиянием одной кредитной организации, признается банковской группой (ч. 1 ст. 4 Закона «О банках и банковской деятельности»).

Банковская группа признается предпринимательским объединением холдингового типа, включает кредитные организации или кредитные организации и иные юридические лица, в которой кредитная организация является головной организацией³⁰.

Банковским холдингом признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, включающее хотя бы одну кредитную организацию, находящуюся под контролем одного юридического лица, не являющегося кредитной организацией, а также (при их наличии) иные (не являющиеся кредитными организациями) юридические лица, находящиеся под контролем либо значительным влиянием головной организации банковского холдинга или входящие в банковские группы кредитных организаций — участников банковского холдинга, при условии, что доля банковской деятельности, определенная на основе методики Банка России, в деятельности банковского холдинга составляет не менее 40 % (ч. 2 ст. 4 Закона «О банках и банковской деятельности»).

На основании изложенного обоснован вывод, что банковская экосистема представляет собой объединение юридических лиц, являющееся разновидностью

²⁷ Корпоративное право : учебник. С. 178.

²⁸ Карелина С. А. К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2020. № 1. С. 16—22.

²⁹ Доклад Банка России об экосистемах.

³⁰ Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; Инфра-М, 2017. С. 436—437.

банковской группы (холдинга), что позволяет распространить на нее все выработанные в теории права и на практике позиции относительно деятельности групп компаний, холдинга, включая вопросы гражданско-правовой ответственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ашурбекова З. Н., Мусаева З. А.* Банковские экосистемы как новое направление трансформации банковского сектора России // Теория и практика мировой науки. — 2021. — № 5. — С. 19—22.
2. *Бычкова И. И.* Цифровизация банковских продуктов как основа формирования экосистемы банка : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Ростов н/Д, 2021.
3. *Вахрушев Д. С., Кальсин А. Е., Нидерштрат Г. Д.* Цифровизация как фактор формирования банковских экосистем: современные тенденции и актуальные вопросы регулирования // Вестник Тверского государственного университета. — Серия : Экономика и управление. — 2021. — № 4 (56).
4. *Воскресенская Л. Н., Мясникова Е. Б., Нурмухаметов Р. К.* Банковские экосистемы в России: сущность, виды, регулирование // Финансовые рынки и банки. — 2011. — № 8.
5. *Иванович М. Н.* Экосистема ПАО «Сбербанк». Продукты экосистемы для юридических лиц // Достижения науки и образования. — 2020. — № 14 (68).
6. *Карелина С. А.* К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. — Приложение «Право и бизнес». — 2020. — № 1. — С. 16—22.
7. *Кинбургская В. А.* Блокчейн как технологическая основа развития банковских экосистем // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2022. — № 3 (246).
8. *Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А., Карпинская В. А.* Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. — 2020. — Т. 11. — № 4.
9. *Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина.* — М. : Статут, 2019. — 735 с.
10. *Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно.* — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма ; Инфра-М, 2017.
11. *Токар Е. Я.* Вопросы применения конструкции представительства хозяйственными обществами : монография. — М. : Юстицинформ, 2018. — 204 с.
12. *Чистюхин В. В.* Правовое регулирование финансового контроля за деятельностью некредитных финансовых организаций в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022.

**Юлия Владимировна
ЛЫСОВА-БАХАРЕВА,**

доцент кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
pelargonia@list.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Определение отраслевой природы публично-правовых норм, регулирующих банковскую деятельность, как основа для разрешения практических коллизий

Аннотация. В статье затронуты как общетеоретические, так и практические вопросы значимости определения отраслевой принадлежности норм права для разрешения возникающих юридических коллизий. В качестве примера автор исследует проблему конкуренции ст. 74 Закона о Банке России и ст. 15.26, 15.27 КоАП РФ, которая часто приводит к произволу со стороны мегарегулятора. Обращено внимание на проявление искажений в принципе независимости Банка России в виде 20-летнего противостояния с судебными решениями по спорам о привлечении к ответственности кредитных организаций. Разрешение противоречий между правовыми нормами предлагается осуществлять на основании конституционно закрепленного принципа юридического равенства, гарантией которого выступает кодификация положений о публично-правовой ответственности. Проанализировано соотношение финансового и административного права в регулировании банковской деятельности и выявлено отсутствие каких-либо особенностей для утверждения о существовании финансово-правовой ответственности. Автор приходит к выводу о том, что необходимо исключить составы, предусматривающие административную ответственность за нарушение банковского законодательства, из любых законодательных актов, кроме КоАП РФ, в целях обеспечения непротиворечивого и предсказуемого правового регулирования.

Ключевые слова: банковская деятельность, ограничение субъективных прав, административное право, финансовое право, разграничение отраслей права, принципы права, разрешение правовых коллизий, финансово-правовая ответственность, произвол мегарегулятора, кодификация публично-правовой ответственности.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.050-059

JULIA V. LYSOVA-BAHAREVA,

Associate Professor of Banking law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

pelargonia@list.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Determination of the Industry Nature of Public Law Regulations Governing Banking as a Basis for Resolution of Practical Conflicts

Abstract. *The article touches on both general theoretical and practical issues of the importance of determining the sectoral affiliation of legal norms for resolving emerging legal conflicts. As an example, the author explores the problem of interaction between Article 74 of the Law on the Bank of Russia and Articles 15.26, 15.27 of the Administrative Code of the Russian Federation, which often leads to arbitrariness on the part of the Mega-Regulator. Attention is drawn to the manifestation of distortions in the principle of independence of the Bank of Russia in the form of a 20-year confrontation with court decisions on disputes on bringing credit institutions to responsibility. The resolution of contradictions between legal norms is proposed to be carried out on the basis of the constitutionally enshrined principle of legal equality, the guarantee of which is the codification of provisions on public liability. The correlation of financial and administrative law in the regulation of banking activity is analyzed and the absence of any features for the assertion of the existence of financial and legal responsibility is revealed. The author comes to the conclusion that it is necessary to exclude compositions providing for administrative liability for violation of banking legislation from any legislative acts, except the Administrative Code of the Russian Federation, in order to ensure consistent and predictable legal regulation.*

Keywords: *banking, restriction of subjective rights, administrative law, financial law, differentiation of branches of law, principles of law, resolution of legal conflicts, financial and legal liability, arbitrariness of the Mega-regulator, codification of public liability.*

Вопросы определения отраслевой принадлежности правовых норм и тех правоотношений, которые они регулируют, никогда не теряли своей актуальности и практической важности. Представители той или иной отраслевой науки права по-разному отражают свои научные взгляды в проектах норм права, которые в последующем принимаются в качестве нормативных правовых актов как законодательными, так и исполнительными органами власти, что становится причиной рождающихся из несовпадающих взглядов ученых коллизий между разработанными ими источниками законодательства.

С начала 2000-х гг., т.е. уже два десятилетия, существует проблема применения наказания к кредитным организациям за нарушение банковского законодательства: конкуренция норм ч. 1 ст. 74 Федерального закона от 10.07.2022

№ 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹ (далее — Закон о Банке России) и ст. 15.26 КоАП РФ, к которой впоследствии добавилось противоречие между ч. 2 ст. 74 и ст. 15.27 КоАП РФ, так как федеральный законодатель, практически одновременно ввел в действие два равных по силе федеральных закона, содержащих различное правовое регулирование одних и тех же правоотношений (различные меры ответственности за одни и те же правонарушения), различие сумм штрафов по которым составляет от 3 до 1 200 раз.

То есть вместо разрешения указанных противоречий путем исключения не подлежащих применению норм права, ввиду существующего уже почти два десятилетия коллизионного регулирования, которое все это время разрешалось судами в пользу положений административного законодательства, в 2019 г. федеральный законодатель дополняет ст. 74 Закона о Банке России новой нормой, входящей в противоречие со ст. 15.27 КоАП РФ.

До внесения данного дополнения в ст. 74 Закона о Банке России Центральный банк РФ привлекал кредитные организации к ответственности по ч. 1 данной статьи, а не по ст. 15.27 КоАП РФ (в том числе из-за отсутствия полномочий до 24.01.2011) в связи с крайне широким понятием, содержащимся в ч. 1 ст. 74: «В случаях нарушения кредитной организацией федеральных законов, издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России...». При буквальном прочтении данное положение можно толковать как возможность применения предусмотренных этой статьей мер при нарушении любого федерального закона, чем Банк России и пользовался.

Например, в решении Арбитражного суда г. Москвы от 12.03.2007, 13.03.2007 по делу № А40-3295/07-96-28 суд признал незаконным применение Банком России штрафа за нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, что должно рассматриваться как нарушение законодательства о банках и банковской деятельности по ст. 15.27 КоАП РФ.

Однако Банк России подходил к этой ситуации очень избирательно: штрафую по ч. 1 ст. 74 Закона о Банке России кредитные организации за нарушение каунтеракционного законодательства (законодательства о ПОД/ФТ/ФРОМУ), он тем не менее отказывался привлекать по этой статье поднадзорные организации за нарушение законодательства об исполнительном производстве.

Так, отказывая в удовлетворении заявленного требования об обжаловании бездействия Банка России, суды двух инстанций сослались на то, что условия и порядок исполнения банком или иной кредитной организацией исполнительных документов о взыскании денежных средств со счетов должника, а также ответственность за неисполнение исполнительного документа установлена ст. 114 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и ст. 332 АПК РФ. В соответствии со ст. 4, 56, 74 Закона о Банке России Центральный банк РФ, являясь органом банковского регулирования и банковского надзора, применяет к кредитным организациям меры воздействия в случае нарушения ими банковского законодательства².

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ФАСМО от 06.12.2013 по делу № А40-30431/2013.

Таким образом, *наблюдается тенденция к сохранению этого коллизионного регулирования*, что, безусловно, не соответствует ни интересам гражданского оборота в банковской деятельности, ни целям построения правового государства, поскольку выбор мер ответственности по одним и тем же основаниям создает благоприятные условия для произвола³ мегарегулятора и нарушает предусмотренное ст. 19 Конституции РФ равенство всех перед законом и судом.

Банк России настаивает на том, что ему принадлежит право на *произвольное* решение данного вопроса. По его мнению, ему как органу банковского регулирования и надзора на законодательном уровне предоставлено *право выбора* — привлекать кредитные организации к ответственности либо в порядке ст. 74 Закона о Банке России либо в порядке ст. 15.25, 15.26 КоАП РФ⁴.

Однако Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на неконституционность положений, которые в силу своей *неопределенности* ввиду отсутствия законных *пределов* усмотрения правоприменителя, могут применяться произвольно, т.е. если решение правоприменителя не ограничено условиями и критериями, определенными законом, имеет место *произвол* органов власти и должностных лиц, а значит, данные положения не подлежат применению⁵. Возможность произвольного применения закона является нарушением провозглашенного Конституцией РФ равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч. 1)⁶.

Высший Арбитражный Суд РФ еще на заре использования обеих норм разрешил эту коллизию в пользу положений КоАП РФ в п. 1 постановления Пленума от 27.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», однако Банк России не согласился с такой позицией и продолжил применять ответственность,

³ О произволе Банка России, в частности, упоминал К. Д. Лубенченко. См. об этом: *Сергеев В. В.* Заседание комиссии по законодательству в сфере деятельности кредитных организаций и финансовых рынков Ассоциации юристов России // *Банковское право*. 2011. № 2.

⁴ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2010 № 05АП-4814/2010, 05АП-4841/2010 по делу № А59-1516/2010.

⁵ Постановления Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана»; от 27.03.1996 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. “О государственной тайне” в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина»; от 25.04.1995 № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой»; от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина»; от 15.01.1998 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и третьей статьи 8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобой гражданина А. Я. Аванова».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой».

предусмотренную ст. 74 Закона о Банке России, согласно письму Банка России от 02.07.2002 № 84-Т, а также действующей инструкции Банка России от 21.06.2018 № 188-И⁷. В данной ситуации было бы правомерно поставить вопрос о пределах независимости Центрального банка РФ, игнорирующего решения судебной власти, однако такое исследование не позволит нам вписаться в рамки текущей статьи.

Исходя из отчета Центрального банка РФ за 2021 г., применение штрафных санкций по ст. 74 Закона о Банке России оставалось наиболее востребованной мерой воздействия на кредитные организации⁸.

При этом судебная практика за весь период действия данных норм была достаточно последовательна. Так, Федеральный арбитражный суд Московского округа в постановлении от 28.10.2003 № КА-А40/8495-03 пришел к выводу о том, что из ст. 75 Закона о Банке России следует, что *предусмотренная законом ответственность за нарушение обязательных требований актов Банка России в виде штрафа является административной, поскольку применяется за совершение административного правонарушения*, состав ст. 15.26 КоАП РФ поглощает состав ст. 74 Закона о Банке России.

Таким образом, применение мер административной ответственности за нарушение банковского законодательства должно производиться в порядке и на основании КоАП РФ.

Казалось бы, Центральному банку РФ стоило признать данную позицию правомерной и следовать ей, однако, согласно отчету Банка за 2021 г., именно оспариваемые меры активно применялись регулятором⁹. Даже в 2019 г. Верховный Суд РФ был вынужден рассмотреть аналогичное дело и принял определение не в пользу Банка России¹⁰.

Аналогично складывается ситуация и по коллизии ч. 2 ст. 74 и ст. 15.27 КоАП РФ¹¹.

⁷ Инструкция Банка России от 21.06.2018 № 188-И (ред. от 17.03.2022) «О порядке применения к кредитным организациям (головным кредитным организациям банковских групп) мер, предусмотренных статьей 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «КонсультантПлюс».

До инструкции № 188-И действовала аналогичная инструкция Банка России от 31.03.1997 № 59, утвержденная приказом Банка России от 31.03.1997 № 02-139 «О применении к кредитным организациям мер воздействия за нарушения пруденциальных норм деятельности».

⁸ Штрафы применены к 60 кредитным организациям. См.: Годовой отчет Банка России за 2021 год. С. 195 // URL: http://komitet2-12.km.duma.gov.ru/upload/site30/document_news/028/474/544/ar_2021.pdf.

⁹ Штрафы применены к 151 кредитной организации (см.: Годовой отчет Банка России за 2021 г. С. 388).

¹⁰ В определении Верховного Суда РФ от 14.05.2019 № 309-ЭС19-6233 указано, что «применение мер административной ответственности за нарушение банковского законодательства не может превышать размер, установленный частью 2 статьи 15.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

¹¹ См.: решение Арбитражного суда Рязанской области от 16.04.2018 по делу № А54-7909/2017 (постановлением Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2018 № 20АП-3555/2018 и постановлением Арбитражного суда Центрального округа от

Описанная разница в практических подходах уходит своими корнями в различия в научных взглядах. Так, ряд авторов полагает, что рассматриваемая коллизия является конкуренцией норм банковского¹² и административного права¹³, другие считают это коллизией административного и финансового права¹⁴, наконец, третьи полагают, что речь идет о столкновении норм административного права в разных федеральных законах¹⁵.

Вслед за констатацией С. С. Алексеевым того, что «каждая отрасль права регулирует особый, качественно специфический вид однородных общественных отношений»¹⁶, А. И. Худяков правильно приходит к выводу, что «любое общественное отношение выступает предметом лишь одной, совершенно определенной отрасли»¹⁷ права, поскольку его правовая природа определяет метод, принципы, источники и результат правового регулирования, который в итоге является лакмусовой бумажкой того, корректно ли данное правоотношение отнесено к регулированию соответствующей отрасли права: «Основным инструментом воздействия на общественные отношения как объект правового регулирования являются нормы права, которые применяются и толкуются с учетом принципов, на которых строится их система»¹⁸.

14.11.2018 № Ф10-4595/2018 данное решение оставлено без изменения); постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.05.2016 № Ф01-1946/2016 по делу № А28-9717/2015.

¹² Некоторые исследователи рассматривают банковскую ответственность как разновидность финансово-правовой ответственности. Так, А. З. Арсланбекова пишет: «На наш взгляд, штраф, применяемый как мера надзорного воздействия в соответствии со ст. 74 Закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", является финансовой санкцией, т.е. мерой финансово-правовой ответственности, в частности мерой банковской ответственности» (*Арсланбекова А. З. Правовая природа ответственности, применяемой к нарушителям банковского законодательства // Банковское право. 2006. № 2*). См. также: *Веселовский П. С. Финансово-правовое регулирование ответственности за нарушение банковского законодательства. М., 2008*.

¹³ См.: *Лапина М. А., Карпунин Д. В., Комиссарова М. В. Сравнительно-правовой анализ порядка применения Банком России к кредитным организациям мер административного принуждения // Банковское право. 2014. № 5*.

¹⁴ См.: *Юголайнина Е. О. Дискуссионные вопросы привлечения кредитных организаций к ответственности за нарушения банковского законодательства // Молодой ученый. 2017. № 7*; *Гогин А. А. К вопросу об ответственности за нарушения банковского законодательства // Банковское право. 2005. № 3*.

¹⁵ См.: *Бедняков Д. И., Сергеев В. В. Заседание комиссии по законодательству в сфере деятельности кредитных организаций и финансовых рынков Ассоциации юристов России // Банковское право. 2011. № 2*; *Власов К. А. Вопросы конкуренции норм, устанавливающих административную ответственность за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности // Административное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 66—71*.

¹⁶ *Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск : Свердловский юридический институт, 1972. Т. 1. С. 135—136*.

¹⁷ *Худяков А. И. Основы теории финансового права. М., 1995. С. 62—63*.

¹⁸ *Курбатов А. Я. Публично-правовое воздействие на частноправовые отношения // Законодательство. 2022. № 5. С. 76—85*

В подтверждение слов ученых, Конституционный Суд РФ указывает, что «конституционные принципы правового государства требуют от федерального законодателя при выборе средств и способов правового воздействия на субъектов предпринимательской деятельности основываться на сложившейся в Российской Федерации отраслевой системе правового регулирования и общих принципах соответствующих отраслей права»¹⁹.

Разница между применением данных статей касается процедурных аспектов, сроков привлечения к ответственности, установления вины привлекаемого к ответственности лица и возможности для регулятора применять, помимо штрафа, иные меры административного принуждения. Само по себе это не изменяет правовую природу данной ответственности: она остается публично-правовой, предоставляя лишь значительные преференции мегарегулятору: в отличие от гражданско-правовой ответственности, здесь «существует неравноправие сторон, действуют отношения власти и подчинения между государственным органом, налагающим взыскание, и субъектом ответственности, и именно поэтому презумпция невиновности носит характер особой конституционной и общеправовой гарантии от произвола обвиняющей власти, гарантии соблюдения прав и свобод»²⁰.

Таким образом, не обнаруживается какое-либо различие ни в сущности правоотношений, образующих предмет административного и финансового права, ни в используемых ими методах правового регулирования. Этот вывод подтверждается и судебной практикой: по своей правовой природе налагаемое взыскание — штраф — как по Закону о Банке России, так и по КоАП РФ носит *административный* характер²¹, поскольку:

- налагается органом, обладающим *властными* полномочиями, за нарушение организациями запретов в сфере *публичных* правоотношений²²;
- налагается за нарушение лицом обязательных требований и нормативов в сфере *публичных* правоотношений²³;
- «нарушения, выразившиеся в представлении заявителем недостоверной отчетности, невыполнении требований инструкции Центрального банка России, относятся к *административным* правонарушениям законодательства о

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)” в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова».

²⁰ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова о постановлении Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П.

²¹ Постановление ФАС Уральского округа от 17.11.2010 № Ф09-9362/10-С1 по делу № А07-7574/2010.

²² Постановление ФАС Московского округа от 28.04.2005, 21.04.2005 № КА-А40/3153-05 ; постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2010 № 05АП-4814/2010, 05АП-4841/2010 по делу № А59-1516/2010.

²³ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2007 № 04АП-11/2006 по делу № А19-16407/06-27.

банках и банковской деятельности, за что предусмотрен специальный порядок привлечения к ответственности, установленный КоАП РФ»²⁴;

- «отношения между коммерческим банком и Банком России являются по своей природе *административными*, поскольку Банк России в силу ст. 55 названного Закона о Центральном банке является органом банковского регулирования и банковского надзора, а взыскание штрафа имеет *административный* характер»²⁵.

Даже в отношении такой санкции, как отзыв лицензии, Конституционный Суд РФ указывает, что «применяемые к кредитной организации принудительные меры воздействия оформляются в виде предписания, т.е. в виде акта, носящего *административно-властный* характер»²⁶.

Данный вопрос имеет огромное практическое значение, поскольку, закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель обязан соблюдать гарантированное ст. 19 (ч. 1) Конституции РФ равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы, в случае необходимости — с помощью толкования, данного ей судами, *каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия)*²⁷.

Мнение о самостоятельности отрасли финансового права исходя из наличия специфического вида финансовой и (или) банковской ответственности входит в противоречие с данным конституционно-правовым правилом. При этом последствия для субъекта банковского правонарушения возникают не только в части суммы штрафа в зависимости от выбора мегарегулятором статьи для применения ответственности, но и в части невозможности использования принципов и порядка привлечения к административной ответственности.

Установление в ст. 74 Закона о Банке России штрафа за нарушение банковского законодательства, исчисляемого в размере 0,1 % от минимального размера уставного капитала, невозможность его снижения не позволяют применять эту меру взыскания с учетом *характера совершенного правонарушения, размера*

²⁴ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 02.08.2005 № Ф04-4959/2005 (13375-А03-32).

²⁵ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2007 по делу № А46-4134/2007.

²⁶ Определения Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»; от 11.04.2019 № 866-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества Банк «Югра» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктами 1 и 2 пункта 1 статьи 189.31, статьей 189.47 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также пунктом 6 части первой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»».

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина».

*причиненного вреда, степени вины в правонарушении и иных существенных обстоятельств деяния, что нарушает принципы справедливости наказания, его индивидуализации и соразмерности*²⁸.

Высказанные возражения против признания самостоятельности финансово-правовой ответственности на основе анализа финансового законодательства не мешают другим представителям науки финансового права признавать, что «ответственность за финансовые правонарушения предусматривается законодательством в области налогов и сборов, уголовным и административных законодательством»²⁹, и утверждать, что сосредоточение норм, устанавливающих ответственность за финансовые правонарушения в одном нормативном правовом акте — КоАП РФ — «приведет к повышению эффективности рассмотрения дел о правонарушениях в области финансов и профилактики их совершения»³⁰.

Полагаем, что данную позицию следует поддержать, поскольку правовая природа кодифицированного акта, устанавливающего публично-правовую ответственность, способствует реализации конституционно закрепленных принципов юридического равенства и справедливости через воплощение в жизнь условий правовой определенности, что неоднократно указывал Конституционный Суд РФ³¹.

В частности, с учетом требований Конституции РФ и решений Конституционного Суда РФ положения ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ закрепляют приоритет УПК РФ перед другими обычными федеральными законами лишь постольку, поскольку уголовно-процессуальным законом в Российской Федерации является именно данный Кодекс (ст. 2—4 УПК РФ), подобно тому, как уголовным законом является Уголовный кодекс РФ (ч. 1 ст. 3 УК РФ, п. 57 ст. 5 УПК РФ). Таким образом, *другие федеральные законы, относящиеся к иным отраслям законодательства*, не должны — исходя из закрепленного в уголовно-процессуальном праве принципа законности при производстве по уголовному делу и очерченного в самом УПК РФ предмета регулирования — осуществлять регулирование именно уголовно-процессуальных по своей правовой природе отношений.

По аналогии права описанный правовой механизм следует распространить и на регулирование правоотношений в области административных правонарушений и производства по делам о таких правонарушениях, тем более, что согласно ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях состоит из данного Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ об административных правонарушениях.

Поддерживая мнение о том, что «научные споры о соотношении налоговой и административной ответственности оказали негативное влияние на законодателя,

²⁸ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 12.04.2011 № Ф03-9261/2010 по делу № А59-1516/2010.

²⁹ Ильин А. Ю. Юридическая ответственность за финансовые правонарушения // Финансовое право. 2015. № 11. С. 3.

³⁰ Ильин А. Ю. Указ. соч. С. 5.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

проявившего в связи с этим определенную непоследовательность»³², мы, в противовес позиции об исключении аналогичных и дублирующих составов из КоАП РФ³³, на основании вышеприведенных доводов, полагаем, что следует исключить составы, предусматривающие административную ответственность, из любых законодательных актов, кроме КоАП РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1972. — Т. 1.
2. *Арсланбекова А. З.* Правовая природа ответственности, применяемой к нарушителям банковского законодательства // *Банковское право*. — 2006. — № 2.
3. *Арсланбекова А. З.* Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2009.
4. *Бедняков Д. И., Сергеев В. В.* Заседание комиссии по законодательству в сфере деятельности кредитных организаций и финансовых рынков Ассоциации юристов России // *Банковское право*. — 2011. — № 2.
5. *Веселовский П. С.* Финансово-правовое регулирование ответственности за нарушение банковского законодательства. — М., 2008.
6. *Власов К. А.* Вопросы конкуренции норм, устанавливающих административную ответственность за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности // *Административное и муниципальное право*. — 2016. — № 1. — С. 66—71.
7. *Гогин А. А.* К вопросу об ответственности за нарушения банковского законодательства // *Банковское право*. — 2005. — № 3.
8. *Ильин А. Ю.* Юридическая ответственность за финансовые правонарушения // *Финансовое право*. — 2015. — № 11.
9. *Курбатов А. Я.* Публично-правовое воздействие на частноправовые отношения // *Законодательство*. — 2022. — № 5. — С. 76—85.
10. *Лапина М. А., Карпунин Д. В., Комиссарова М. В.* Сравнительно-правовой анализ порядка применения Банком России к кредитным организациям мер административного принуждения // *Банковское право*. — 2014. — № 5.
11. *Мирошник С. В.* Соотношение налоговой и административной ответственности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2019. — № 1. — С. 56—60.
12. *Сергеев В. В.* Заседание комиссии по законодательству в сфере деятельности кредитных организаций и финансовых рынков Ассоциации юристов России // *Банковское право*. — 2011. — № 2.
13. *Худяков А. И.* Основы теории финансового права. — М., 1995.
14. *Юголайнина Е. О.* Дискуссионные вопросы привлечения кредитных организаций к ответственности за нарушения банковского законодательства // *Молодой ученый*. — 2017. — № 7.

³² *Мирошник С. В.* Соотношение налоговой и административной ответственности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 1. С. 56—60.

³³ *Мирошник С. В.* Указ. соч. См. также: *Арсланбекова А. З.* Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009.

**Олег Михайлович
ИВАНОВ,**

доцент кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
сопредседатель Комитета
по инвестиционным
банковским продуктам
Ассоциации банков России,
кандидат юридических наук
oivanov@asros.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Регулирование партнерского финансирования: правовой эксперимент и его участники¹

Аннотация. В статье рассматриваются особенности регулирования нового вида финансовой деятельности — партнерского (исламского) финансирования, а также организаций, осуществляющих такую деятельность. Отдельное внимание уделено реализации экспериментального правового режима и перспективам будущего широкого внедрения соответствующего регулирования. В рамках ЭПР деятельность по партнерскому финансированию смогут вести как финансовые, так нефинансовые компании. Обязательным условием является соблюдение установленных законом требований, включение в специальный реестр Банка России и обеспечение надзора со стороны регулятора. Одним из основных принципов исламских финансов является разделение рисков между клиентом и финансовой организацией. По этой причине классические договорные процентные инструменты (займы, кредиты и вклады) оказываются непригодны для оформления отношений между ними. Фактор новизны для российского финансового рынка партнерских, непроцентных финансовых продуктов (услуг) делает их потенциально менее понятными для инвесторов и регуляторов в вопросах ценообразования, оценки стоимости, качества активов.

Ключевые слова: партнерский банкинг, партнерское финансирование, исламский банкинг, кредитование, заемные отношения, заем, кредит, мурабаха, мудароба.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.060-069

OLEG M. IVANOV

Associate Professor of Banking law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
co-chairman of the Investment Committee
banking products of the Association of Banks of Russia, Cand. Sci. (Law)
oivanov@asros.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**Regulation of Partner Financing: a Legal Experiment
and its Participants**

Abstract. The article discusses the regulation for new type of financial operations — partner financing (Islamic banking), and for the organizations providing such operations. Particular attention is paid to the implementation

¹ Работа подготовлена в рамках деятельности Центра компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы развития «Приоритет-2030».

of the experimental legal regime (ELR) and the prospects for the future widespread implementation of appropriate regulation. Under ELR such operations can be carried out by both financial and non-financial companies. The legal requirements are compliance with the rules established by law, inclusion in the special register of the Bank of Russia and supervision by the regulator. One of the basic principles of Islamic finance is the risk sharing between investor and financial institution. For this reason, classical contractual interest-bearing instruments (loans, credits and deposits) are unsuitable to impose the obligations on them. The novelty factor for the Russian financial market of partner, non-interest-bearing financial products (services) makes them potentially less understandable for investors and regulators in matters of pricing, valuation, and asset quality.

Keywords: *partner banking, partner financing, Islamic banking, lending, loan relations, loan, credit, Murabaha, Mudaraba.*

В декабре 2022 г. Государственная Дума приняла в первом чтении разработанный во исполнение поручения Президента России проект закона, регулирующий деятельность в сфере партнерского (исламского) финансирования — законопроект № 198584-8 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации»² (далее — Законопроект). Он имеет все шансы стать Федеральным законом уже в начале 2023 г.: в соответствии с дорожной картой Минфина России правовой эксперимент должен стартовать в первом квартале.

Законопроект вводит понятие экспериментального правового режима (ЭПР) в сфере партнерского финансирования, а также регулирует отношения, возникающие в связи с установлением ЭПР. Это означает, что создание в России сектора исламского финансирования будет происходить в два этапа.

Сначала, в течение первых двух лет, в четырех субъектах (Башкортостане, Татарстане, Чечне и Дагестане) будет проведен правовой эксперимент³. В ходе него организации-участники получают право осуществлять весь перечень операций исламского финансирования. Приобретение соответствующего статуса будет происходить с момента внесения сведения о действующих компаниях в специальный реестр Банка России. Войти в реестр смогут кредитные организации, некредитные финансовые организации (НФО), а также юридические лица, зарегистрированные в форме потребительского общества, фонда, автономной некоммерческой организации, хозяйственного общества или товарищества⁴.

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/198584-8> (02.12.2022).

³ Этот срок может быть продлен Правительством РФ по согласованию с Банком России.

⁴ Одним из дискуссионных вопросов второго чтения является допуск к операциям партнерского финансирования кредитных организаций, а также организаций, в отношении которых не применяются требования, установленные в законодательстве о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

На втором этапе можно предполагать распространение регулирования на всю территорию России. Вероятно, это произойдет вместе с введением нового вида некредитных финансовых организаций — организаций партнерского финансирования (ОПФ).

Предпосылки развития исламского финансирования

В новой ситуации, характеризующейся разрывом связей с западными финансовыми рынками, возрастает потребность российских граждан, компаний реального сектора экономики, а также финансовых институтов в инструментах партнерского, в том числе исламского, финансирования. Развитие партнерского (исламского) финансирования в России является важной предпосылкой для привлечения капитала из мусульманских стран, расширения географии торгового, инвестиционного сотрудничества страны.

Наличие потенциального внутреннего спроса на партнерские финансовые продукты является еще одним основанием для расширения их предложения на финансовом рынке. Партнерское финансирование, основанное на исламских этических и правовых нормах, позволяет удовлетворить экономические запросы мусульман, что имеет значение в контексте равенства возможностей, повышения инклюзивности, доступности финансовых услуг для граждан и предпринимателей.

На протяжении последнего десятилетия в ряде субъектов Российской Федерации со значительной долей мусульманского населения накоплен успешный опыт реализации проектов, основанных на моделях партнерского финансирования. Основными видами услуг партнерского финансирования являются: купля-продажа товаров в рассрочку с фиксированной наценкой (*мурабаха*, *мусавама*), лизинг (*иджара*), инвестирование средств в предприятия через участие в капитале (*мушарака*) и предоставление инвестиционного финансирования (*мудароба*)⁵.

Формирование ресурсов действующих организаций осуществляется средствами учредителей (пайщиков, участников) и иных инвесторов, как правило, на основе инвестиционных договоров (сделок, в которых доходность инвестора привязана к финансовому результату предприятия). В международной практике применяются также беспроцентные займы. Целевое финансирование может привлекаться через выпуск *сукук* — инвестиционных ценных бумаг, доходность которых привязана к активу или проекту в основе выпуска. Некоторым аналогом являются предусмотренные российским законодательством облигации специализированных обществ проектного финансирования, паи паевых инвестиционных фондов акций, недвижимости).

Преобладающие организационно-правовые формы действующих организаций — хозяйственные товарищества и общества, потребительские кооперативы, т.е. юридические лица с общей правоспособностью. Существует определенный опыт партнерских финансовых операций на базе действующих видов финансовых организаций. Жилищно-накопительные кооперативы принимают паенакопления и

⁵ Алексеева Д. Г., Михеева И. Е. Правовые проблемы имплементации исламского банкинга в России // Право и экономика. 2017. № 7. С. 72—79.

финансируют приобретение и строительство жилья. Банки выпускают дебетовые карты, открывают беспроцентные вклады и счета, осуществляют доверительное управление и лизинговые операции, реализуют паи инвестиционных фондов, предлагают торговое финансирование.

Часть подобных операций может структурироваться через дочерние компании банков. Участники рынка отмечают потенциально узкий круг доступных к реализации сделок, сложности в их структурировании, высокие транзакционные издержки, нормативные ограничения и надзорные риски, возникающие по причине правовой неопределенности. Целенаправленное развитие данного сегмента финансового рынка требует повышения системности и качества его регулирования, устранения существующих правовых барьеров.

Экспериментальный правовой режим

На протяжении последних десяти лет поиск оптимального режима регулирования исламских финансов проводился в рабочих группах Государственной Думы, Совета Федерации, Банка России, органов исполнительной власти отдельных субъектов Российской Федерации, Ассоциации банков России, Российской ассоциации экспертов по исламскому финансированию и других профессиональных объединений.

С одной стороны, экспертное сообщество указывало на риски расширения правоспособности кредитных организаций путем отмены запрета на торговую и производственную деятельность банков. Это могло бы привести к существенному изменению профиля рисков банковского сектора и возникновению новых регулятивных проблем. С другой стороны, не был найден правовой механизм осуществления партнерских финансовых операций на основе действующих некредитных финансовых организаций (в частности, МФО, кредитных кооперативов, ломбардов) с учетом процентного характера их деятельности. За этот период депутатами был внесен в Государственную Думу ряд законопроектов, касающихся партнерских (исламских) финансов, ни один из которых не был поддержан⁶.

Актуальный подход к регулированию исламского финансирования основан на использовании относительно новой для российского законодательства концепции экспериментального правового режима. Изначально она получила закрепление в законе в 2020 г. с внедрением цифровых инноваций и обязательных требований в рамках государственного и муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений.

Например, согласно ст. 13 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» ЭПР состоит в применении в течение определенного периода времени специального регулирования в отношении определенной группы лиц или на определенной территории, в том числе в полном или частичном отказе от применения определенной группой лиц или на

⁶ Беккин Р. И., Алискеров М. С. Особенности исламского финансового сектора в России на современном этапе и перспективы его роста // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 60—64.

определенной территории обязательных требований, либо в отказе от осуществления разрешительной деятельности в отношении объекта разрешительной деятельности. В нашем случае целью введения ЭПР является создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию.

Важной особенностью подготовки и реализации проекта в сфере партнерского (исламского) финансирования является насущная необходимость проведения обсуждения готовящихся законодательных новаций с экспертными органами и организациями, представляющими традиционные конфессии, обеспечение сопровождения данного проекта на международном уровне с привлечением Исламского банка развития, а также иных заинтересованных лиц из стран — лидеров рынка исламского финансирования.

Организации партнерского финансирования

На первом этапе внедрения исламского финансирования законодатель отказался от конструирования нового вида некредитных финансовых организаций, осуществляющих соответствующие операции. В рамках ЭПР такую деятельность смогут вести различные как финансовые, так нефинансовые компании. Обязательным условием является соблюдение установленных законом требований, включение в специальный реестр Банка России и обеспечение надзора со стороны регулятора. Процедура включения и исключения организаций из реестра Банка России в целом повторяет регулирование, установленное для микрофинансовых организаций.

Деятельность по партнерскому финансированию не носит исключительного характера. Банк, МФО или иная финансовая организация смогут совмещать ее осуществление с основной деятельностью. При этом, согласно Законопроекту, (ч. 1 ст. 4) имущество, привлеченное и размещенное в рамках осуществления деятельности по партнерскому финансированию, обособляется от иного имущества, привлекаемого и размещаемого организацией. Особенности учета имущества участником ЭПР устанавливаются Банком России.

Законопроект допускает к партнерскому финансированию чрезвычайно широкий перечень организаций, в том числе банки, НФО и даже некоммерческие организации. Каждая из перечисленных групп участников ЭПР может столкнуться со своими (уникальными) сложностями участия в правовом эксперименте.

С точки зрения банков основными вызовами является допуск к осуществлению торговой деятельности, а также необходимость создания линейки непроцентных финансовых инструментов. По договору купли-продажи в рассрочку (*мурабаха*) банк с определенной договором наценкой продает клиенту выбранный им товар, ранее приобретенный самим банком.

Согласно Законопроекту (в редакции первого чтения) осуществление участником ЭПР — кредитной организацией и некредитной финансовой организацией соответствующих операций не является нарушением ограничений, установленных в отношении торговой деятельности федеральными законами, регулирующими их деятельность (ч. 3 ст. 3). Реализация указанного положения на практике приводит к мультипликации рыночных и финансовых рисков на банковских балансах.

Кроме того, потребуется серьезное совершенствование подзаконного регулирования, определяющего порядок проведения, отражения в учете и мониторинга этих операций. По итогам взвешивания всех «за» и «против» нельзя исключить изменения позиции законодателя, кредитные организации не получают возможности проводить торговые операции со своего баланса и будут использовать для этого специальные дочерние компании. На текущий момент о желании участвовать в эксперименте заявили две кредитные организации — Сбербанк и банк «Ак-Барс».

Значительно бóльшим является потенциальное число небанковских участников: по оценкам, в пилотных регионах уже действует около полусотни компаний, предлагающих услуги исламского финансирования⁷. Подавляющая их часть не относится к категории финансовых организаций. Отдельные требования, предъявляемые к этим организациям в Законопроекте, могут оставить их «за бортом» эксперимента.

Во-первых, избыточными представляются требования к собственному капиталу. Минимальный капитал в 2023 г. установлен на уровне 10 млн рублей и 25 млн рублей через год. Чтобы обеспечить такой прирост, участники ЭПР должны будут показать фантастическую рентабельность капитала в 150 % либо обратиться за докапитализацией к учредителям.

Во-вторых, административные требования к реестровым организациям установлены по аналогии с МФО. При этом за основу взяты микрофинансовые компании, в отношении которых требования специального закона сформулированы жестче, чем для микрокредитных компаний (МКК)⁸. Участники рынка предлагают приравнять требования к МКК.

В-третьих, некоммерческие организации будут обязаны внести изменения в устав, предусмотрев право на занятие партнерским финансированием. С учетом времени, необходимого для такого изменения, они смогут присоединиться к пилотному проекту лишь в конце года. Важно предоставить действующим организациям переходный период сроком не менее полугода, в течение которого они должны будут достичь соответствия установленным в законе требованиям.

В случае положительного завершения эксперимента можно ожидать превращения участников ЭПР в полноценные организации партнерского финансирования, которые обладают исключительным правом на осуществление соответствующих операций. Выделение нового вида НФО со специальной правоспособностью⁹ будет способствовать организации эффективного регулирования и надзора, финансового мониторинга операций партнерского финансирования, поведению их статистической оценки, а также снятию налоговых рисков на основе выделения отдельного вида экономической деятельности с соответствующим налоговым режимом.

⁷ См.: *Kalimullina M.* Islamic finance in Russia: A market review and the legal environment // *Global Finance Journal*. 2020. 46. 100534.

⁸ Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Ст. 4.1-1 и 4.3.

⁹ В статье 76.1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» определено 20 видов НФО, регулирование и надзор в отношении которых осуществляются Банком России.

Объединение в рамках одного вида финансовых организаций непроцентных финансовых операций делает его более привлекательным, снизит транзакционные издержки, повысит скорость, комплексность и удобство обслуживания клиентов «в одном окне». Главной особенностью ОПФ (здесь под ОПФ понимаются также участники ЭПР) является перечень осуществляемых ими операций. В отличие от кредитных организаций, кредитных кооперативов, ломбардов и микрофинансовых организаций, ОПФ не предлагают клиентам процентных инструментов.

Операции партнерского финансирования

Фактор новизны для российского финансового рынка партнерских, непроцентных финансовых продуктов (услуг) делает их потенциально менее понятными для инвесторов и регуляторов в вопросах ценообразования, оценки стоимости, качества активов. Существуют потенциальные риски использования новых инструментов в целях регулятивного арбитража, ухода от налогообложения и иной противоправной деятельности. Особенности регулирования данных отношений служат аргументом в пользу выделения специального субъекта с соответствующим правовым режимом и организацией надзора.

В докладе МВФ «Обеспечение финансовой стабильности в странах, практикующих исламский банкинг» (2017 г.)¹⁰, в частности отмечается, что правовая ясность и определенность для партнерского финансирования очень важны с целью обеспечения доверия к этим финансовым услугам клиентов и потенциальных инвесторов, в том числе иностранных, а также минимизации потенциального риска регуляторного арбитража и укрепления финансового надзора.

Экономическая модель деятельности ОПФ основана на привлечении средств клиентов по договорам партнерского инвестирования и размещении этих средств путем приобретения товаров с их последующей продажей на условиях рассрочки или отсрочки платежа либо заключения договоров лизинга. Допускается также вложение ОПФ средств в капитал иных организаций. Передавая денежные средства ОПФ, инвестор участвует в прибылях и убытках организации партнерского финансирования, что исключает гарантированный возврат вложенной суммы. По этой причине отношения между клиентом-инвестором и ОПФ регулируются по модели договора доверительного управления (договор партнерского инвестирования). По причине исключения из арсенала ОПФ процентных финансовых операций указанные организации наилучшим образом соответствуют шариатским стандартам оказания финансовых услуг.

Наибольший интерес с правовой точки зрения представляют операции *мударобы* (привлечения средств по договору партнерского инвестирования) и *мурабахи* (финансирования по договору купли-продажи в рассрочку). Одним из основных принципов исламских финансов является разделение рисков между клиентом и финансовой организацией. По этой причине классические договорные

¹⁰ International Monetary Fund, Multi-Country Report: Ensuring Financial Stability in Countries with Islamic Banking-Case Studies. June 20. 2017.

процентные инструменты (займы, кредиты и вклады) оказываются непригодными для оформления отношений между ними.

На практике в отсутствие специального регулирования распространились договорные суррогаты, например так называемый «инвестиционный заем». Размер процентов по такому займу зависит от результатов деятельности организации и определяется в конце срока займа. В случае получения убытка проценты не выплачиваются, а обязательство по возврату займа новирруется в новое денежное обязательство, размер которого пропорционально уменьшается. Обе отмеченные особенности не позволяют квалифицировать соответствующее правоотношение в качестве подвида займа.

Задачу распределения прибылей и убытков между сторонами призван решить договор партнерского инвестирования. По такому договору ОПФ обязуется принимать денежные средства клиента на определенный срок без гарантии их возврата в номинальном выражении, выплачивать по ним доход в зависимости от результатов использования переданных денежных средств в порядке, предусмотренном договором партнерского инвестирования¹¹.

К договору партнерского инвестирования, заключаемому ОПФ, применяются правила договора о доверительном управлении имуществом с особенностями в части порядка использования и возврата денежных средств, прав и обязанностей клиента и ОПФ, порядка определения и начисления вознаграждения доверительного управляющего.

Условия договора партнерского инвестирования должны определять размер вознаграждения доверительного управляющего — ОПФ за управление деньгами клиента — учредителя доверительного управления, сроки и порядок возврата денежных средств, риски убытков от использования денежных средств и иные условия. Условия договора партнерского инвестирования с физическим лицом по аналогии с договором вклада могли бы указываться в таблице, форма которой устанавливается нормативным актом Банка России.

Вознаграждение ОПФ определяется в виде части дохода, полученного от использования привлеченных по договору партнерского инвестирования денежных средств при условии, что вознаграждение может быть выплачено только за счет дохода от использования таких денежных средств. ОПФ теряет право на вознаграждение при отсутствии дохода в результате использования денежных средств, привлеченных по договору партнерского инвестирования. Клиент теряет право на получение дохода при досрочном возврате денежных средств, переданных по договору партнерского инвестирования, по его требованию, если иное не предусмотрено договором.

Договор партнерского инвестирования может предусматривать условия определения клиентом способов использования денежных средств, перечня видов активов или объектов вложения денежных средств либо условия использования

¹¹ Аналогичные требования установлены в ст. 52-6 Закона Республики Казахстан от 31.08.1995 № 2444 «О банках и банковской деятельности» в отношении договора инвестиционного депозита. Соответствующие дополнения были внесены в закон в 2008 г. для целей регулирования сделок исламских банков.

денежных средств клиента отдельно от денежных средств иных клиентов без права их объединения.

ОПФ обязана вести учет использования денежных средств по отдельным договорам партнерского инвестирования с целью определения порядка и результатов использования денежных средств, в том числе определения способов использования денежных средств, перечня видов активов или объектов вложения денежных средств, размера дохода или убытков от такого использования, размера вознаграждения ОПФ.

Особенности регулирования договора купли-продажи в рассрочку лежат в налоговой сфере.

Особенности налогообложения операций партнерского финансирования

Закрепление в специальном законе основных понятий и терминологии должно позволить сформулировать поправки в налоговое законодательство, которые устранят налоговый арбитраж (правовую неопределенность) с аналогичными по экономическому содержанию сделками, а также учесть особенности налогообложения соответствующих партнерских сделок. К сожалению, до настоящего момента соответствующие налоговые изменения не согласованы Правительством РФ. Эксперты указывают на целесообразность установления специального налогового режима «Налогообложение операций партнерского финансирования». Это обеспечит налогоплательщикам, применяющим новый налоговый режим, финансово обоснованный порядок расчета налога на добавленную стоимость и налога на прибыль и, как следствие, снижение непроизводственных издержек.

Основная проблема сводится к обложению НДС наценки по сделкам купли-продажи в рассрочку (*мурабаха*), что на 20 % снижает их доходность для ОПФ в сравнении в классическим банковским кредитованием (проценты по кредиту не облагаются НДС). Для ее устранения предлагается в целях применения п. 2 ст. 146 НК РФ не признавать объектом налогообложения по налогу на добавленную стоимость:

- 1) наценку по заключаемым ОПФ договорам купли-продажи в рассрочку;
- 2) вознаграждения, получаемые ОПФ по договорам партнерского инвестирования, а также агентским и посредническим договорам, заключаемым при осуществлении операций партнерского финансирования.

В настоящее время включение суммы процентов за пользование коммерческим кредитом в налоговую базу не практикуется, что подтверждается устоявшейся судебной практикой и актуальными разъяснениями Министерства финансов РФ. Однако, учитывая существовавшую ранее противоположную позицию Министерства финансов по данному вопросу, в целях обеспечения правовой стабильности и единства правоприменения, целесообразно предусмотреть такие изменения.

Еще одна необходимая налоговая новация вызвана кредитными рисками, которые возникают у ОПФ, и необходимостью формировать резервы под них. Помимо резервов по сомнительным долгам, предусмотренных ст. 266 НК РФ,

ОПФ (по аналогии с МФО и кредитными кооперативами) необходимо наделить правом создавать резервы на возможные потери по задолженности, возникающей по операциям партнерского финансирования. Причем расходы, связанные с формированием таких резервов, должны исключаться из налоговой базы по налогу на прибыль ОПФ.

Перспективы внедрения экспериментального правового режима

При определении критериев оценки эксперимента по регулированию партнерского финансирования следует разделить весь пилотный проект на два этапа. На первом этапе необходимо наполнить реестр Банка России организациями — участниками ЭПР. В этот момент критически важно число организаций в реестре. Этот параметр покажет готовность бизнеса участвовать в эксперименте, иначе может потребоваться доработка условий ЭПР. На втором этапе следует оценить то, как растёт клиентская база и объёмы операций организаций партнерского финансирования. При этом итоги работы банковского и небанковского сегмента необходимо оценивать раздельно.

Расширение перечня регионов в рамках пилотного проекта позволит получить наиболее полную палитру результатов. В одних регионах большую долю могут занять банки, в других — некредитные организации, в том числе уже осуществляющие свою деятельность.

Возможное проведение эксперимента по введению нового налогового режима позволит определить степень востребованности налогового режима у предпринимательского сообщества, оценить экономический эффект от его применения для бюджетной системы Российской Федерации и сделать выводы об эффективности нового налогового режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Д. Г., Михеева И. Е. Правовые проблемы имплементации исламского банкинга в России // *Право и экономика*. — 2017. — № 7. — С. 72—79.
2. Беккин Р. И., Алискеров М. С. Особенности исламского финансового сектора в России на современном этапе и перспективы его роста // *Актуальные проблемы российского права*. — 2017. — № 4. — С. 60—64.
3. Kalimullina M. Islamic finance in Russia: A market review and the legal environment // *Global Finance Journal*. — 2020. — 46.

Правовое регулирование банковской деятельности в условиях санкций

**Елизавета Борисовна
ЛАУТС,**

руководитель НОЦ «Центр
правовых исследований
в сфере банковской
деятельности»
юридического факультета
МГУ имени
М.В.Ломоносова,
доцент кафедры
предпринимательского
права
юридического факультета
МГУ имени
М.В.Ломоносова,
кандидат юридических наук
lauts.elizaveta@yandex.ru
119991, Россия, г. Москва,
Ленинские Горы, д. 1,
стр. 13

Антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности

Аннотация. В статье сделана попытка соотнести антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности. Автор разграничивает санкционный режим и антисанкционный правовой режим, охватывающий антисанкционное регулирование соответствующего рынка и являющийся частью его антикризисного регулирования. В статье обосновывается, что антисанкционный правовой режим не включает в себя средства контрсанкций, так как последние не имеют целью смягчение санкционного режима для соответствующего рынка, а представляют собой ответные ограничительные меры, которые зачастую также негативно влияют на деятельность участников национального рынка. Поэтому автор различает санкционный правовой режим и контрсанкционный правовой режим, приходя к выводу о непоследовательности законодателя в этом вопросе. В статье делается вывод о том, что антикризисное регулирование рынка банковских услуг можно рассматривать и как антикризисный правовой режим банковской деятельности, составной частью последнего является и антисанкционный правовой режим, или антисанкционное регулирование, средства которого направлены на преодоление последствий санкционного режима. При этом в отличие от санкционного режима и контрсанкционного режима, являющихся особыми, или экстраординарными, режимами, антисанкционный режим рассматривается как специальный правовой режим, поскольку представляет собой лишь вид антикризисного регулирования соответствующего рынка.

Ключевые слова: кризис, рынок банковских услуг, антикризисное регулирование, антисанкционное регулирование, правовой режим банковской деятельности, санкционный правовой режим, контрсанкционный правовой режим.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.070-079

ELIZAVETA B. LAUTS,

Head of the REC "Center for Legal Studies
in the field of banking"

Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University,
Associate Professor of the Department of Business Law
Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University,
Cand. Sci. (Law)

lauts.elizaveta@yandex.ru

1/13, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Anti-Sanction Regulation of the Banking Services Market and Anti-Crisis Legal Regime of Banking Activities

Abstract. *The article attempts to correlate the anti-sanction regulation of the banking services market and the anti-crisis legal regime of banking. The author distinguishes between the sanctions regime and the anti-sanction legal regime that frames the anti-sanction regulation of the relevant market and is part of its anti-crisis regulation. The article substantiates that the anti-sanctions legal regime does not include means of counter-sanctions, since the latter do not aim to mitigate the sanctions regime for the relevant market, but are retaliatory restrictive measures that often also negatively affect the activities of national market participants. Therefore, the author distinguishes between the sanctions legal regime and the counter-sanctions legal regime, coming to the conclusion that the legislator is inconsistent in this matter. The article concludes that the anti-crisis regulation of the banking services market can also be considered as an anti-crisis legal regime of banking activity, an integral part of which is also an anti-sanction legal regime or anti-sanction regulation, the means of which are aimed at overcoming the consequences of the sanctions regime. At the same time, unlike the sanctions regime or the counter-sanction regime, which are a special or extraordinary regime, the anti-sanction regime is a special legal regime, since it is only a type of anti-crisis regulation of the relevant market.*

Keywords: *crisis, banking services market, anti-crisis regulation, anti-sanction regulation, banking legal regime, sanctions legal regime, counter-sanction legal regime.*

В текущей ситуации на рынке банковских услуг и в целом в экономике страны одной из важнейших проблем является определение понятия и места средств антисанкционного регулирования в системе средств антикризисного регулирования. Представляется, что антисанкционные средства, являясь всегда средствами антикризисного регулирования, могут быть составной частью инструментов банковского регулирования и надзора и даже института несостоятельности (банкротства).

По существу, антисанкционное регулирование становится синонимом антикризисного регулирования, если соответствующий кризис вызван введением

санкций¹, как, например, это произошло в результате начала Россией специальной военной операции в 2022 г. Для сравнения: кризис 2008 и 2014 гг. был вызван в России не только санкционными мерами, но и иными экономическими причинами, вследствие чего антикризисные средства, которые были введены в тот период, безусловно, не могут полностью совпадать с антисанкционными средствами.

Средства антисанкционного регулирования, как и иные антикризисные средства регулирования, в основном являются административными и экономическими, приобретающими правовую форму при их закреплении в соответствующих нормах права. Представляется, что раскрытие места антисанкционного регулирования как разновидности антикризисного регулирования рынка банковских услуг с точки зрения системы используемых в их рамках средств, имеющих правовую форму, будет наиболее показательно через исследование правового режима банковской деятельности, тем более, что именно в отношении санкционных мер общеупотребительным и в доктрине², и в официальных документах³, и в судебной практике⁴ за последнее десятилетие стал термин «санкционный режим».

¹ Наиболее удачное определение санкций в рассматриваемом контексте дают В. В. Старженецкий и С. Б. Очирова, которые под экономическими санкциями понимают ограничительные меры экономического характера, вводимые иностранными государствами и международными организациями вне связи с санкциями, предусмотренными Уставом ООН (см.: *Старженецкий В. В., Очирова С. Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций?* // *Международное правосудие*. 2020. № 4. С. 144—167).

² См., например: *Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография* / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.]; отв. ред. Е. П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019; *Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография* / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.]; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017; *Рудерман И. Ф. Международные расчеты в цифровую эпоху: основные правовые проблемы и пути их решения* // *Банковское право*. 2021. № 6. С. 24—32; *Резник Р. Инструменты вторичного рынка синдицированных кредитов* // *Международные банковские операции*. 2020. № 1. С. 50—58; *Крохина Ю. А. Предпосылки и проблемы формирования Центрального банка Евразийского экономического союза* // *Банковское право*. 2019. № 2. С. 35—40.

³ См., например: *Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года* (утв. Правительством РФ 07.05.2019 № 4043п-П13) // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был); *Основные параметры сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов*: информация Минэкономразвития России // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был); информационное письмо Банка России от 27.12.2017 № ИН-014-12/64 «О вопросах применения риск-ориентированного подхода в сфере ПОД/ФТ» // *Вестник Банка России*. 2018. № 3; постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» // *СЗ РФ*. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2162.

⁴ См., например: определение Верховного Суда РФ от 12.10.2020 № 305-ЭС20-14523 по делу № А40-149566/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не

Как отмечается в литературе, «действие механизма правового регулирования реализуется через особые комплексы правовых средств, которые нередко обозначаются как “правовые режимы”»⁵. По мнению Г. С. Беляевой, под правовым режимом понимают порядок правового регулирования общественных отношений, основанный на определенном сочетании правовых средств (в том числе способов правового регулирования), гарантий и принципов, создающий благоприятные (неблагоприятные) условия для удовлетворения интересов субъектов права и направленный на достижение оптимального социально значимого результата⁶.

В. В. Кванина на основании системного анализа доктринальных позиций приходит к выводу о том, что «под правовым режимом следует понимать закрепленный на нормативном уровне и обеспеченный государством особый порядок правового регулирования, направленный на конкретные виды общественных отношений и выражающийся в особом сочетании способов воздействия и юридических средств, конечным результатом применения которых является создание для субъектов права в различной степени благоприятных или неблагоприятных для них условий»⁷.

Автор отрицательно относится к выделению общего режима предпринимательской деятельности, полагая, что такой режим, по существу, не имея какой-то конкретной временной цели, изъятий, льгот или, наоборот, ограничений не является правовым режимом как таковым, смешиваясь с понятием правового регулирования соответствующих общественных отношений⁸.

С одной стороны, действительно, выделение категории правовых средств, правового режима имеет смысл только тогда, когда можно определить границы соответствующих институтов, не допуская их полного совпадения с другими. Но, с другой стороны, выделение исключительно специального и особого режимов предпринимательской деятельности некорректно с логической точки зрения и создает еще большую путаницу в понятийном аппарате, ведь если есть специальный и особый режимы, значит, должен быть и общий или обычный режим предпринимательской деятельности.

При отрицании выделения общего режима, что будет подразумеваться под термином «правовой режим предпринимательской деятельности»: специальный,

был); постановление ЕСПЧ от 21.06.2016. Дело «Аль-Дулими и компания “Монтана Менеджмент Инк” (Al-Dulimi and Montana Management Inc.) против Швейцарии» (жалоба № 5809/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11(23); постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2022 № Ф05-33608/2021 по делу № А40-156736/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был); постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.07.2019 № Ф10-2872/2019 по делу № А84-2618/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

⁵ Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 372.

⁶ См.: Беляева Г. С. К вопросу о сущности правового режима // Государственный советник. 2014. № 3. С. 12.

⁷ Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского университета. 2017. № 424. С. 235.

⁸ Кванина В. В. Указ. соч. С. 235.

особый или какой-то другой режим? Представляется, что категория правового режима предпринимательской деятельности имеет право на существование, ведь сам по себе общий режим предпринимательской деятельности уже предполагает установление определенных ограничений, запретов и дозволений в рамках правового регулирования отношений с участием предпринимателей.

Правовой режим предпринимательства исследовался многими авторитетными авторами. Так, В. Ф. Попондопуло понимает под правовым режимом предпринимательства соответствие законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, ее природе⁹.

Также в литературе предлагается выделять именно специальный режим предпринимательской деятельности, под которым предлагает понимать «установленные специальным законодательством положения, предусматривающие особые цели регулирования, введенные на определенный срок и на определенной территории, применение к отдельной группе хозяйствующих субъектов особых льгот, преимуществ, преференций, ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности»¹⁰.

В литературе также отмечается, что «особенность определения правового режима участия государства в регулировании экономики заключается в том, что оно само устанавливает соответствующий режим правового регулирования для себя»¹¹.

При этом следует согласиться с рядом выводов В. В. Пужаева о необходимости существования некоторых требований, которые могут быть предъявлены к вариантам структурной организации ограничительных правовых режимов, в частности: целесообразность четкого определения цели и основания законодательного установления ограничительных правовых режимов, которые должны носить объективно обусловленный характер и быть социально полезными; соразмерность применяемых ограничительных мер намеченным целям режимно-правового регулирования; учет специфики ситуационных моделей, в регулировании которых они будут задействованы¹².

При этом применительно к регулированию банковской деятельности как виду предпринимательской деятельности в юридической литературе правовой режим банковской деятельности определяется как установленный законодательством РФ и нормативными актами Банка России специфический порядок государственного регулирования и осуществления банковской деятельности с целью развития и укрепления банковской системы, защиты интересов вкладчиков и клиентов банков от банковских рисков, предотвращения правонарушений в банковской сфере¹³.

⁹ Цит. по: *Белицкая А. В.* Место специальных правовых режимов инвестирования в рамках правового обеспечения государственной инвестиционной политики // *Право и экономика.* 2018. № 6. С. 5—10.

¹⁰ *Кванина В. В.* Указ. соч. С. 237—238.

¹¹ *Губин Е. П.* Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2005. С. 152.

¹² *Пужаев В. В.* О структуре правовых режимов // *Российский юридический журнал.* 2015. № 5. С. 30—36.

¹³ См.: *Попов И. С.* Правовой механизм государственного регулирования банковской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 114.

При этом дифференциация правового режима банковской деятельности по субъектам определяет пределы вмешательства государства, регулирующих органов в деятельность кредитных организаций, действующих в рамках установленного для них правового режима. Реализуется же правовой режим через специфическую совокупность правовых средств.

Системное исследование понятия правового режима банковской деятельности было проведено О. А. Тарасенко, которая на основе критического анализа различных позиций исследователей данной категории обосновывает, что «правовой режим банковской деятельности представляет собой порядок осуществления кредитными организациями банковских операций, характеризующийся наличием особых запретов, ограничений и позитивных обязанностей, установленный в целях обеспечения стабильности банковской системы, защиты прав, интересов вкладчиков и кредиторов кредитных организаций и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения»¹⁴.

С. С. Алексеев под правовым режимом понимал «порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования»¹⁵, при этом уточняя, что «каждый правовой режим есть все же именно “режим”, и его понятие несет в себе основные смысловые оттенки этого слова, в том числе и то, что правовой режим выражает степень жесткости юридического регулирования, наличие известных ограничений или льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности»¹⁶. Действительно, следует признать, что специфика правового режима банковской деятельности состоит в использовании комплекса средств, имеющих правовую форму, направленных на установление публичных требований к осуществлению банковских операций.

Глубоко не вдаваясь в дискуссию о специальных и особых правовых режимах, тем не менее необходимо отметить, что большинство исследователей действительно видят в правовом режиме банковской деятельности в основном публичную составляющую (т.е. специальный правовой режим), во многом, на наш взгляд, приравнивающую правовой режим банковской деятельности как категорию к правовому обеспечению государственного регулирования банковской деятельности.

Таким образом, для определения места антисанкционного регулирования в системе антикризисного регулирования рынка банковских услуг необходимо соотносить правовой режим банковской деятельности, антикризисный, санкционный и антисанкционный режимы в данной сфере.

¹⁴ Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 105—132.

¹⁵ Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 2010. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 381.

¹⁶ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 383.

Как отмечает С. Н. Шишкин, «институт правового антикризисного механизма может быть сконструирован как специальный режим хозяйствования»¹⁷, с чем можно согласиться. Как указывает И. В. Ершова, «отдельные меры государственного регулирования, действующие в рамках специального правового режима, могут носить временный характер. В этой связи сложно согласиться с выводом ученых, относящих указанный признак исключительно к характеристике особых правовых режимов»¹⁸.

Действительно, антикризисный режим банковской деятельности относится, по нашему мнению, к специальному, а не к особому правовому режиму банковской деятельности, поскольку включает в себя средства постоянного действия (например, инструменты денежно-кредитной политики, средства пруденциального регулирования), которые могут временно изменяться для целей антикризисного регулирования и антисанкционного регулирования как вида антикризисного регулирования рынка банковских услуг.

В этой связи представляется важным разграничить санкционный режим, который достаточно разработан в литературе, и антисанкционный правовой режим, «обрамляющий» антисанкционное регулирование соответствующего рынка и являющийся частью его антикризисного регулирования. Большинство ученых так называемый «санкционный режим» относит к особым правовым режимам¹⁹ или, исходя из справедливой критики лингвистического смешения терминов «особый» и «специальный», к «экстраординарным правовым режимам»²⁰.

Характеризуя санкционный режим, А. А. Мохов отмечает, что ему присущи следующие особенности: «проявляется запретами и ограничениями на осуществление экономической деятельности (по отраслям, секторам, применительно к отдельным хозяйствующим субъектам), дополнительными требованиями к хозяйствующим субъектам, совершаемым ими сделкам и др.; носит срочный характер (ограничен во времени); вводится в специальном (особом) порядке»²¹.

О. А. Тарасенко определяет санкционный правовой режим банковской деятельности как «совокупность принудительных правил ограничительного характера, устанавливаемых иностранными государствами или их союзами с целью привлечения другого государства к ответственности за предполагаемое или

¹⁷ Шишкин С. Н. Предпринимательско-правовые основы государственного регулирования экономикой : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 12.

¹⁸ Ершова И. В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 22—26.

¹⁹ См., например: Мохов А. А. Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // Юрист. 2019. № 8. С. 19—25 ; Майдыков А. Ф., Мелехин А. В. Проблемы формирования законодательства об особых правовых режимах в Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 10.

²⁰ См.: Тарасенко О. А. Указ. соч.

²¹ См.: Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2017 (автор § 3 «Санкционный режим как особый правовой режим осуществления экономической деятельности» — А. А. Мохов).

реальное международно-правовое нарушение, а также в целях реализации внешней политики»²².

При этом становится очевидно, что санкционный режим как комплекс правовых средств, сочетающих в себе именно различные запреты, ограничения и дополнительные требования к участникам рынка, является лишь предпосылкой к формированию антисанкционного правового режима, включающего в себя комплекс правовых средств, направленных на преодоление негативных последствий режима санкционного. Тем не менее понимание санкционного режима, предлагаемое авторами, исследующими данную категорию, оставляет за скобками вопрос, что за режим представляет собой введение контрсанкций со стороны России, если санкционным режимом охватываются исключительно ограничительные меры, принимаемые иностранными государствами и их союзами.

Очевидно, что антисанкционный правовой режим не включает в себя средства контрсанкций, так как последние не имеют целью смягчение санкционного режима для соответствующего рынка, а представляют собой ответные ограничительные меры, которые зачастую также негативно влияют на деятельность участников национального рынка. Поэтому, по нашему мнению, необходимо различать санкционный правовой режим и контрсанкционный правовой режим.

К сожалению, законодатель в терминологии также не последователен. Как было отмечено, зачастую в нормативных актах и судебной практике можно обнаружить термины «санкционные меры» или «санкционный режим», а также «антисанкционные меры». Тем не менее одним из наиболее спорных, на наш взгляд, антикризисных законов — Федеральным законом от 14.07.2022 № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»²³ предусмотрено введение термина «контрсанкционная информация», под которой предлагается понимать вовсе не ответные меры в отношении иностранных государств, создающие для них санкционный режим, а именно антикризисные средства, направленные на преодоление введенных в отношении России санкций. Проблема понятийного аппарата в данном Законе не исчерпывается термином «контрсанкционная информация». Но в данном контексте имеет значение именно терминологический аспект.

Как отмечается в литературе, российские власти для противодействия санкциям преследуют несколько взаимосвязанных задач, среди которых «демотивация и повышение издержек от экономических санкций для санкционирующих государств, минимизация имеющегося негативного эффекта для экономики и хозяйствующих субъектов, сокращение зависимости от санкционирующих государств в критически важных отраслях экономики, а также повышение сопротивляемости в условиях санкционных ограничений»²⁴.

²² Тарасенко О. А. Указ. соч.

²³ СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5293.

²⁴ Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. № 3. С. 119—142.

Россия, как показывает кризис 2022 г., в качестве ответной меры на санкционный режим достаточно взвешенно применяет средства контрсанкционного регулирования, в том числе и на рынке банковских услуг²⁵. В основном, в том числе на рынке банковских услуг, применяются средства антисанкционного регулирования²⁶, суть которых сводится к применению различных средств банковского регулирования или «дерегулирования» в целях смягчения воздействия санкций на российский рынок банковских услуг.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что **антикризисное регулирование рынка банковских услуг** можно рассматривать и как антикризисный правовой режим банковской деятельности, составной частью которого является и антисанкционный правовой режим или антисанкционное регулирование, средства которого направлены на преодоление последствий санкционного режима.

При этом в отличие от санкционного режима или контрсанкционного режима, являющихся особыми, или экстраординарными, режимами, антисанкционный режим является специальным правовым режимом, поскольку представляет собой лишь вид антикризисного регулирования соответствующего рынка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в 10 т. — М., 2010. — Т. 2 : Специальные вопросы правопедения. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. — 471 с.
2. *Белицкая А. В.* Место специальных правовых режимов инвестирования в рамках правового обеспечения государственной инвестиционной политики // *Право и экономика*. — 2018. — № 6. — С. 5—10.
3. *Беляева Г. С.* К вопросу о сущности правового режима // *Государственный советник*. — 2014. — № 3. — С. 9—13.
4. *Губин Е. П.* Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. — М., 2005. — 311 с.
5. *Ершова И. В.* Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. — 2016. — № 2. — С. 22—26.
6. *Кванина В. В.* Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // *Вестник Томского университета*. — 2017. — № 424. — С. 234—240.

²⁵ См., например: Федеральный закон от 01.05.2022 № 125-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств”» // *СЗ РФ*. 2022. № 18. Ст. 3011.

²⁶ См., например: Меры Банка России по стабилизации ситуации на финансовом рынке в условиях реализации санкционных рисков // URL: https://cbr.ru/content/document/file/134865/plan_limit.pdf.

7. Крохина Ю. А. Предпосылки и проблемы формирования Центрального банка Евразийского экономического союза // *Банковское право*. — 2019. — № 2. — С. 35—40.
8. Майдыков А. Ф., Мелехин А. В. Проблемы формирования законодательства об особых правовых режимах в Российской Федерации // *Журнал российского права*. — 2005. — № 10. — С. 95—107.
9. Мохов А. А. Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // *Юрист*. — 2019. — № 8. — С. 19—5.
10. Попов И. С. Правовой механизм государственного регулирования банковской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000.
11. Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право России : учебник. — М. : Юристъ, 2006. — 764 с.
12. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2017. — 432 с.
13. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин. — М. : Юстицинформ, 2019. — 664 с.
14. Пужаев В. В. О структуре правовых режимов // *Российский юридический журнал*. — 2015. — № 5. — С. 30—36.
15. Резник Р. Инструменты вторичного рынка синдицированных кредитов // *Международные банковские операции*. — 2020. — № 1. — С. 50—58.
16. Рудерман И. Ф. Международные расчеты в цифровую эпоху: основные правовые проблемы и пути их решения // *Банковское право*. — 2021. — № 6. — С. 24—32.
17. Старженецкий В. В., Очирова С. Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // *Международное правосудие*. — 2020. — № 4. — С. 144—167.
18. Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // *Вестник Пермского университета. — Юридические науки*. — 2021. — № 1. — С. 105—132.
19. Шишкин С. Н. Предпринимательно-правовые основы государственного регулирования экономикой : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012.

**Диана Геннадьевна
АЛЕКСЕЕВА,**

профессор кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор юридического
факультета
Финансового университета
при Правительстве РФ,
доктор юридических наук
alekseeva.dg@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Тенденции правового регулирования ESG-банкинга в условиях санкций

Аннотация. Повестка устойчивого развития давно стала трендом в глобальной экономике. Россия долгое время была включена в эту общемировую тематику. В стране разрабатывались законодательство, иные нормативные акты и рекомендательные документы, стали создаваться специальные инструменты, и в первую очередь в банковском секторе. Вместе с тем, пандемия COVID-19 и последовавшая за ней волна санкционного давления поставили вопрос о целесообразности дальнейшего развития ESG-повестки в России.

В статье рассматриваются особенности правового регулирования ESG-банкинга в условиях санкционного давления. Отмечено, что повестка устойчивого развития остается актуальной в России, но ориентирована в настоящее время больше на решение внутренних задач. Важнейшими направлениями ESG-банкинга являются: разработка универсальной терминологии и системы правовых категорий, таксономии, ESG-отчетности, рейтингов, учет особенностей ESG-факторов в процедурах кредитования и финансирования, а также корпоративного управления и комплаенс-контроля.

Сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования ESG-банкинга в России.

Ключевые слова: ESG-банкинг, устойчивое развитие, законодательство, Банк России, санкции, регулирование, надзор.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.080-093

DIANA G. ALEKSEEVA,

Professor of Banking law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Professor of the Faculty of Law
of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law)

alekseeva.dg@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Trends in the Legal Regulation of ESG Banking under Sanctions

Abstract. The sustainable Development agenda has long been a stable trend in the global economy. Russia has been included in this global theme for a long time. Legislation, regulations and recommendation documents were being developed in the country, special tools were being created, primarily in

the banking sector. At the same time, the COVID-19 pandemic and the wave of sanctions pressure that followed it raised the question of the expediency of further development of the ESG agenda in Russia.

The article discusses the features of the legal regulation of ESG banking under the conditions of sanctions pressure. It is noted that the sustainable development agenda remains relevant in Russia, but is currently focused more on solving internal problems. The most important areas of ESG banking are: the development of universal terminology and a system of legal categories, taxonomy, ESG reporting, ratings, features of accounting for ESG factors in lending and financing procedures, as well as corporate governance and compliance control.

Proposals are formulated to improve the regulatory and legal regulation of ESG banking in Russia.

Keywords: *ESG banking, sustainable development, legislation, Bank of Russia, sanctions, regulation, supervision.*

Вопросы влияния факторов, связанных с *окружающей средой, обществом, и факторов корпоративного управления* (англ. environmental, social, governance) — ESG-факторов на деятельность организаций, а также влияния организаций на окружающую среду, социальную сферу и экономику становятся неотъемлемой частью государственных политик, стандартов ведения бизнеса, инвестиционных стратегий, тенденций потребительского спроса в современном мире¹.

ESG-критерии включают три составляющих:

- 1) экологический критерий (environmental), определяющий уровень заботы компании об окружающей среде, включая влияние на изменение климата, учет выбросов парниковых газов и мер по его сокращению, расходы воды, соблюдение экологических законов, инициативы в области экологии и использования природных ресурсов;
- 2) социальный критерий (social), включающий отношение компании к персоналу, контрагентам, клиентам и партнерам, соблюдение условий труда и найма, охраны здоровья и безопасности, учет демографических изменений, поддержку благотворительных инициатив;
- 3) критерий корпоративного управления (governance), определяющий эффективность работы руководства и топ-менеджеров компании, отсутствие мошенничества и коррупции, эффективность правовых норм и т.д.

Впервые термин «ESG-факторы» появился в докладе «Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World», подготовленном в 2004 г. под эгидой Глобального договора ООН по призыву Генерального секретаря ООН Кофи Аннана.

¹ См.: информационное письмо Банка России от 16.12.2021 № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» // Вестник Банка России. 2021. № 90.

О росте значимости ESG-факторов и принципов устойчивого развития в международной деловой, общественной и политической жизни свидетельствуют, в частности, инициативы в области изменения климата (в первую очередь — Парижское соглашение от 12 декабря 2015 г., принятое 21-й сессией Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и подписанное от имени Российской Федерации в г. Нью-Йорке 22 апреля 2016 г.); в области устойчивого развития; концепция стейкхолдерского капитализма, заявленная Всемирным экономическим форумом (Давосский манифест 2020) и др.

Происходит процесс глобального перераспределения потоков капитала в пользу рынков, обеспечивающих продвижение целей устойчивого развития, одна из причин этого — распространение ответственного инвестирования. Неслучайно в информационных письмах Банка России от 15.07.2020 № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования» и от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» даны соответствующие рекомендации кредитным организациям.

Учет публичными акционерными обществами ESG-факторов, связанных с воздействием на окружающую среду, социальную сферу и экономику, анализируется инвесторами, придерживающимися принципов ответственного инвестирования, с точки зрения способности компании к созданию долгосрочной стоимости и может влиять на инвестиционную привлекательность ее ценных бумаг. В частности, по состоянию на конец III квартала 2021 г. объем средств под управлением организаций, присоединившихся к принципам ответственного инвестирования Ассоциации по продвижению Принципов ответственного инвестирования (PRI Association), превысил 121 трлн долларов США².

В последние несколько лет в мире активно продвигалась повестка устойчивого развития, однако политика санкционных ограничений, всколыхнувшая мировое сообщество в 2022 г., и последовавшие за этим существенные изменения в энергетическом обеспечении и балансе многих стран критически осложнили выполнение принятых планов и обязательств по достижению углеродной нейтральности и иных параметров достижения целей устойчивого развития.

Россия тем не менее сохранила намерения по реализации намеченных целей. Задача внедрения принципов устойчивого развития в отечественную экономику определена в важнейших документах стратегического планирования Российской Федерации, включая Стратегию экологической безопасности³. Расширение вклада финансового рынка в достижение целей устойчивого развития и ESG-трансформации российского бизнеса определено в качестве важнейшего направления развития финансового рынка Российской Федерации⁴.

² URL: <https://www.unpri.org/signatories/signatory-resources/quarterly-signatory-update> (дата обращения: 05.12.2022).

³ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

⁴ См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (разработаны Банком России). Задача 4 Раздела III // Вестник Банка России. 2022 № 63.

Реализация важнейших документов стратегического планирования в области развития финансового рынка Российской Федерации осуществляется посредством создания соответствующей нормативной правовой основы, которая, в частности, включает: Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р); Указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов»; распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации»; постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации».

Значительными полномочиями в области реализации задач устойчивого развития наделена государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» — национальный институт развития, определенный распоряжением Правительства РФ № 3024-Р от 18.11.2020 в качестве методологического центра по финансовым инструментам устойчивого развития. В диалоге с министерствами, ведомствами, Банком России, экспертным и бизнес-сообществом институт ведет разработку национальной системы зеленого финансирования (основой которой являются таксономия зеленых проектов и стандарты зеленого финансирования), формирует постоянный перечень верификаторов финансовых инструментов устойчивого развития⁵, разрабатывает подходы к ESG-профилированию клиентов посредством заполнения потенциальными клиентами типовых форм анкет и опросников.

Особое внимание в условиях санкционных ограничений уделяется правовому регулированию ESG-банкинга — концепции банковской деятельности, основанной на принципах экологической, социальной и корпоративной ответственности в интересах текущего и будущих поколений, а также на практической реализации инициатив для достижения целей устойчивого развития и других общественно значимых ценностей.

Значительную роль в формировании правового пространства ESG-банкинга реализует Банк России как мегарегулятор финансового рынка. В 2019 г. им утверждена Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования, разработанная Экспертным советом по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России Рабочей группы по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance).

В 2021 г. изданы рекомендации по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития, включая такие аспекты, как стратегическое управление обществом, управление рисками и организация раскрытия информации в области устойчивого развития⁶.

⁵ URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/press-tsentr/51960/> (дата обращения: 05.12.2022).

⁶ Информационное письмо Банка России от 16.12.2021 № ИН-06-28/96 // Вестник Банка России. 2021. № 90.

Внесенными изменениями стандартов эмиссии ценных бумаг установлены особенности эмиссии «зеленых» и «социальных» облигаций, скорректированы формы принятия решений о выпуске и программы облигаций⁷. Соответствующие нормативные изменения позволили создать в рамках Московской биржи сектор устойчивого развития для финансирования проектов в области экологии, защиты окружающей среды и социально-значимых проектов, состоящий из четырех самостоятельных сегментов: сегмента «зеленых облигаций», сегмента «социальных облигаций», сегмента облигаций «устойчивого развития» и сегмента «национальных и адаптационных проектов».

Нормативно-правовое регулирование и практическое внедрение ESG-принципов в отечественную экономику обуславливается следующим⁸:

- сохраняется острейшая потребность в модернизации промышленности, в первую очередь на основе инновационных подходов, передовых энерго- и ресурсоэффективных технологий, экономики замкнутого цикла;
- сохраняется актуальность создания национальной системы учета углеродных единиц и торговли ими;
- необходима разработка нефинансовой отчетности, являющейся «зеркалом» всей ESG-трансформации;
- сохраняются экологические проблемы;
- актуальны задачи повышения уровня и качества жизни.

Не планируют отказываться от ESG-трансформации банковского сектора и кредитные организации, вовлеченность которых в ESG-повестку растет, как показано на рис. 1.

Реализация кредитными организациями ESG-принципов осуществляется:

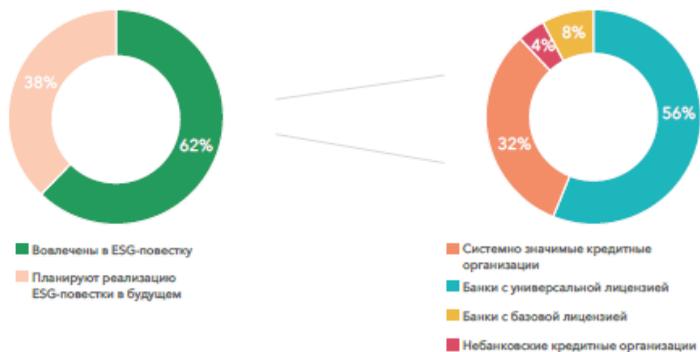
- при разработке политик по «зеленому кредитованию», выпуску «зеленых облигаций»;
- оценке заемщиков на предмет экологических рисков;
- финансировании энергоэффективных проектов;
- выдаче синдицированных кредитов с ESG-траншем и кредитов, привязанных к целям устойчивого развития (*Sustainability linked loans, SLL*);
- организации и проведении мероприятий по ответственному ведению финансов;
- создании благотворительных фондов;
- проведении благотворительных мероприятий;
- спонсорской поддержке детских домов, школ, интернатов, ветеранов, инвалидов и людей, попавших в сложную жизненную ситуацию;
- выпуске социальных карт;
- реализации внутренних проектов, направленных на нормализацию для сотрудников режима труда и отдыха, популяризацию здорового образа жизни;

⁷ Указание Банка России от 01.10.2021 № 5959-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 19 декабря 2019 г. № 706-П “О стандартах эмиссии ценных бумаг”» // Вестник Банка России. 2021. № 77.

⁸ Информационно-аналитическое обозрение «Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов : материалы XIX Международного банковского форума «Банки России — XXI век». Ассоциация банков России, 2022. С. 48.

Результаты опроса кредитных организаций, проведенного Ассоциацией банков России в июне 2022 г.¹, показали, что большинство банков (62%), принявших участие в опросе, не собираются отказываться от ESG-повестки.

Вовлеченные в ESG-повестку банки-респонденты

При этом ¼ опрошенных системно значимых кредитных организаций заявили о корректировке сроков реализации своих планов. 38% респондентов, это по большей мере малые и средние банки, заявили, что планируют реализацию ESG-проектов в будущем.

Планы реализации ESG-повестки

¹ В опросе приняло участие 40 кредитных организаций, из которых 8 системно значимых кредитных организаций, 25 с универсальной лицензией, 6 с базовой лицензией, 1 небанковская кредитная организация. Не них приходится 78% совокупных активов банковской системы.

Рис. 1. Вовлеченность банков в ESG-повестку⁹

⁹ Информационно-аналитическое обозрение «Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов». С. 50.

- создании ESG-комитета при совете директоров;
- соблюдении кодекса корпоративного управления;
- при публикации отчетов о корпоративной социальной ответственности;
- в рамках следования рекомендациям Базельского комитета по банковскому надзору, Совета по финансовой стабильности и т.д.

По данным Ассоциации банков России, российские банки в целом готовы к работе на ESG-принципах, в частности:

- 100 % банков с иностранным участием и 63 % крупных банков используют в своей работе таксономию целей устойчивого развития ООН;
- 75 % крупных банков учитывают риски корпоративного управления и экологические риски, 67 % банков с иностранным участием оценивают эти риски для своих кредитных портфелей;
- при раскрытии ESG-информации банки с иностранным участием ориентируются на требования бирж (100 %), методики рейтинговых агентств и GRI (по 67 %), крупные банки — на требования регулятора (75 %) ¹⁰.

В феврале независимое европейское рейтинговое агентство RAEX-Europe опубликовало ESG-рэнкинг российских компаний, в который впервые вошли российские банки. Лидерами среди крупнейших банков, по ESG-оценке, стали ПАО «Московский кредитный банк» (МКБ), ПАО «Сбербанк», Банк ВТБ (ПАО), АО «Россельхозбанк» и АО «Газпромбанк» ¹¹. Так, например, в рамках проекта «Сбера» ESG приняты следующие внутренние документы: Политика в области социальной и экологической ответственности, корпоративного управления и устойчивого развития (2021 г.); Политика принципов и стандартов корпоративного управления Группы ПАО «Сбербанк» (2021 г.); Кодекс корпоративного управления ПАО «Сбербанк» (2020 г.) и др.

Основные направления деятельности «Сбера» в области ESG и устойчивого развития выглядят следующим образом ¹² (рис. 2).

Председатель Банка России Э. Набиуллина на встрече с банкирами 26.05.2022 отметила три ключевых направления, в рамках которых сегодня должен работать капитал: проекты по модернизации экономики, по социальной поддержке и по «зеленой повестке» в самом широком понимании. Это подтверждает сохраняющуюся важность всех трех компонентов аббревиатуры ESG ¹³.

Основными задачами на ближайшую и среднесрочную перспективу в сфере устойчивого развития являются ¹⁴:

¹⁰ URL: https://asros.ru/upload/iblock/9d2/Rossiyskie-banki-gotovy-k-rabote-na-esg_printsipakh_-rezultaty-anketirovaniya-v-grafikakh.pdf.

¹¹ *Ермакова Е. П.* ESG-банкинг в России и в Европейском Союзе: понятие и проблемы правового регулирования // Государство и право. 2021. № 7. С. 161—174.

¹² URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/ru/key_facts_sber_esg_policy_rus.pdf.

¹³ Информационно-аналитическое обозрение «Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов». С. 49.

¹⁴ Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях: документ для общественного обсуждения. Банк России, 2022.

Основные направления деятельности в области ESG и устойчивого развития

Реализация Политики подразумевает деятельность в **8 ключевых направлениях**, сконцентрированную на **решении 45 задач** с учетом трёх сквозных подходов

Рис. 2. Направления деятельности Сбера в области ESG и устойчивого развития

- развитие рынка устойчивого финансирования в части инструментов, инфраструктуры, внедрения и учета ESG-факторов бизнесом;
- интеграция ESG-рисков в пруденциальное регулирование и надзор, в том числе внедрение механизмов стимулирующего регулирования;
- развитие национальной системы углеродного регулирования и системы биржевой торговли углеродными единицами.

Основные направления развития ESG-банкинга в России на современном этапе, по мнению банковского сообщества, выглядят следующим образом¹⁵ (см. рис. 3).

Рис. 3. Основные направления развития ESG-банкинга в России

Реализация концепции ESG-банкинга стимулирует банки развивать собственные климатические стратегии и процессы риск-менеджмента с учетом роста объемов кредитования в проектах «зеленого финансирования». При этом надо отметить, что кредитование осуществляется не только в «зеленых» отраслях или компаниях с высоким ESG-рейтингом, *необходимо учитывать динамику ESG-рейтинга в кредитных ковенантах*. Также важно транслировать на рынок лучшую практику и демонстрировать преимущества ESG-интеграции как в непосредственной работе с клиентом, так и через отраслевые ассоциации¹⁶.

¹⁵ Информационно-аналитическое обозрение «Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов». С. 51.

¹⁶ ESG-банкинг в России. Исследование компании «Делойт» в СНГ по заказу Ассоциации банков России. М., 2021.

В целях систематизации работы кредитных организаций в области ESG-банкинга Ассоциация банков России (АБР) подготовила в феврале 2021 г. Рекомендации для кредитных организаций по внедрению ESG-принципов экологической, социальной и управленческой ответственности¹⁷, согласно которым ESG-банкинг обобщает концепции финансового влияния, зеленого, ответственного, социального, устойчивого, этического банкинга, возникшие как альтернатива спекулятивному банкингу, включая вопросы реализации целей устойчивого развития и национальных целей и воздействия на решение экологических и социально-экономических проблем¹⁸.

В отличие от других моделей банковского бизнеса (государственного, спекулятивного, устойчивого, исламского банкинга), ESG-банкинг ориентирован на долгосрочную прибыль в реальном секторе экономики, на основе развития бизнеса клиентов и регионов присутствия, саморегулирования в управлении рисками и «выращивания» персонала, соблюдения законодательства и лучшей мировой практики¹⁹.

Особое внимание в целях развития ESG-банкинга планируется уделять *таксономии*, которая определяет идентификацию и классификацию явлений и процессов для оценки результатов ESG-банкинга; и находит отражение:

- в структуре и функциях управления банком (наделение органов управления банка функционалом и компетенциями в области ESG-банкинга; рассмотрение планов и отчетов о реализации ESG-принципов; отражение ESG-функций в процедурах идентификации, оценки и воздействия ESG-факторов);
- стратегическом планировании бизнес-процессов (учет ESG-факторов в рамках бизнес-модели банка; конкретизация ESG-процессов в плановых показателях деятельности подразделений и сотрудников, учет в системе стимулирования и вознаграждения, учет и отчетность о выполнении плана);
- управлении рисками и отчетности (интеграция ESG-рисков в существующую систему управления рисками; прогнозирование, оценка, управление ESG-рисками; контроль соблюдения правовых требований соблюдения ESG-факторов в рамках комплаенса).

В рекомендациях отмечается о необходимости внедрения комплексных мер ESG, в том числе критериев рисков, корректировки действий контрагентов на основе текущих факторов, например «углеводородного следа» или долгосрочных репутационных рисков²⁰.

Особое внимание уделено формированию ESG-рейтингов и разработке подходов к ESG-отчетности на базе Рекомендаций Целевой группы по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом (TCFD)²¹, Глобальной инициа-

¹⁷ Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России. М. : Ассоциация банков России, 2021.

¹⁸ URL: <https://www.icmagroup.org/assets/documents/regulatory/green-bonds/sustainable-finance-high-level-definitions-may-2020-051020.pdf>.

¹⁹ URL: https://www.centriinvest.ru/files/articles/pdf/ci_transformationbank_book_final.pdf.

²⁰ Ермакова Е. П. ESG-банкинг в России и в Европейском союзе: понятие и проблемы правового регулирования // Государство и право. 2021. № 7. С. 161—174.

²¹ URL: <https://assets.bbhub.io/company/sites/60/2020/10/final-2017-tcdf-report-11052018.pdf>.

тивной по отчетности (GRI)²², CDP (некоммерческой организацией, управляющей глобальной системой раскрытия информации для инвесторов и иных лиц, применительно к их воздействию на окружающую среду)²³, Международным советом по интегрированной отчетности²⁴ (IIRC), со Схемой экологического менеджмента и аудита ЕС (EMAS)²⁵ (включая Проект управления воздействием (IMP)²⁶, принципы ICMA²⁷ 33 и рекомендации Nasdaq²⁸).

Во всех системах ESG-отчетности раскрывается роль влияния ESG-факторов на систему управления, стратегию, управление рисками, достигнутые результаты и систему используемых показателей²⁹, в частности:

- управление (роль органов управления в решениях на основе ESG-принципов, оценки рисков и возможностей);
- стратегия (описание учитываемых ESG-рисков, влияние рисков и возможностей на стратегию и финансовые планы, рассмотрение сценариев развития);
- управление рисками (выявление существенных рисков, процессов управления ESG-рисками);
- показатели и цели (описание показателей ESG-рисков и возможностей, прямых и косвенных выбросов, целевые значения показателей).

Таким образом, вопросы учета ESG-факторов, связанных с ними рисков и возможностей, а также повестки устойчивого развития и борьбы с негативными климатическими изменениями становятся мировой тенденцией, которая останется актуальной на средне- и долгосрочном горизонтах.

Для России ESG-повестка остается актуальной, о необходимости ее реализации свидетельствуют важнейшие документы стратегического планирования Российской Федерации; нормативные правовые акты и рекомендации Банка России, а также иных органов государственной власти; активные дискуссии, ведущиеся на представительных дискуссионных площадках с участием профильных министерств и ведомств; усилия, которые предпринимают представители отечественного бизнеса и банковского сообщества по реализации ESG-принципов в своей профессиональной деятельности.

В условиях беспрецедентного санкционного давления ESG-стандартизация будет осуществляться с учетом национальных особенностей в целях развития ESG-суверенитета страны.

Очевидно, что «вектор развития, направленный на внедрение ESG-стандартов в финансовой сфере, как представляется, носит долгосрочный характер. Это

²² URL: <https://www.globalreporting.org/> (дата обращения: 05.12.2022).

²³ URL: <https://www.cdp.net/en> (дата обращения: 05.12.2022).

²⁴ URL: <https://www.integratedreporting.org/> (дата обращения: 05.12.2022).

²⁵ URL: https://ec.europa.eu/environment/emas/pdf/leaflets/emasleaflet_en.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

²⁶ URL: <https://impactmanagementproject.com/> (дата обращения: 05.12.2022).

²⁷ URL: <https://www.icmagroup.org/> (дата обращения: 05.12.2022).

²⁸ URL: <https://www.nasdaq.com/docs/2019/11/26/2019-ESG-Reporting-Guide.pdf> (дата обращения: 05.12.2022).

²⁹ Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России. С. 11.

уже не модный тренд, а необходимость меняться под новые правила игры. По нашему мнению, применительно к банковскому сектору наибольшую актуальность в будущем будут иметь вопросы, связанные с учетом именно экологической составляющей. Это означает, что российским кредитным организациям придется менять подходы к оценке рисков заемщиков, адаптировать критерии кредитной политики в пользу развития в первую очередь зеленого финансирования инвестиционных проектов»³⁰.

Для целей ESG-трансформации банков разрабатывается специальное законодательство, издаются нормативные и рекомендательные документы Банка России, проекты стандартов ESG-идентификации клиентов, единого ESG-рейтингования и др. Аспекты реализации принципов устойчивого развития в банковской сфере обсуждаются на заседаниях профильных комитетов ведущих банковских ассоциаций, Экспертного совета по устойчивому развитию и зеленому финансированию Государственной Думы Федерального Собрания РФ и на других дискуссионных площадках.

ESG-банкинг расширяет пространство учитываемых рисков (экологических, социальных, управленческих) и временной горизонт. Это требует дополнительных затрат, но также дает дополнительные преимущества, поскольку позволяет увидеть новые альтернативы, возможности, инструменты для адаптации к новым вызовам. Чтобы воспользоваться этими преимуществами, нужен комплексный подход к ESG-трансформации на основе цифровых технологий. Именно цифровизация ESG-банкинга позволяет обеспечить комплексный подход и максимально оперативно реализовать современные решения для каждой подсистемы ESG-управления³¹.

Для целей минимизации правовой неопределенности, складывающейся в сфере ESG-банкинга, представляется целесообразным разработать изменения нормативно-правового регулирования по ряду направлений, в том числе:

- 1) разработать нормативный акт (или методические указания) Банка России об особенностях ESG-банкинга, в котором предусмотреть:
  - терминологию ESG-банкинга и используемых в рамках ESG-стандартизации инструментов;
  - терминологию таксономии и элементы ее отражения в структуре и функциях управления кредитной организацией, стратегическом управлении бизнес-процессами, в управлении рисками и в отчетности. Это особенно важно в свете наличия разногласий по таксономии зеленых финансов в инструкциях Банка России, Минфина России, Минэкономразвития России, Минпромторга России, Минприроды России, рейтинговых агентств, а также в условиях недостаточной связи ESG-таксономии с Целями устойчивого развития и Национальными целями³²;

³⁰ Белоусов А. Л. Правовые и организационные аспекты внедрения ESG-стандартов в российском банковском секторе // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 3.

³¹ URL: <https://asros.ru/news/opinions/esg-banking-itogi-2021-goda/> (дата обращения: 05.12.2022).

³² Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России. С. 4.

- особенности реализации ESG-стандартов в деятельности самой кредитной организации и учет данных стандартов при осуществлении взаимодействия с клиентами и контрагентами;
- 2) дополнить положения ст. 11.1-1 Федерального закона от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»³³ положениями об отнесении к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) кредитной организации определенных ее уставом вопросов:
  - контроля ESG-факторов с учетом принятой таксономии в отраслевом, региональном, операционном, продуктовом и портфельном разрезах стратегии развития кредитной организации (с учетом рисков среды, «аппетита» банка к принимаемым рискам, распределения капитала и качества системы управления рисками на операционном уровне, контроля соответствия и внутреннего аудита);
  - утверждения планов и отчетов о реализации ESG-принципов в кредитной организации;
- 3) дополнить положения указания Банка России от 15.04.2015 № 3624-У «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы»³⁴:
  - понятием ESG-рисков как совокупности экологических, социальных или управленческих событий или условий, которые могут оказать значительное негативное воздействие на активы, финансовое положение и прибыль или репутацию кредитной организации³⁵;
  - классификацией ESG-рисков;
  - указанием процессов идентификации, оценки, управления и контроля ESG-рисками в рамках системы управления рисками и капиталом кредитной организации;
- 4) дополнить требования Положения Банка России от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах»³⁶ полномочиями органов внутреннего контроля кредитной организации по осуществлению комплаенс-контроля соблюдения положений действующего законодательства РФ, нормативных актов Банка России и внутренних документов кредитной организации в части ESG-банкинга;
- 5) дополнить требования Положения Банка России от 28.06.2017 № 590-П «О порядке формирования кредитными организациями резерва на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности»³⁷ положениями, позволяющими учитывать ESG-факторы в рамках управления кредитным риском, а также о формировании резерва на возможные потери по ссудам, выдаваемым компаниям, учитывающим в своей деятельности ESG-стандарты. Управление кредитными рисками должно учитывать ESG-риски

³³ СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

³⁴ Вестник Банка России. 2015. № 15.

³⁵ Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России. С. 7.

³⁶ Вестник Банка России. 2004. № 7.

³⁷ Вестник Банка России. 2017. № 65—66.

на всех этапах кредитования, в профиле рисков секторов и географических районов, в процедурах классификации рисков, в оценке залогов. Для этого могут использоваться показатели вероятности дефолтов, анализа и оценки портфелей с точки зрения отраслевых (географических) концентраций, пределов воздействия, стратегий заимствования, сценарного анализа и (или) стресс-тестирования. Цены на кредиты должны отражать различные риски и издержки, обусловленные климатическим и экологическими рисками, через различные факторы затрат (стоимость капитала, зеленые (покрытые) облигации, финансирование или кредитный риск)³⁸;

- 6) разработать единую методологию по присвоению некредитных рейтингов устойчивого развития в экологической, социальной и экономической сферах;
- 7) разработать правовые подходы, политики, процедуры и стандартные формы ESG-отчетности в кредитных организациях.

По справедливому мнению исследователей³⁹, стремительный рост внимания к ESG-повестке в России свидетельствует о соответствии данного тренда в банковском секторе вектору развития остальных отраслей экономики. Имея примеры лучшей практики регулирования и внедрения некоторых элементов ESG в банковскую деятельность, российская экономика может получить преимущество «быстрого второго» (*fast second*), используя ESG-банкинг как одно из средств построения устойчивой, экологичной и диверсифицированной экономической модели.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белоусов А. Л. Правовые и организационные аспекты внедрения ESG-стандартов в российском банковском секторе // Russian Journal of Economics and Law. — 2022. — Т. 16. — № 3.
2. Ермакова Е. П. ESG-банкинг в России в Европейском Союзе: понятие и проблемы правового регулирования // Государство и право. — 2021. — № 7. — С. 161—174.
3. Информационно-аналитическое обозрение «Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов : материалы XIX Международного банковского форума «Банки России — XXI век». — Ассоциация банков России, 2022. — 80 с.
4. Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России. — М. : Ассоциация банков России, 2021.
5. ESG-банкинг в России. Исследование компании «Делойт» в СНГ по заказу Ассоциации банков России. — М., 2021.

³⁸ Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России. С. 8.

³⁹ ESG-банкинг в России. Исследование компании «Делойт» в СНГ по заказу Ассоциации банков России. С. 21.

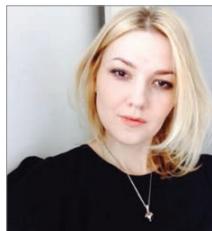

**Ольга Александровна
ТАРАСЕНКО,**

профессор кафедры
предпринимательского и
корпоративного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент

olga201175@gmail.com

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Татьяна
Александровна
АНДРОНОВА,**

доцент кафедры
предпринимательского и
корпоративного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

andronova010581@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

О валютных ограничениях 2022 года, введенных в действие в отношении физических лиц

Аннотация. В фокусе настоящей статьи — валютные ограничения, введенные Российской Федерацией в отношении физических лиц — резидентов в ответ на развертывание иностранными государствами и их союзами политики санкционного давления на национальную банковскую систему. Авторы выявляют регуляторные окна и виды страновых санкций: заморозку резервов и активов Банка России, запрет для Банка России на доступ к рынку капиталов и запрет на продажу, поставку, передачу или экспорт в Россию наличных евро и долларов США. Далее анализируется отечественный правопорядок в части введения и действия валютных ограничений, распространяющихся на физических лиц — резидентов.

Выявляется, что основные ограничения заключались в принудительной конвертации части валютных вкладов, запретах на зачисление валюты на зарубежные счета и предоставление займов нерезидентам, в установлении пороговых значений на трансграничный перевод безналичных и наличных денежных средств; в запрете переводов электронных денежных средств с помощью иностранных поставщиков платежных услуг и совершении сделок с лицами иностранных государств, совершающих недружественные действия или внесенных Правительством РФ в санкционный список. Исследуется правомерность установления данных валютных ограничений и практика их применения. По результатам анализа предлагаются способы совершенствования отечественного законодательства.

Ключевые слова: санкции, валютные ограничения, валютные вклады, операции с наличной валютой, перевод денежных средств, зарубежные счета.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.094-103

OLGA A. TARASENKO,

*Professor of the Entrepreneurial and Corporate Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Assistant professor
olga201175@gmail.com
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

TATIANA A. ANDRONOVA,

*Associate Professor
of the Entrepreneurial and Corporate Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Assistant professor
andronova010581@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

**About Currency Restrictions in 2022,
Introduced in Respect of Individuals**

Abstract. *The focus of this article is the currency restrictions imposed by the Russian Federation on resident individuals in response to the deployment by foreign states and their unions of a policy of sanctions pressure on the national banking system. First, the authors identify regulatory windows and types of country sanctions: freezing of reserves and assets of the Bank of Russia, a ban for the Bank of Russia on access to the capital market and a ban on the sale, supply, transfer or export of cash euros and US dollars to Russia. Further, the domestic legal order is analyzed in terms of the introduction and operation of currency restrictions that apply to resident individuals. It is revealed that the main restrictions consisted in the forced conversion of part of foreign currency deposits, prohibitions on crediting currency to foreign accounts and providing loans to non-residents, setting thresholds for cross-border transfer of non-cash and cash funds; prohibition of electronic money transfers with the help of foreign payment service providers and transactions with persons of foreign states committing unfriendly acts or included in the sanctions list by the Government of the Russian Federation. The legality of the establishment of these currency restrictions and the practice of their application are investigated. Based on the results of the analysis, ways to improve domestic legislation are proposed.*

Keywords: *sanctions, currency restrictions, currency deposits, cash transactions, money transfer, foreign accounts.*

Известно, что Федеральным законом от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»¹ (далее — Закон о валютном регулировании) последовательно реализовывалась либерализация в сфере

¹ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

регулирования валютных отношений, и Россия проделала значительный путь в этом направлении².

Однако ужесточение санкционного давления со стороны иностранных государств, последовавшее после начала в феврале 2022 г. специальной военной операции Российской Федерации на Украине, потребовало незамедлительного переформатирования курса государственной валютной политики.

В основном толчком к этому послужили **страновые санкции**, которые, как мы полагаем, допустимо именовать такими, ввиду их территориального масштаба.

Прежде всего к ним относится **заморозка резервов и активов Банка России**³, которую осуществили ЕС, США, Великобритания, Канада, Япония, Новая Зеландия и Южная Корея. По сведениям некоторых источников, замороженные резервы и активы достигают суммы 300 млрд долларов, что составляет почти половину российских резервов. Данные резервы и активы включают специальные права заимствования, монетарное золото, ценные бумаги иностранных эмитентов, средства в иностранных валютах⁴. Эта мера значительно секвестировала финансовые рычаги Банка России по поддержке национальных кредитных организаций, тоже попавших под санкционную колесницу.

В отношении **Банка России** был введен также **запрет на доступ к рынку капиталов**⁵. Кроме того, колоссальное давление на национальный валютный рынок оказало установление **запрета на продажу, поставку, передачу или экспорт в России банкнот, номинированных в евро⁶ и долларах США⁷**.

Пакет страновых санкций купировал финансовые рычаги Банка России и, по сути, подорвал свободное хождение в Российской Федерации наиболее устойчивых мировых валют в наличной форме⁸.

² См.: *Тарасенко О. А.* Действующие валютные ограничения // Вестник Самарской государственной экономической академии. 2006. № 8 (26). С. 195—199.

³ См.: Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31.07.2014 (version 04.06.2022) concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (p. 4 art. 5a) // URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2014/833/2022-03-16> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2022/05/26/923688-es-zamorozil-rezervi> (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ Council Decision (CFSP)2022/264 of 23.02.2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // URL: <http://data.europa.eu/eli/dec/2022/264/oj> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ Council Regulation (EU) 2022/345 of 01.03.2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2022/345/oj> (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ Presidential Actions of 11.03.2022 «Executive Order on Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression» // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/11/executive-order-on-prohibiting-certain-imports-exports-and-new-investment-with-respect-to-continued-russian-federation-aggression/> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ *Тарасенко О. А.* Влияние санкций на деятельность Банка России и аффилированных с ним лиц // Банковское право. 2023. № 1.

Следует добавить, что указанные санкции были, несомненно, самыми мощными, однако негативный эффект на банковскую систему оказывают и ранее введенные персональные (блокирующие) санкции, групповые санкции (в отношении государственных банков) и эмбарго Крыма⁹.

Примечательно, что страновые санкции наносят как непосредственный, так и опосредованный вред, в том числе и отечественным предпринимателям и гражданам, которые не попали ни в один санкционный список. Это находит свое отражение, например, **в прямом запрете кредитным учреждениям Европейского союза на прием вкладов от всех граждан России**, проживающих в Российской Федерации, или юридических лиц, или органов, учрежденных в России **на сумму свыше 100 тыс. евро**¹⁰.

Кроме того, затрагивают россиян и уход с отечественного рынка международных платежных систем Visa и Mastercard, а также угрозы Минфина США иностранным банкам вводом санкций за сотрудничество с платежной системой «Мир», что вызвало множественные отказы в приеме одноименных карт иностранными кредитными учреждениями. Все это повлекло затруднения с покупками в Интернете, оплатой лечения и иными расходами в путешествиях, т.е. в тех областях жизнедеятельности, которые осложнены трансграничными расчетами. Как следствие, это породило «карточный туризм» и вызвало новые виды карточного мошенничества.

Для купирования негативных последствий санкций Банк России использовал, среди прочего¹¹, такой инструмент как **валютные ограничения**. Рассмотрим их более подробно в том аспекте, в котором они затронули отечественных резидентов — физических лиц.

Отметим, что к настоящему времени санкции в отношении Российской Федерации, введенные ЕС, США и поддержавшими их странами, применяются около 9 лет. Предвосхищая события 2022 г., Банк России еще в июле 2020 г. внезапно поделился с обществом сведениями о том, что в военное время в целях мобилизации средств государство может заблокировать вклады в банках, чтобы ограничить денежную эмиссию и пополнить бюджет. В качестве примера Банк России указал на ограничение по снятию наличных с банковских счетов, которое было введено в первые дни Великой Отечественной войны¹².

Однако, как показывает жизнь, подобная блокировка может быть осуществлена и в государственном состоянии переходного периода вне зависимости от

⁹ Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. 2021. № 51. С. 105—132.

¹⁰ Verordnung (EU) 2022/328 Des Rates vom 25.02.2022 zur Änderung der Verordnung (EU) №. 833/2014 über restriktive Maßnahmen angesichts der Handlungen Russlands, die die Lage in der Ukraine destabilisieren // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:32022R0328> (дата обращения: 10.12.2022).

¹¹ Иные способы снижения последствий санкций рассмотрены нами в статье: Кадлец М. В., Тарасенко О. А. Меры противодействия санкционному давлению, оказываемому на банковскую систему России // Банковское право. 2022. № 4. С. 13—19.

¹² URL: <https://deita.ru/article/478277> (дата обращения: 10.12.2022).

введения в действие актов чрезвычайного законодательства¹³. И действительно: 09.03.2022 Банк России принял **Временный порядок операций с наличной валютой**, в соответствии с которым снятие наличных денежных средств в иностранной валюте вплоть до 09.09.2022 стало возможно лишь в сумме до 10 тыс. долларов США, а остальные средства (как доллары, так и евро) возможно было снять, конвертировав их в рубли. При этом кредитным организациям понадобилось от нескольких дней до нескольких месяцев, чтобы привезти запрошенные клиентами суммы в долларах США в конкретное отделение, несмотря на то, что около 90 % валютных счетов не превышали сумму в 10 тыс. долларов США¹⁴.

В дальнейшем ограничения на снятие денежных средств в наличной валюте стран Европейского союза и США было оставлено в силе до 09.03.2023¹⁵. Поскольку санкции запрещают российским финансовым институтам приобретать наличную валюту западных стран, можно спрогнозировать тенденцию к многократному продлению действия указанного ограничения.

Следует сказать, что, хотя и очевидна экономическая причина принятия подобной меры, ее правовое оформление не может не вызывать вопросов. Дело в том, что согласно п. 2 ст. 837 ГК РФ по договору вклада любого вида¹⁶, заключенному с гражданином, банк в любом случае обязан выдать по первому требованию вкладчика сумму вклада или ее часть и соответствующие проценты. Кроме того, Закон о валютном регулировании не содержит такого ограничения, как «обязательная конвертация части валютных вкладов». При этом в п. 2 ст. 5 данного Закона указывается, что если порядок осуществления валютных операций, порядок использования счетов не установлены органами валютного регулирования (Банком России и Правительством РФ) в соответствии с настоящим Законом, то валютные операции осуществляются, счета открываются и операции по счетам проводятся без ограничений.

Таким образом, данное валютное ограничение является новым, оно введено в действие актом Банка России, не носящим нормативного характера, и противоречит правовым нормам действующего законодательства. Можно говорить, о том, что Банк России использовал возможно быстрый инструмент реагирования, однако очевидно, что перед нами опять встает проблема, подобная той, что возникла в период распространения пандемии коронавирусной инфекции: отечественное законодательство не содержит четких норм, которые контролировали бы легитимность действий Банка России в части проверки и подтверждения принимаемых им экстраординарных актов¹⁷.

¹³ Подробнее о переходных режимах см.: Мохов А. А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя // Власть закона. 2019. № 4. С. 47.

¹⁴ URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12738> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁵ URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14059> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁶ За исключением вкладов, внесение которых удостоверено сберегательным сертификатом, условия которого не предусматривают право вкладчика на получение вклада по требованию.

¹⁷ Право и противодействие пандемии: возможности и перспективы : монография / отв. ред. В. Н. Синюков, А. А. Мохов. М. : Проспект, 2021. С. 131 (автор § 12 гл. 1 «Правовой режим повышенной готовности и его пределы» — О. А. Тарасенко).

Нельзя не сказать и о том, что конвертация валютных вкладов в рубли на практике осуществляется по внутреннему курсу банка, который отличается от официального курса Банка России. Например, 09.12.2022 один из крупных отечественных частных банков осуществлял конвертацию долларов США по курсу 54,9, в то время как курс доллара США к рублю, установленный Банком России на эту дату составлял 62,5722¹⁸. Реальный же курс продажи доллара составлял около 67 рублей за 1 доллар США. Таким образом, потери вкладчиков при такой «конвертации» составляют почти 1/5 часть валютного вклада. Представляется, что конвертация валютных вкладов в рубли должна осуществляться как минимум по курсу не ниже официального курса Банка России, поскольку вкладчики не обязаны своими деньгами закрывать убытки банковской системы. Подобное явление подорвало доверие к банковской системе России, в очередной раз простимулировав граждан «хранить деньги в банке, а банку — под полом».

Помимо принудительной конвертации части валютных вкладов в рубли, физические лица — резиденты подверглись целому пулу валютных ограничений, чье действие было направлено на предотвращение оттока капиталов за рубеж.

В частности, в соответствии с п. 3 Указа Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» (далее — Указ № 79) с 01.03.2022 резидентам было запрещено:

- **зачислять иностранную валюту на свои счета, открытые в банках и иных организациях финансового рынка, расположенных за пределами территории России;**
- **осуществлять перевод денежных средств без открытия банковского счета с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг.**

При этом Банк России разъяснил, что первая рестрикция, исходя из системного толкования права, ограничивается только теми случаями, когда зачисление иностранной валюты и осуществление переводов денежных средств связаны с перечислением резидентами денежных средств, полученных в виде дивидендов по акциям российских акционерных обществ либо при распределении прибыли российских обществ с ограниченной ответственностью, хозяйственных товариществ и производственных кооперативов.

Далее Указом Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»¹⁹ (далее — Указ № 81) были установлены ограничения на совершение ряда сделок. В частности, с 02.03.2022 регламентирован порядок осуществления резидентами следующих сделок с лицами иностранных государств, совершающих недружественные действия:

¹⁸ URL: https://www.cbr.ru/currency_base/daily/?unidbquery.posted=true&unidbquery.to=09.12.2022 (дата обращения: 17.12.2022).

¹⁹ СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1466.

- **сделок по предоставлению кредитов и займов (в рублях)**, за исключением случаев, если предоставление кредитов и займов запрещено в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации;
- **сделок, влекущих за собой возникновение права собственности на ценные бумаги и недвижимое имущество.**

Совершение указанных сделок возможно только при наличии специального разрешения, выданного Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации (далее — Правительственная комиссия).

Указ № 81 ввел также тотальный **запрет на вывоз с территории России** физическими лицами **наличной иностранной валюты** и (или) денежных инструментов в иностранной валюте **в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долларов США** и рассчитанной по официальному курсу Банка России (пп. «ж» п. 1).

Следует сказать, что жесткость запрета по зачислению валюты на зарубежные счета и предоставление займов нерезидентам была впоследствии несколько размыта решениями Правительственной комиссии. В частности, в выписке из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии от 23.05.2022 № 52/2 указывается, что резидентам — физическим лицам разрешается:

- осуществлять валютные операции, связанные с предоставлением иностранной валюты по договорам займа в пользу нерезидентов, которые отвечают одновременно отдельным установленным требованиям;
- зачислять иностранную валюту на свои счета, открытые за пределами территории России для целей: а) содержания (включая ремонт, охрану и иные расходы) находящегося за рубежом и принадлежащего резидентам — физическим лицам на праве собственности имущества; б) оплаты своих расходов на образование и оказание медицинских услуг, а также указанных расходов физических лиц, являющихся супругами или близкими родственниками²⁰.

Хотя очевидно, что решение Правительственной комиссии ослабило жесткость запретов, вместе с тем сохранение первоначальных тотальных запретов в Указах Президента, вкупе с санкциями за незаконные валютные операции, может повлечь неблагоприятные финансовые последствия для держателей зарубежных счетов.

Приведем лишь один пример. Указ № 79 начал действовать с 01.03.2022, соответственно, с этого дня и до решения Правительственной комиссии от 23.05.2022 на зарубежные счета резидентов не могли зачисляться денежные средства для оплаты коммунальных, медицинских, образовательных услуг. Однако, учитывая, что многие государства еврозоны (и не только) не принимают наличные денежные средства для их перевода поставщикам услуг и оплаты налоговых платежей, физические лица — резиденты во избежание просрочек были вынуждены осуществлять зачисление иностранной валюты на свои зарубежные счета. При этом согласно п. 1 ст. 15.25 КоАП РФ данные действия подпадают под осуществление

²⁰ Выписка из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 23 мая 2022 г. № 52/2 (доведена Минфином России 01.07.2022 № 05-06-10/ВН-33507) // СПС «КонсультантПлюс».

незаконных валютных операций, что влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 20 до 40 % суммы незаконной валютной операции²¹.

Таким образом, положение Указа № 79, сформулированное как тотальный запрет на зачисление иностранной валюты на зарубежные счета, нуждается в корректировке, как минимум путем его трансформации в бланкетную норму, а в идеале — посредством изложения по формуле «все, что не запрещено, разрешено». Иначе высказываемые мнения о том, что «внести на счет в зарубежном банке наличную иностранную валюту, учитывая буквальное значение нормы п. 3 Указа № 79, не представляется возможным»²² вполне могут получить поддержку правоприменителя и обернуться для физических лиц — резидентов абсолютно лишеными смысла сложностями доказывания, что они делали это для оплаты текущих расходов, а не вывода капиталов из Российской Федерации.

Кроме того, физические лица подверглись **количественным валютным ограничениям**, суть которых заключается в установлении лимитов, в пределах которых осуществляются те или иные валютные операции. Превышение указанного лимита может быть либо запрещено вообще, либо подпадать под иной вид валютных ограничений²³. Так, в соответствии с последней информацией Банка России, в период с 01.10.2022 по 31.03.2023 физические лица — резиденты в течение календарного месяца имеют право:

- **переводить за рубеж со своего счета в российском банке на свой счет или счет другого физического лица не более 1 млн долларов США** или в эквиваленте в другой валюте;
- **переводить по системам денежных переводов — не более 10 тыс. долларов США**²⁴.

Надо сказать, что данные лимиты были введены еще в марте 2022 г. в целях предотвращения оттока капитала за рубеж. Изначально речь шла о пороговой сумме в 5 тыс. долларов США²⁵. Впоследствии Банк России несколько раз повышал лимиты по переводам в связи с устойчивым положением внутреннего рынка.

В числе последнего валютного ограничения обратим внимание на Указ Президента РФ от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»²⁶, согласно которому организациям

²¹ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I).

²² Федорова О. С., Королева М. В., Ханова А. Р., Набиуллина А. Р., Демушина К. С., Зыкова И. Е., Зимина К. В., Брызгалов А. В. Договоры с иностранными организациями: налогообложение // *Налоги и финансовое право*. 2022. № 6. С. 8—131.

²³ Кредитные организации в России: правовой аспект / отв. ред. Е. А. Павлодский. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 454.

²⁴ Информация Банка России от 29.09.2022 «Банк России продлил еще на полгода ограничения по выводу денег за рубеж» // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

²⁵ URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2022/06/30/929294-tsb-limit-perevoda> (дата обращения: 17.12.2022).

²⁶ СЗ РФ. 2022. № 19. Ст. 3188.

и физическим лицам, находящимся под юрисдикцией Российской Федерации, **запрещено:**

- **совершать сделки с юридическими и физическими лицами** и находящимися под их контролем организациями, **в отношении которых применяются специальные экономические меры;**
- **исполнять перед лицами, находящимися под санкциями, обязательства по совершенным сделкам**, если такие обязательства не исполнены или исполнены не в полном объеме;
- **осуществлять финансовые операции, выгодоприобретателями по которым являются лица, находящиеся под санкциями.**

Постановлением Правительства РФ от 11.05.2022 № 851 утвержден перечень юридических лиц, в отношении которых применяются специальные экономические меры, и перечень юридических лиц, осуществляющих деятельность в области военно-технического сотрудничества, в отношении которых применяются специальные экономические меры²⁷.

Заключая исследование, отметим, что в связи с введенными в отношении банковской системы России санкциями Банком России и Президентом РФ был введен в действие ряд валютных ограничений в отношении физических лиц — резидентов, направленных на:

- предотвращение оттока капитала;
- нивелирование нехватки наличных денежных средств в долларах США и евро на территории России;
- заморозку контактов с лицами, внесенными Правительством РФ в санкционный перечень.

Указанные валютные ограничения преимущественно заключались в принудительной конвертации части валютных вкладов, зачислении валюты на зарубежные счета; предоставлении займов нерезидентам, установлении пороговых значений на трансграничный перевод безналичных и наличных денежных средств; запрете переводов электронных денежных средств с помощью иностранных поставщиков платежных услуг, совершении сделок с лицами иностранных государств, совершающих недружественные действия или внесенных Правительством РФ в санкционный список.

При этом указанные валютные ограничения, введенные в действие актами быстрого реагирования, затрудняют реализацию гражданами своих прав и в ряде случаев приняты с нарушением процедуры. Представляется, что в целях минимизации негативных последствий необходимо:

- обязать кредитные организации осуществлять конвертацию валютных вкладов по официальному курсу Банка России;
- в части зачисления иностранной валюты на зарубежные счета изменить разрешительный тип правового регулирования, выражающийся в формуле «запрещено все, кроме прямо разрешенного», на дозволительный тип правового

²⁷ См.: постановление Правительства РФ от 11.05.2022 № 851 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 года № 252» // СЗ РФ. 2022. № 20. Ст. 3314.

- регулирования, в основу которого положен принцип «разрешено все, что не запрещено»;
- установить парламентский контроль за принимаемыми Банком России, Президентом РФ и Правительством РФ актами чрезвычайного регулирования и определить его объем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кредитные организации в России: правовой аспект / отв. ред. Е. А. Павлодский. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 624 с.
2. Мохов А. А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя // Власть закона. — 2019. — № 4. — С. 30—56.
3. Право и противодействие пандемии: возможности и перспективы : монография / отв. ред. В. Н. Синюков, А. А. Мохов. — М. : Проспект, 2021. — 488 с.
4. Тарасенко О. А. Действующие валютные ограничения // Вестник Самарской государственной экономической академии. — 2006. — № 8 (26). — С. 195—199.
5. Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. — 2021. — № 51. — С. 105—132.
6. Тарасенко О. А., Кадлец М. В. Меры противодействия санкционному давлению, оказываемому на банковскую систему России // Банковское право. — 2022. — № 4. — С. 13—19.
7. Тарасенко О. А. Влияние санкций на деятельность Банка России и аффилированных с ним лиц // Банковское право. — 2023. — № 1.
8. Федорова О. С., Королева М. В., Ханова А. Р., Набиуллина А. Р., Демушина К. С., Зыкова И. Е., Зимина К. В., Брызгалов А. В. Договоры с иностранными организациями: налогообложение // Налоги и финансовое право. — 2022. — № 6. — С. 8—131.

Цифровая трансформация банковской деятельности

**Сергей Валентинович
ПЫХТИН,**

доцент кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
lab.kbp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Оплата по QR-коду как способ безналичных расчетов¹

Аннотация. После того, как компания Apple в марте 2022 г. приостановила использование приложения Apple Pay для банковских карт международных платежных систем Visa и Mastercard для жителей России и ее примеру последовали Google (Google Pay) и Samsung (Samsung Pay), расчеты посредством QR-кодов стали реальной альтернативой для совершения платежей с использованием смартфонов. В статье рассмотрены технические и юридические аспекты совершения платежей с использованием QR-кодов. Автором показано, оплата по QR-коду — это не форма безналичных расчетов. По своей правовой природе QR-код — это машиночитаемая форма представления платежного распоряжения об оплате определенной суммы денежных средств плательщиком их получателю по «зашифрованным» в этом коде реквизитам получателя. Следовательно, оплата по QR-коду осуществляется в рамках расчетов платежными поручениями.

Ключевые слова: безналичные расчеты, QR-код, Система быстрых платежей Банка России.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.104-110

SERGEY V. PYKHTIN,

Associate Professor
of Banking law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
lab.kbp@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Payment by QR-Code as a Cashless Settlement Method

Abstract. After Apple suspended the use of the Apple Pay application for bank cards of international payment systems Visa and Mastercard for residents of Russia in March 2022 and Google (Google Pay) and Samsung (Samsung Pay) followed suit, settlements by QR-codes became a real

¹ Работа подготовлена в рамках деятельности Центра компетенций «Киберправо» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

alternative for making payments using smartphones. The article discusses the technical and legal aspects of making payments using QR-codes. The author showed, that payment using a QR-code is not a form of non-cash payments. By its legal nature, a QR-code is a machine-readable form of submitting a payment order to pay a certain amount of funds by the payer to their recipient, using the recipient's details, «encrypted» in this code. Therefore, payment by QR-code is carried out as part of payments by payment orders.

Keywords: *cashless payments, QR-code, fast payment system of the Bank of Russia.*

QR-код (англ. Quick Response code — код быстрого ответа) — тип матричных (двумерных) штриховых кодов, изначально разработанных для автомобильной промышленности Японии. Его создателем считается Хосэй Масахиро Хара, сотрудник компании Denso Wave, который придумал данный код, играя в го во время обеденного перерыва на работе в 1994 г., Хара понял: то, как черные и белые камешки выстроены по клеткам доски, может быть хорошим способом передачи большого количества информации одновременно. QR-код является зарегистрированным товарным знаком японской компании Denso.

Линейный (или одномерный (1D)) штриховой код представляет собой рисунок, состоящий из комбинации черных полос разной ширины и пробелов между ними. Под линиями располагаются цифры, дублирующие информацию. В одномерном штрихкоде информация кодируется только в одном направлении — по горизонтали. Самый популярный тип линейных штрихкодов — EAN-13 (European Article Number — Европейский номер изделия — европейский стандарт штрихкода, предназначенный для кодирования наименования (артикула) товара и его производителя) — используется практически во всех торговых точках. Обычно такая кодировка состоит из 13 символов (12 значащих и 1 контрольная сумма), что обуславливает изначально ограниченный объем кодируемой информации.

QR-код, в отличие от линейного штрихкода, имеет гораздо бóльшую емкость: в него может быть зашифровано 7 089 цифр (если применять только цифровую кодировку) либо 4 296 символов (при буквенно-цифровой кодировке), либо 2 953 байт (если использовать двоичную кодировку), либо 1 817 иероглифов (если использовать кодировку кандзи).

Современный QR-код предоставляет информацию для ее быстрого распознавания с помощью камеры на смартфоне. При помощи QR-кода можно зашифровать любую информацию, например текст, номер телефона, ссылку на сайт и т.п.

QR-код представляет собой сложный черно-белый узор, который состоит из пикселей (точек), соответственно, белых или черных. Каждый пиксель в зависимости от его цвета имеет свое значение, что соответствует 0 или 1, а потому вся информация в QR-коде хранится в двоичном формате. При генерации QR-кода пиксели группируются в крупные узоры. Благодаря использованию кодов Рида — Соломона², в QR-коде имеется достаточно места для создания копий данных, а

² Код Рида — Соломона был изобретен в 1960 г. сотрудниками лаборатории Линкольна Массачусетского технологического института Ирвингом Ридом и Густавом Соломоном.

потому их можно считывать даже в поврежденном виде, при условии, что сканеру доступно более 70 % площади изображения.

В любом QR-коде есть обязательные поля, которые не несут зашифрованной информации, а содержат техническую информацию для декодирования. Это:

- обязательный отступ вокруг кода (белое поле);
- код версии (с 7-й версии);
- поисковые узоры;
- выравнивающие узоры;
- полосы синхронизации;
- код маски и уровня коррекции.

Расположение вышеуказанных полей в структуре QR-кода представлено на рисунке.

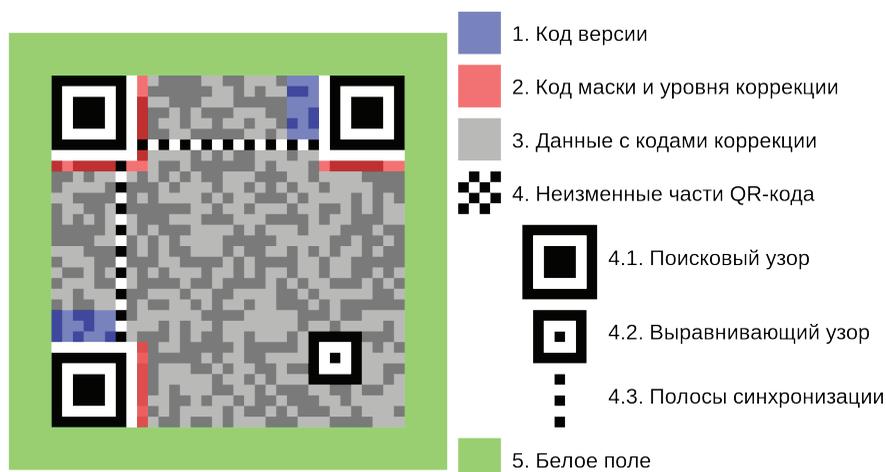

Рис. Расположение обязательных полей в структуре QR-кода

Отступ вокруг кода (белое поле) — это рамка из белых модулей шириной 4 модуля по периметру QR-кода.

Поисковые узоры представляют собой три квадрата по углам, кроме правого нижнего. Они используются для определения ориентации кода на плоскости и состоят из квадрата шириной 3×3 черных модуля, который обрамлен рамкой из белых модулей шириной 1 модуль, за которой помещена еще одна рамка из черных модулей также шириной 1 модуль. Поисковый узор отделен от остальной части QR-кода половиной рамки из белых модулей шириной 1 модуль. Таким образом, все эти объекты имеют размер 8×8 модулей.

Идея использования этого кода была представлена в статье «Polynomial Codes over Certain Finite Fields». Первое применение код Рида — Соломона получил в 1982 г. при серийном выпуске компакт-дисков. См. подробно: *Морелос-Сарагоса Р.* Искусство помехоустойчивого кодирования. Методы, алгоритмы, применение / пер. с англ. В. Б. Афанасьева. М. : Техносфера, 2006.

Выравнивающие узоры используются для более точной ориентации QR-кода при его декодировании. Они состоят из одного черного модуля, вокруг которого располагается рамка из белых модулей шириной 1 модуль, за которой, в свою очередь, помещена еще одна рамка из черных модулей также шириной 1 модуль. Общий размер выравнивающего узора составляет 5×5 модулей. Выравнивающие узоры располагаются в разных частях в зависимости от номера версии QR-кода. Выравнивающие узоры не могут накладываться на поисковые узоры.

Полосы синхронизации представляют собой две линии чередующихся между собой черных и белых модулей. Эти линии расположены под углом 90 градусов и используются для определения размера модулей. Одна полоса синхронизации начинается от левого нижнего поискового узора, идет до левого верхнего поискового узора, откуда по углом 90 градусов начинается вторая полоса синхронизации, которая заканчивается у правого верхнего поискового узора.

Код маски и уровня коррекции расположен под правым верхним поисковым узором (8 горизонтальных модулей) и справа от левого нижнего поискового узора (7 вертикальных модулей). Он дублируется справа и снизу от левого верхнего поискового узора с пробелом на 7-й ячейке — там, где проходят полосы синхронизации, но с заменой местами: горизонтальный код трансформируется в вертикальный модуль, а вертикальный код — в горизонтальный модуль.

Код версии, как следует из самого его названия, нужен для определения версии QR-кода. Он располагается слева от верхнего правого и сверху от нижнего левого поискового узоров и дублируется путем поворота зеркальной копии верхнего кода против часовой стрелки на 90 градусов.

Оставшуюся площадь QR-кода делят на столбцы шириной 2 модуля и заносят туда информацию по принципу «змейки». Сначала в правый нижний квадратик заносят первый бит информации, потом в соседний левый, затем в тот, который был над первым и т.д. Заполнение столбцов ведется снизу вверх, а потом сверху вниз, причем по краям заполнение битов ведется от крайнего бита одного столбца до крайнего бита соседнего столбца, что задает «змейку» на столбцы с направлением вниз. Если информации окажется недостаточно, то поля просто оставляют пустыми (белые модули). При этом на каждый модуль накладывается маска³.

Специальный сканер или камера смартфона может распознать QR-код по трем поисковым узорам, расположенным по углам. Они задают направление, в котором должен расшифровываться код. После их выявления сканер считывает информацию с квадрата, после чего выполняет расшифровку QR-кода. В отличие от одномерного штрих-кода, который сканируют тонким лазерным лучом, QR-код определяется камерой как двумерное изображение. Точки переводятся в двоичные числа с проверкой по контрольной сумме.

Несмотря на то, что QR-коды были изобретены еще в 1994 г., они получили широкое распространение только в 2000-х гг. Это связано с появлением смартфонов, которые способны считывать шифры путем обычного наведения камеры.

Сервис Системы быстрых платежей Банка России (СБП) обеспечивает возможность организациям, осуществляющим продажу товаров, работ либо услуг, формировать специальные платежные QR-коды, которые впоследствии могут быть

³ Источник: QR Code(r) Essentials. Denso ADC // URL: <https://web.archive.org/web/20130512180619/> ; URL: <http://www.nacs.org/linkclick.aspx?fileticket=d1fpvavjuo%3d&tabid=1426&mid=4802>.

распечатаны в виде наклейки либо отправлены покупателю в виде платежной ссылки по SMS или в виде собственно изображения с QR-кодом по электронной почте, а также могут быть отражены на платежном терминале.

Сервис предусматривает возможность выпуска как статических QR-кодов, так и динамических QR-кодов.

Статический QR-код является многократным и содержит все основные платежные реквизиты организации-клиента, но не всегда содержит сумму перевода — в этом случае покупатель (отправитель перевода) должен будет указать ее самостоятельно. Данный тип QR-кода подходит для товаров с фиксированной ценой или бизнеса с небольшим потоком клиентов.

Динамический QR-код в обязательном порядке содержит сумму перевода, так как формируется на каждую конкретную покупку и имеет установленный срок действия, который определяется получателем платежа самостоятельно (диапазон — от 5 минут до 90 дней). После совершения оплаты по динамическому QR-коду, он становится недействительным.

Оплатить товары, работы и услуги по QR-коду через СБП смогут клиенты разных банков. Физическое наличие платежной банковской карты не требуется. При оплате через СБП существует только один лимит — на максимальную сумму одной операции. Он распространяется на отправителей платежа (покупателей) и составляет 1 млн руб. за 1 операцию. Если сумма покупки больше, то для ее совершения платеж необходимо разбить на несколько операций. Покупателю необходимо иметь только смартфон с установленным на нем приложением любого банка, подключенного к СБП. По данным СБП, оплату посредством QR-кодов поддерживают 184 банка⁴.

Платежные QR-коды можно разделить на два типа.

1) QR-коды по типу эквайринга. Это, например, такие продукты, как «Плати по QR» от Сбербанка и QR-код для СБП.

Для получения таких QR-кодов нужно обращаться в банки, чтобы они подключили клиента — получателя платежа к своей системе. Комиссию за оплату по таким QR-кодам оплачивает клиент — получатель платежа. В СБП ее максимальное значение установлено на уровне 0,7 % от суммы платежа;

2) QR-коды для переводов. Это QR-коды, сформированные по ГОСТу двумерного штрихкодирования платежных реквизитов. Их поддерживают все банки.

Получить QR-код для переводов можно без обращения в банк, например, если воспользоваться сервисом sbqr.ru. При регистрации необходимо будет ввести реквизиты юридического лица или ИП — получателей платежа⁵.

Этапы оплаты через СБП посредством QR-кода следующие.

1. Покупатель сканирует QR-код с помощью камеры смартфона или непосредственно в мобильном приложении банка (последний вариант предпочтительнее).

2. Покупатель выбирает банк — отправителя платежа. На экране смартфона появляется окно для перехода в банковское приложение. Покупатель может выбрать для оплаты другой банк.

3. Покупатель подтверждает оплату. В мобильном приложении выбранного банка покупатель подтверждает платеж. Средства мгновенно зачисляются на банковский счет продавца.

⁴ URL: <https://sbp.nspk.ru/participants/>.

⁵ Источник: URL: <https://sbqr.ru/wp/>.

Пункт 1 ст. 862 ГК РФ предусматривает четыре основные формы для безналичных расчетов: платежными поручениями, по аккредитиву, по инкассо и чеками. Допускаются также иные формы, предусмотренные законом, банковскими правилами или применяемыми в банковской практике обычаями.

Банк России в п. 1.1 положения от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» предусматривает шесть форм безналичных расчетов: помимо четырех форм, упомянутых в п. 1 ст. 862 ГК РФ, ЦБ РФ выделяет расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование) и расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

В платежной системе Банка России перевод денежных средств осуществляется в рамках трех форм безналичных расчетов: расчетов платежными поручениями; инкассовыми поручениями; в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование)⁶.

Как видно из изложенного, оплата по QR-коду — это не форма безналичных расчетов. В этой связи справедливо поставить вопрос: в рамках какой из форм безналичных расчетов осуществляется оплата по QR-коду?

В науке банковского права в зависимости от инициатора платежа выделяют две разновидности перевода денежных средств: дебетовый и кредитовый перевод.

При кредитовом переводе указание о платеже исходит от лица, производящего платеж. При дебетовом переводе распоряжение о переводе средств исходит от лица, получающего платеж. Соответственно, кредитовый перевод осуществляется при расчетах платежными поручениями, аккредитивами, в процессе перевода электронных денежных средств. Дебетовый перевод осуществляется при расчетах в порядке инкассо, включая расчеты посредством прямого дебетования, расчеты инкассовыми поручениями и расчеты чеками⁷.

Наиболее подходящими для оплаты по QR-коду видятся две формы безналичных расчетов: расчеты платежными поручениями и расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование).

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» при прямом дебетовании банк на основании договора с плательщиком осуществляет списание денежных средств с банковского счета плательщика с его согласия (акцепта плательщика) по распоряжению получателя средств. Таким образом, данная форма расчетов имеет два ключевых признака: а) инициатива платежа (распоряжение) исходит от получателя средств; б) плательщик для совершения платежа дает акцепт.

Проецируя прямое дебетование на оплату по QR-коду, можно предположить, что инициатива платежа исходит от получателя средств, который в форме QR-кода формирует платежное распоряжение. Однако в силу ч. 2 ст. 6 Федерального закона «О национальной платежной системе» право получателя средств

⁶ Положение Банка России от 24.09.2020 № 732-П «О платежной системе Банка России». Пункт 4.6.

⁷ Банковское право : учебник для бакалавров / Д. Г. Алексеева, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефимова [и др.] ; отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019. С. 389 (автор параграфа — Л. Г. Ефимова).

предъявлять требования к банковскому счету плательщика должно быть предусмотрено договором между обслуживающим плательщика банком и плательщиком. Именно этого момента мы не наблюдаем при оплате по QR-коду.

Кроме того, согласно ч. 5 ст. 6 ФЗ «О национальной платежной системе» требование получателя средств может направляться непосредственно банку, обслуживающему плательщика, или через банк, обслуживающий получателя средств, в то время как QR-код получатель платежа направляет непосредственно плательщику.

Следовательно, механизм прямого дебетования не подходит для платежей по QR-коду.

Поскольку по своей правовой природе QR-код — это машиночитаемая форма представления платежного распоряжения об оплате определенной суммы денежных средств плательщиком их получателю по «зашифрованным» в этом коде реквизитам получателя, правомерно прийти к выводу о том, что оплата по QR-коду осуществляется в рамках расчетов платежными поручениями. При расчетах платежными поручениями не важно, кто его заполняет: получатель платежа, который передает его плательщику для оплаты, или сам плательщик. В рассматриваемом случае формирование QR-кода получателем платежа вовсе не означает, что инициатива платежа исходит от него. Получатель платежа посредством QR-кода всего лишь упрощает процедуру заполнения платежных реквизитов плательщиком, переводя их в машиночитаемый вид.

Таким образом, платежный QR-код — это двумерное графическое изображение, при расшифровке которого с использованием специальных технических средств становится доступной вся необходимая для осуществления перевода денежных средств платежная информация — банковские реквизиты, сумма и назначение платежа.

Основные выводы:

1. Оплата по QR-коду — это не форма безналичных расчетов.
2. По своей правовой природе QR-код — это машиночитаемая форма представления платежного распоряжения об оплате определенной суммы денежных средств плательщиком их получателю по «зашифрованным» в этом коде реквизитам получателя.
3. Оплата по QR-коду осуществляется в рамках расчетов платежными поручениями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Морелос-Сарагоса Р. Искусство помехоустойчивого кодирования: методы, алгоритмы, применение / пер. с англ. В. Б. Афанасьева. — М. : Техносфера, 2006.
2. Банковское право : учебник для бакалавров / Д. Г. Алексеева, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефимова [и др.] ; отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 608 с.

Роль и значение платежных карт в операции по переводу денежных средств

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению порядка использования платежных (банковских) карт при осуществлении перевода денежных средств. В настоящее время научно-технический прогресс привел к ускорению и совершенствованию механизмов расчетов, внедрению новых и оптимизации уже оказываемых банковских услуг в целом. Большой популярностью пользуются платежные (банковские) карты. В процессе исследования были выявлены особенности, характерные для банковского перевода посредством платежных (банковских) карт. Изучение практики применения платежных (банковских) карт показало, что существующие в российском законодательстве пробелы и неточности приводят к увеличению числа споров с участием граждан — держателей карт. Во избежание предпринимательских рисков банки закрепляют в своих локальных актах запрет держателю передавать платежную (банковскую) карту, а также реквизиты, коды и пароли к ней третьему лицу. В этой связи в статье подчеркивается важность ознакомления граждан — держателей платежных (банковских) карт с локальными актами банков с целью соблюдения безопасности при использовании карт и недопущения несанкционированных переводов.

Ключевые слова: банковская карта, безусловность перевода, безотзывность перевода, окончательность перевода, реквизиты платежной карты, распоряжение держателя карты, неуполномоченное лицо.

**Елена Георгиевна
ХОМЕНКО,**

профессор кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
egkhomenko@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.111-117

ELENA G. KHOMENKO,

Professor of Banking law Department,
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
egkhomenko@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Role and Significance of Payment Cards in Money Transfer Operations

Abstract. The article is devoted to the consideration of the procedure for using payment (bank) cards when transferring funds. It is indicated that at present scientific and technological progress has led to the acceleration and improvement of settlement mechanisms, the introduction of new and optimization of already provided banking services in general. Payment (bank) cards are very popular. In the course of the study, the features characteristic of bank transfer by means of payment (bank) cards were identified. The study

© Хоменко Е. Г., 2023

of the practice of using payment (bank) cards has shown that the gaps and inaccuracies existing in Russian legislation lead to an increase in the number of disputes involving citizens — cardholders. In order to avoid business risks, banks fix in their local acts a ban on the holder to transfer a payment (bank) card, as well as details, codes and passwords to it to a third party. In this regard, the article emphasizes the importance of familiarizing citizens — holders of payment (bank) cards with local acts of banks in order to ensure security when using cards and prevent unauthorized transfers.

Keywords: bank card, unconditional transfer, irrevocability of transfer, finality of transfer, payment card details, cardholder's order, unauthorized person.

Научно-технический прогресс открывает множество новых возможностей для всего человечества. Постоянно совершенствуется порядок выполнения традиционных банковских операций и возникают новые, некоторым образом оптимизирующие жизнедеятельность граждан банковские услуги. Активно используются платежные карты. Однако не все направления банковской деятельности урегулированы в достаточной степени. Одним из таких направлений является применение платежных карт с целью осуществления платежей и расчетов.

Действующее законодательство даже не содержит легального понятия платежной карты. Уже стало традиционным именовать платежную карту банковской, хотя платежная карта — это карта, эмитируемая платежной системой, которая разрабатывает свои платежные карты, наделяя их собственным логотипом, а также зачастую самостоятельно обеспечивая их защищенность. Банки заключают с платежной системой (одной или несколькими) договоры, на основании которых получают право на выпуск платежных карт платежной системы, при этом банки, наряду с логотипом самой платежной системы, ставят свой логотип.

С учетом сложившейся практики положение Банка России от 24 декабря 2004 г. № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» (далее — Положение о платежных картах) в преамбуле указывает, что данный нормативный акт «устанавливает порядок выдачи (далее — эмиссия) кредитными организациями (далее — кредитные организации — эмитенты) на территории Российской Федерации платежных карт (далее — банковские карты)». Такой подход представляется оптимальным.

Платежная карта (далее также — банковская карта, карта) может быть предоставлена и физическим, и юридическим лицам, которые вправе наделить функцией держателя карты физическое лицо. Но в основном платежные карты ориентированы на обслуживание физических лиц и поэтому обрабатывают платежи на относительно мелкие суммы. Поэтому платежные системы, эмитирующие свои карты, в практике называют «карточными».

Основное назначение платежной карты — обеспечивать возможность ее держателя посредством банкоматов, электронных терминалов, иных программно-аппаратных устройств, а также непосредственно в банке осуществлять платежи и (или) переводы денег, либо получать наличные деньги, либо производить покупку-продажу иностранной валюты и другие операции, определенные банком — эмитентом платежной карты и на его условиях.

Платежная система как структурный элемент национальной платежной системы России является искусственным образованием, в рамках которого осуществляется взаимодействие между ее участниками, в первую очередь банками, на основании договорных отношений. Из всех видов платежных услуг, оказываемых в рамках национальной платежной системы (п. 17 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — Закон о НПС)), в платежной системе реализуется только услуга по переводу денежных средств.

Согласно п. 12 ст. 3 Закона о НПС перевод денежных средств — это действия оператора по переводу денежных средств, т.е. банка, в рамках применяемых форм безналичных расчетов по предоставлению получателю средств денежных средств плательщика.

Согласно Закону о НПС банковский перевод обладает следующими характеристиками:

- 1) *безотзывность* (означает отсутствие или прекращение возможности отзыва распоряжения об осуществлении перевода денежных средств в определенный момент времени);
- 2) *безусловность* (отсутствие условий или выполнение всех условий для осуществления перевода денежных средств в определенный момент времени);
- 3) *окончателность* (предоставление денежных средств получателю средств в определенный момент времени).

При осуществлении перевода денежных средств с использованием платежной карты указанные характеристики имеют ряд особенностей, и в этом контексте нельзя не обратить внимание на тот факт, что такое свойство присуще каждой форме расчетов.

Так, *безотзывность* перевода заключается в том, что держатель карты идентифицирует себя, проходит процедуру аутентификации и инициирует проведение операции, используя клиентский интерфейс устройства эквайрера. Эквайрер формирует авторизационный запрос и передает его в операционный центр платежной системы (или группы платежных систем)¹. Операционный центр определяет банк, выпустивший платежную карту, и маршрутизирует ему авторизационный запрос. Банк проводит авторизацию операции с использованием платежной карты, формирует ответ на авторизационный запрос и передает его в операционный центр. В этот момент и наступает безотзывность перевода денежных средств по операции с использованием платежной карты.

На этапе *безусловности* операционный центр отправляет ответ на авторизационный запрос эквайреру. В соответствии с полученным от операционного центра ответом на авторизационный запрос эквайрер позволяет держателю карты завершить операцию с использованием платежной карты либо запрещает ее проведение. Этот факт определяет момент наступления безусловности перевода денежных средств.

Что касается *окончателности*, то эта характеристика проявляется следующим образом. Платежный клиринговый центр обрабатывает результаты представленных на платежный клиринг расчетных документов по операциям по переводу в

¹ Операторы услуг платежной инфраструктуры национальной платежной системы (операционный центр, платежный клиринговый центр и расчетный центр) могут обслуживать одновременно две и более платежных систем.

отношении банков — участников платежной системы и определяет нетто-позицию по итогам операций. Эта сумма отражается в документах по переводам между банками плательщика и получателя и поступает в расчетный центр. Расчетный центр производит списание/зачисление денежных средств по корреспондентским счетам участников платежной системы. С момента зачисления денежных средств на корреспондентский счет банка, обслуживающего получателя денежных средств, наступает окончательность перевода денежных средств по операции с использованием платежной карты, и перевод завершен.

Таким образом, использование платежной карты не снимает с банка обязанность составить расчетный документ, на основании которого совершается перевод денежных средств по банковским счетам участников платежной системы, в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

Согласно положению Банка России от 29 июня 2021 г. № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» (далее — Положение о переводах) перевод денежных средств осуществляется в рамках следующих форм безналичных расчетов:

- расчетов платежными поручениями;
- расчетов инкассовыми поручениями;
- расчетов в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование);
- расчетов в форме перевода электронных денежных средств.

В представленном перечне расчеты посредством платежных карт как самостоятельной формы безналичных расчетов не названы. Однако Банк России в п. 1.28 Положения о переводах денежных средств устанавливает, что переводы денежных средств с использованием платежных карт осуществляются с учетом особенностей, предусмотренных Положением о платежных картах.

Таким образом, Банк России указывает на наличие некоторых отличий «карточных» расчетов от иных форм безналичных переводов. В качестве примера таких отличий можно назвать возможность получения клиентом денежных средств до момента их зачисления на корреспондентский счет банка, исполняющего распоряжение плательщика. Изложенное, а также особенности технологии расчетных операций, специфика проявления безусловности, безотзывности и окончательности перевода и особый порядок документооборота открывают перспективу рассматривать платежи с использованием платежных карт как самостоятельную форму безналичных расчетов.

Такая точка зрения уже высказывалась в юридическом сообществе. Ее придерживается, в частности, Э. В. Сергеева. Она считает, что «безналичные расчеты с использованием банковских карт являются самостоятельной формой безналичных расчетов, используемой при любых операциях с банковскими картами», и что в этой связи целесообразно дополнить исчерпывающий перечень банковских операций² новым видом — операцией с использованием банковских карт³.

² См.: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 3 февраля 1996 г.). Статья 5 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Сергеева Э. В. Банковские карты в системе безналичных расчетов: правовой аспект // Банковское право. 2008. № 3.

Аналогичная точка зрения высказана В. Ю. Ивановым. По его мнению, необходимо внести соответствующие изменения в нормативные акты, регулирующие порядок осуществления расчетов, и указать, что «безналичные расчеты с использованием банковских карт — это самостоятельная форма безналичных расчетов, которая используется при любых операциях с банковскими картами, независимо от технологии их осуществления и составляемых в ходе этих операций видов расчетных документов»⁴.

Для рассмотрения порядка осуществления банковской операции по переводу денежных средств необходимо обратиться к п. 12 ст. 3 Закона о НПС. Исходя из его содержания, можно сказать, что перевод денежных средств — это, с одной стороны, действия банка как оператора по переводу в целях исполнения распоряжения своего клиента, а с другой — действия банка в рамках применяемой формы безналичных расчетов по предоставлению получателю средств денежных средств плательщика.

Таковы общие правила банковского перевода. При этом упомянутая операция может быть осуществлена на основании распоряжения, полученного от держателя платежной карты, и в этом случае необходимо учитывать нормы, установленные Положением о платежных картах. Необходимо подчеркнуть, что платежная карта сама по себе является лишь платежным инструментом, посредством которого держатель карты может передать банку распоряжение совершить перевод денег.

Подтверждением служит тот факт, что при использовании платежной карты банк всегда составляет расчетный документ, на основании которого совершается перевод денежных средств по банковским счетам плательщика и получателя, причем, как правило, перевод осуществляется в рамках такой формы расчетов, как платежные поручения. Расчетным документом, на основании которого осуществляется перевод, будет либо платежное поручение, либо (что чаще всего) платежное распоряжение. Кроме того, обязательства сторон друг перед другом в гражданско-правовом или любом другом обязательстве платежные карты не погасят, прежде чем держатель карты не совершит соответствующие действия. В сущности, в этом и заключается основное назначение платежных карт в механизме банковского перевода.

Распоряжение, составляемое по переводу с использованием платежных карт, должно содержать информацию, указанную в пп. 3.1, 3.2, 3.3 Положения о платежных картах. Большое значение имеют реквизиты платежной карты, без которых невозможно составить распоряжение о переводе (п. 3.3). Обязанность банка проверить реквизиты перевода установлена ч. 4 ст. 8 Закона о НПС.

Положение Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента» (далее — Положение о защите информации) устанавливает, что технология обработки защищаемой информации, применяемой при удостоверении права клиентов распоряжаться денежными средствами, дополнительно должна обеспечивать:

⁴ *Иванов В. Ю.* Актуальные вопросы правовой квалификации расчетов посредством банковских карт // *Банковское право.* 2003. № 4.

- подписание клиентом электронных сообщений способом, позволяющим обеспечить целостность и подтвердить составление указанного электронного сообщения уполномоченным на это лицом;
- получение от клиента подтверждения совершенной банковской операции (п. 5.2.1).

Таким образом, кроме составления распоряжения о переводе денежных средств банку требуется обязательное подтверждение факта отправления электронного сообщения о переводе посредством введения кодов и паролей. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего тем, что банк стремится снять с себя ответственность, если распоряжение о переводе с использованием платежной карты дано не держателем карты, а так называемым неуполномоченным лицом. Такой перевод определяется законодателем как перевод денежных средств без согласия клиента⁵.

При выявлении случаев нарушения банком порядка и (или) правил осуществления перевода денежных средств и установления факта перевода без согласия клиента действия банка могут быть признаны неправомерными, и это повлечет ответственность банка перед клиентом. Во избежание подобных проблем банк, как правило, включает в условия обслуживания выдаваемой платежной карты пункт, содержащий запрет передачи третьему лицу платежной карты, ее реквизитов, всех кодов и паролей к ней. К сожалению, клиент банка — держатель карты не знакомится детально с условиями обслуживания банка и распоряжается картой по своему усмотрению, что приводит к многочисленным судебным спорам.

Так, гражданин — держатель карты обратился в суд с иском о признании двух кредитных договоров незаключенными, поскольку они были заключены с Банком от его имени неизвестными лицами, использовавшими данные из личного кабинета истца — клиента комплексного банковского обслуживания. Денежные средства, полученные по указанным кредитным договорам, были выведены с банковского счета истца на счета неизвестных ему лиц. Суд установил, что все совершенные операции были успешно исполнены через систему дистанционного банковского обслуживания (ДБО) и систему «Интернет-банк» банка, вход в которые был подтвержден путем ввода корректного логина и пароля.

Все изложенное свидетельствует, что совершение оспариваемых операций стало возможным вследствие разглашения клиентом банка информации о средствах доступа в ДБО и системе «Интернет-банк», значит, клиент банка нарушил условия договора о комплексном банковском обслуживании. Следовательно, банк не обязан возмещать клиенту сумму подобной операции, и суд отказал в удовлетворении иска⁶.

⁵ См., например: Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Ст. 57.4 ; Закон о НПС. Ст. 9 ; Положение о защите информации. Ст. 9.

Банк России обобщил признаки перевода без согласия клиента в приказе от 27 сентября 2018 г. № ОД-2525.

⁶ Решение Головинского районного суда г. Москвы по делу № 2-4457/2020 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/civil/details/e61810b0-27db-11eb-8d9d-d32f03b28a21>.

Рассмотрим другую, типичную для нашей действительности ситуацию. Если физическое лицо оплачивает товар в магазине через терминал самообслуживания, то установить, является ли это лицо законным держателем карты, невозможно. Даже если оплата производится непосредственно через кассу, кассир не проверяет факт, уполномоченное ли лицо предъявляет платежную карту для оплаты товаров. В целях предотвращения неправомерного использования денежных средств путем совершения перевода посредством платежной карты Банк России разработал и внедрил еще в 2009 г. памятку «О мерах безопасного использования банковских карт» от 2 октября 2009 г. № 120-Т. В ней четко указано, что никогда ни при каких обстоятельствах не следует передавать банковскую карту для использования третьим лицам, в том числе родственникам.

Если на банковскую карту нанесены фамилия и имя физического лица, то только это физическое лицо имеет право использовать данную карту. В памятке содержится много других полезных для держателя карты сведений. И как уже упоминалось, сами банки тоже следуют правилам безопасности, в первую очередь, своей собственной, не желая нести материальную ответственность, и устанавливая соответствующие обязанности в договоре с держателем карты. Добавим лишь, что банки акцентируют внимание держателей карт, что они являются держателями в буквальном смысле. Собственниками карт состоят сами банки как эмитенты.

Несоблюдение выработанных практикой, опытом многолетнего использования платежных карт при совершении переводов привело к тому, что факт совершения таких операций третьим лицом приводит к негативным последствиям даже с точки зрения специалистов по уголовному праву. По мнению многих ученых и правоприменителей, использование чужой банковской карты является мошенничеством⁷.

В заключение можно сказать, что особенности переводов посредством платежных карт, кажущаяся «легкость» этой операции, быстрота «мгновенных» переводов и т.д. — все это сделало карты самым популярным инструментом среди населения⁸. Однако все перечисленные достоинства платежной карты не всегда оправдывают себя на практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иванов В. Ю.* Актуальные вопросы правовой квалификации расчетов посредством банковских карт // *Банковское право.* — 2003. — № 4.
2. *Марченко Д. А.* Квалификация хищений с использованием чужой банковской карты // *Законность.* — 2021. — № 11. — С. 36—39.
3. *Сергеева Э. В.* Банковские карты в системе безналичных расчетов: правовой аспект // *Банковское право.* — 2008. — № 3.
4. *Яни П.* Мошенничество с использованием электронных средств платежа // *Законность.* — 2019. — № 4 ; 7.

⁷ См., например, *Марченко Д. А.* Квалификация хищений с использованием чужой банковской карты // *Законность.* 2021. № 11. С. 36—39 ; *Яни П.* Мошенничество с использованием электронных средств платежа // *Законность.* 2019. № 4 ; 7.

⁸ Держателями платежных карт могут быть только физические лица, в том числе физические лица, уполномоченные юридическими лицами.

**Алексей
Александрович
ВОЛОС,**

доцент Департамента
частного права
факультета права

Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических

наук, доцент
avolos@hse.ru

101000, Россия, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Основополагающие категории гражданского права в условиях цифровизации общества (на примере банковских договоров)

Аннотация. В работе обсуждаются проблемы, связанные с трансформацией теории гражданского права о субъектах и объектах. Отмечается, что имеется один фундаментальный вопрос, который может быть разбит на отдельные подвопросы: есть ли необходимость расширения юридически установленного перечня субъектов/объектов или вновь возникающие цифровые отношения могут быть объяснены через классические конструкции. Для решения данных проблем предлагается «тест на принципы гражданского права», который может стать теоретической и практической основой для решения вопроса об изменении фундаментальных подходов к субъекту, объекту, субъективным правам, юридическим фактам в условиях цифровизации общества. Под «тестом на принципы гражданского права» следует понимать мыслительный эксперимент, который заключается в представлении того, как будут толковаться принципы гражданского права при существенной трансформации фундаментальных категорий гражданского права в связи с цифровизацией общества.

Ключевые слова: субъекты гражданского права, объекты гражданских прав, принципы гражданского права, банковские договоры, договор, свобода договора.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.118-126

ALEKSEI A. VOLOS,

Associate Professor in School of Private Law,
Faculty of Law, the National Research
University Higher School of Economics,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
avolos@hse.ru
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russia, 101000

Fundamental Categories of Civil Law in the Conditions of Digitalization of Society (on the Example of Banking Agreements)

Abstract. The author discusses the problems related the transformation of the theory of civil law in the situation of subjects and objects. It is noted that there is one fundamental question that can be divided into separate sub-questions. The question is if it is necessary to expand the legally established list of subjects/objects. Can new digital relationships be explained

according to classical constructions? In order to solve these problems, the author proposes a “test on the principles of civil law”. It can be a theoretical and practical basis for solving the issue of changing fundamental approaches to the subject, object, subjective rights, legal facts in the conditions of digitalization of society. According to this approach the “test on the principles of civil law” is a thought experiment, which consists in presenting how the principles of civil law will be interpreted with a significant transformation of the fundamental categories of civil law in connection with the digitalization of society.

Keywords: *subjects of civil law, objects of civil rights, principles of civil law, contracts in banking sphere, contract, freedom of contract.*

Ввиду цифровой трансформации общественных отношений все больше дискуссий ведется по поводу классических конструкций частного права: субъекта и объекта, юридических фактов. Возникают вопросы о возможности изменения основных положений. Например, вполне серьезно предлагается рассматривать искусственный интеллект в качестве нового субъекта гражданского права. Для решения проблем, связанных с трансформацией теории гражданского права о субъектах и объектах, предлагаются самые различные пути и варианты.

Рассмотрим предложенные к обсуждению вопросы более подробно на примере банковских договоров с учетом модельных ситуаций, а также уже имеющейся скромной судебной практики. Сфера банковских договоров особенно интересна для исследования в связи с цифровизацией общества, так как именно здесь наиболее значимы происходящие процессы. Так, одной из основных задач цифровизации экономики является открытость и быстрота проведения транзакций, т.е. та функция, которая традиционно является непосредственно направлением деятельности банков.

Применительно к субъектам и объектам гражданского права цифровизация поставила один фундаментальный вопрос, который может быть разбит на отдельные подвопросы: есть ли необходимость расширения юридически установленного перечня субъектов/объектов или вновь возникающие цифровые отношения могут быть объяснены через классические конструкции.

Так, в 2022 г. нейросеть написала о себе самой научную статью, где она назвала саму себя выдающимся достижением в области технологии искусственного интеллекта¹. Подобная «деятельность» автоматически поставила сразу несколько проблем гражданско-правового характера по поводу установления субъектного состава и объекта таких отношений, например, сможет ли нейросеть открыть счет в банке и получить причитающейся ей за научную статью гонорар. Непосредственно в банковской деятельности также есть ряд неоднозначных казусов, к

¹ См.: Нейросеть написала статью о самой себе для научного журнала — она назвала себя «выдающимся достижением в области ИИ» // URL: <https://dtf.ru/science/1265422-neyroset-napisala-statyu-o-samoy-sebe-dlya-nauchnogo-zhurnala-ona-nazvala-sebya-vydayushchimsya-dostizheniem-v-oblasti-ii?ysclid=I8vjxftbee846764920> (дата обращения: 05.10.2022).

примеру сложности правового регулирования вызывают вопросы использования искусственного интеллекта при заключении и исполнении кредитного договора².

Ряд авторов предположили, что результаты интеллектуальной деятельности человека могут быть сами в будущем признаны субъектами прав. Например, Г. А. Гаджиев, признавая, что на сегодня вопрос неактуален ввиду особенностей развития технологического процесса, утверждает, что в перспективе следует установить юридическую личность у высокоразвитой робототехники³. Однако неясно, насколько далекой является эта перспектива, ведь сложно спорить с М. А. Рожковой, которая на основании юридических и технологических данных делает вывод о том, что «сегодня человечество и близко не подошло к тому, чтобы признавать ИИ или интеллектуальных роботов субъектами права»⁴.

О перспективах признания роботов субъектами права пишет и А. В. Габов⁵, однако его аргументация не всегда является чисто юридической, в работе даны ссылки на научно-популярную литературу, но не указаны конкретные правовые основания, по которым мы сможем понять, что робот «готов» стать субъектом права. К сожалению, именно такие аргументы хотелось бы видеть в научных трудах о «субъектности» искусственного интеллекта, ведь сам по себе поставленный вопрос («нейросеть — субъект или не субъект») не видится нам первостепенным.

Следует установить критерии и признаки, при наличии которых можно было бы говорить о необходимости расширения системы субъектов гражданских отношений. Видимо, к ним можно отнести наделение имуществом, возможность самостоятельного несения юридической ответственности и т.п. Сюда же следует включить практическую юридическую целесообразность, о которой не часто пишут в литературе по тематике, связанной с искусственным интеллектом и его правовым режимом. Именно указанные проблемы должны быть основным направлением данной дискуссии.

Ряд авторов, полагающих, что искусственный интеллект не должен признаваться субъектом гражданских прав, приводят многочисленные аргументы в пользу своей позиции. Причем нередко предлагаемые тезисы вполне обоснованные, к примеру, по поводу того, что в этой связи возможно нормативное обособление реального субъекта от квазисубъекта, что приведет к практической невозможности привлечения субъекта (гражданина или юридического лица, использующего робота) к ответственности, к новым инструментам злоупотребления правами и ухода от ответственности⁶.

² См.: Камалаян В. М. Использование искусственного интеллекта при заключении и исполнении кредитного договора // Юридическая наука. 2021. № 6. С. 45.

³ См.: Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15.

⁴ Рожкова М. А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы — что это такое или кто это такие? // Закон.ру. 23.11.2019. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty_chno_eto_takoe_ili_kto_eto_takie?ysclid=I91jif9lsk550255330 (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ См.: Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. С. 105.

⁶ См., например, Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование). М., 2021. С. 119.

Подобная ситуация может быть актуальна и для банковских договоров, в которых «разделение» реального субъекта и квазисубъекта может привести к уходу от ответственности первого из них, например, при использовании различных банковских счетов с целью легализации доходов, нажитых преступным путем.

С другой стороны, наряду с логичной аргументацией, предлагаются несколько спорные моменты. Так, утверждается, что «в случае признания существования “цифрового субъекта” — квазисубъекта... потерпевшая сторона лишается своего права на судебную защиту»⁷. Автором презюмируется, что потерпевший при нарушении его прав не сможет подать иск непосредственно к иному субъекту (гражданину или юридическому лицу). Однако мы не можем не отметить, что ситуация изменится, если наделить искусственный интеллект имуществом или установить солидарную ответственность робота и его владельца, особенно при наличии у робота собственного банковского счета. В таком случае права потерпевших уже будут должным образом гарантированы.

Важно сказать, что такой подход может быть актуален именно для гражданского права. Не должен работать аргумент о том, что «аналогичная ситуация складывается и в отношении применения иных видов юридической ответственности»⁸. Не секрет, что субъектный состав отдельных видов ответственности может быть различным ввиду несовпадения целей, оснований, последствий видов ответственности.

Решение вопроса о «субъектности» искусственного интеллекта видится через призму принципов гражданского права. Так, появление норм о правовом статусе нового субъекта права повлечет необходимость их толкования в совокупности с принципами. Однако это может привести к абсурдной ситуации. В частности, принцип равенства субъектов гражданских отношений предполагает обеспечение баланса интересов субъектов, равные возможности по вступлению в гражданское отношение и участие в нем, в том числе по защите прав и законных интересов.

Каждый из указанных и других элементов принципа равенства не может сочетаться с возможной правоспособностью искусственного интеллекта. Например, возможность искусственного интеллекта самостоятельно защищать свои права противоречит практическому смыслу, так как рациональнее дать такую возможность иным субъектам (например, создателю искусственного интеллекта или его владельцу в зависимости от ситуации).

Еще более нелогичной представляется ситуация, при которой необходимо применять принцип защиты слабой стороны в гражданском правоотношении как принцип, неразрывно связанный с юридическим равенством субъектов. Наверняка встанет вопрос о возможности признания искусственного интеллекта или нейросети «слабой стороной», так как они обладают меньшим объемом возможностей по сравнению с человеком или юридическим лицом (особенно это актуально для банковских договоров, в которых презюмируется, что банк — сильная сторона). Представим, сколько дискуссий может развернуться по поводу слабой переговорной силы нейросети или экономических возможностей искусственного интеллекта.

⁷ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 24.

⁸ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 24.

Однако указанные споры вряд ли приведут к результату. Баланс интересов сторон, к примеру между искусственным интеллектом и банком, противоречит сущности категории «баланс интересов» хотя бы потому, что в настоящий момент установить отдельный независимый субъективный интерес искусственного интеллекта достаточно сложно. Вряд ли это будет возможно в дальнейшем при развитии технологий.

Таким образом, с точки зрения принципов гражданского права нет оснований для обособления отдельных субъектов правоотношений, возникших в результате цифровизации общества. Классическая система субъектов гражданского права должна быть сохранена. С теоретических позиций, наверное, допустимо говорить о «квазисубъекте» или «неосубъекте», подразумевая при этом, что нейросеть или искусственный интеллект — особый объект гражданских прав, для которого положен специальный правовой режим и, возможно, какие-либо исключения из норм о субъекте (например, особый режим установления авторских прав на объекты, созданные нейросетью).

Сказанное не исключает особого правового регулирования для специальных субъектов, которые ввиду особенностей развития цифровой экономики становятся все больше вовлечены в гражданский оборот. Речь идет, например, о так называемых цифровых посредниках, среди которых оператор информационной системы, который играет важную роль, например, при толковании договоров займа или самого факта заключения такого договора⁹.

Предложенные вопросы не входят в полную меру в предмет настоящего исследования, но их наличие подтверждает нашу основную гипотезу: принципы гражданского права в ситуации цифровизации общества продолжают действовать, но наполняются особым содержанием и могут быть использованы для решения конкретных задач. Применительно к системе субъектов гражданских отношений это означает, что принципы гражданского права должны выступать критерием возможного дополнения этой системы, что на данный момент нерационально. Вместе с тем, с учетом содержания принципов гражданского права, например юридического равенства субъектов гражданского оборота, статус отдельных субъектов должен быть законодательно уточнен, а также должны быть разрешены иные противоречия.

Цифровизация общества предопределила и возникновение новых объектов, по поводу которых складываются реальные экономические отношения. В рамках настоящей работы мы рассмотрим некоторые «цифровые объекты» (цифровые активы) с точки зрения принципов гражданского права и возможности их отнесения к объектам гражданских права (прежде всего криптовалюты). Каждый из таких объектов может быть использован в той или иной степени в банковских договорах. Например, цифровые активы и криптовалюты могут в определенной степени заменить средство платежа, что, впрочем, спорно.

Отметим, что долгожданное появление в законе понятия цифровых прав немало упростило понимание того, как происходит оборот цифровых объектов в целом. ГК РФ под цифровыми правами признает названные в таком качестве в

⁹ См., например: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2022 № 88-6825/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) ; определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2022 № 88-2450/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Представляется, что законодательство создает предпосылки для теоретических и практических проблем.

Неточности в понятии цифровых прав в совокупности со слабым правовым регулированием создадут проблемы для их оборота. В частности, если в договорных отношениях, в том числе банковских договорах, регулируемых на основе свободы договора, стороны смогут самостоятельно установить порядок перехода таких прав, то для ситуаций с наследованием все значительно сложнее, в том числе ввиду несколько иных принципов регулирования возникающих отношений (например, защиты обязательных наследников), игнорировать которые ни законодатель, ни правоприменитель не может.

Некоторые зарубежные ученые видят основную проблему оборота цифровых активов в том, что для них нет юридического определения и его невозможно дать¹⁰. В России же попытались дать определение цифровым правам. Насколько опыт окажется успешным, покажет практика. Однако можно назвать как минимум основные причины, почему не стоит категорично относиться к закрытому в законе списку цифровых активов: сам по себе их перечень будет бесконечен; ценность, придаваемая определенным типам цифровых активов, будет сильно различаться; проблемы возникнут в классификации цифровых активов.

Обратимся теперь к криптовалютам, которые наделали много шума в экономике в последнее десятилетие. Вряд ли сейчас наблюдается увеличение интереса к ним, однако по-прежнему значимость криптовалют в гражданском обороте (в том числе с точки зрения стоимости и рассмотрения в качестве денежного актива) велика. Правовая характеристика криптовалюты — объект дискуссий. При этом не вызывает сомнений тот факт, что она «является многоаспектным понятием, которое включает в себя техническую, экономическую и юридическую составляющие»¹¹.

Формально криптовалюту нельзя отнести к цифровым правам, но ученые рассматривают ее в качестве одного из объектов имущественных отношений: либо в качестве «иног имуществва»¹², перечень которого открыт, либо в качестве особого «цифрового имуществва»¹³, которое должно быть закреплено в ГК РФ, либо в качестве платежного средства, не имеющего самостоятельной ценности¹⁴. В зарубежной литературе в целом также общепризнано, что отношения по поводу криптовалюты — имущественные¹⁵.

¹⁰ См.: *Conway H., Grattan S.* The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. *Modern Studies in Property Law*. Hart Publishing, Oxford and Portland. 2017. P. 100—101.

¹¹ Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. М., 2021. С. 198.

¹² См.: *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 136—153.

¹³ См.: *Банковское право : учебник для бакалавров*. С. 198.

¹⁴ См.: *Егорова М. А., Кожеева О. В.* Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 1. С. 81.

¹⁵ См.: *Low G., Tan T.* Cryptocurrency — is it Property? // *Journal of Investment Compliance*. 2020. Vol. 21. No. 2/3. P. 175—179.

В России формального подтверждения этому нет, хотя Верховный Суд РФ фактически подтвердил, что отношения по поводу криптовалюты — законные и имущественные. Так, по одному из дел сделан такой вывод: передав свое имущество (криптовалюту) взамен полученных денежных средств, гражданин преследовал определенную экономическую цель, заключив сделки по продаже криптовалюты. Таким образом, имелись правовые основания для получения денежных средств¹⁶. Получается, что банки могут использовать криптовалюту для своих целей, она может выступать объектом банковского договора. Правда, подобный подход в судебной практике не единственный.

В какой-то мере обоснованным может быть решение проблемы в виде применения к криптовалютам и иным объектам под общим наименованием «цифровое имущество» по аналогии со «сделками на разность» правил о натуральных обязательствах. Смысл в том, что требования, вытекающие из таких сделок, заключенных с участием граждан, подлежат судебной защите лишь при наличии соответствующей лицензии хотя бы у одной из сторон сделки, а также при условии их совершения на бирже или ином организованном финансовом рынке. При отсутствии указанных условий права и обязанности участников не будут подлежать судебной защите¹⁷. Однако серьезной аргументации, подтверждающей тот факт, что сделки с «цифровым имуществом» подобны деятельности участников тотализаторов и других азартных игр, не приводится.

При этом экономическая сущность данных явлений различна, сравнивать их не в полной мере корректно. Обособление большинства натуральных обязательств связано со сложностью предсказания определенных событий. Например, «участие в игре осуществляется в надежде на действие совершенно случайных обстоятельств»¹⁸, а «сделки на разность», не предполагая реальный товарообмен, имеют целью для субъекта получение «разницы между ценой, по которой заключена сделка, и фактической (рыночной) стоимостью товара в момент предполагаемого в будущем исполнения»¹⁹.

Экономическое назначение и правовые последствия действий с криптовалютой и иными цифровыми активами значительно сложнее. Это может быть и приобретение реального имущества, и сохранение активов с целью дальнейшего получения дохода от «сбережений». При этом говорить о том, что стоимость цифровых активов зависит от совершенно случайных обстоятельств также не приходится. Действительно, например, курс биткоина очень нестабилен, что вызвано особенностями данной криптовалюты в целом, но в той или иной степени он может быть предсказан, как и курс государственных валют.

Показательно, что по одному из дел суд сделал вывод о том, что «торговля криптовалютой не урегулирована и относится к участию в сделках игр и пари»²⁰.

¹⁶ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Суханов Е. А. О Гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 24.

¹⁸ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2020. С. 472.

¹⁹ Гражданское право : учебник. С. 475.

²⁰ См.: определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 по делу № 88-21710/2021, 2-30/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

Последнее утверждение в целом нельзя признать корректным. В частности, если торговля криптовалютой действительно относится к сделкам игр и пари, то она урегулирована правилами главы 58 ГК РФ. Также в решении суда отсутствовала аргументация того, что торговля криптовалютой относится к участию в сделках игр и пари. Прямо из закона это не следует.

Ответ на вопрос о том, какие «цифровые объекты» и каким образом должны признаваться объектами гражданских правоотношений, снова кроется в принципах гражданского права. Так, ограничение оборота криптовалют в любом случае будет ограничением принципа свободы договора. Данный принцип по своему смыслу означает не только возможность сторон заключить определенное соглашение, но и гарантии того, что такое соглашение будет признано государством, в том числе правом на судебную защиту. Насколько в приведенном примере ограничения свободы договора обоснованны — другой вопрос.

Признаемся, что на текущий момент серьезных экономических, политико-правовых оснований не представлено, за исключением утверждения о том, что оборот криптовалют нарушает принципы действия национальной валюты. Указанное обоснование можно оспорить, если рассматривать сделки с криптовалютой в качестве договора мены, а не купли-продажи, так как очевидно, что криптовалюта не является законным платежным средством.

Как видим, изучение фундаментальных цивилистических категорий гражданского права (прежде всего субъектов и объектов) показывает актуальность отдельных проблем, связанных с развитием цифровизации общества. В качестве методологического базиса для разрешения таковых мы предлагаем использовать «тест на принципы гражданского права». Его обособление проведено по аналогии с «банкротным тестом», актуальным для теоретического осмысления способов обеспечения обязательства в России, или с *Howey test*, используемым в США для определения того, является ли конкретный финансовый инструмент ценной бумагой.

Под «тестом на принципы гражданского права» следует понимать мыслительный эксперимент, который заключается в представлении того, как будут толковаться принципы гражданского права при существенной трансформации фундаментальных категорий гражданского права в связи с цифровизацией общества. При выявлении логических противоречий в таком мысленном эксперименте следует дать отрицательный ответ на вопрос о возможности заявленной трансформации. Так, расширение перечня субъектов гражданского права путем включения в него искусственного интеллекта не проходит «тест на принципы гражданского права». Напротив, защита прав на криптовалюту в качестве особого объекта прав может быть истолкована через принципы, а значит, должна быть гарантирована.

Следовательно, тест на принципы гражданского права может стать теоретической и практической основой для решения вопроса об изменении фундаментальных подходов к субъекту, объекту, субъективным правам, юридическим фактам в условиях цифровизации общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование). — М., 2021. — 288 с.
2. *Габов А. В.* Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 2. — С. 98—113.
3. *Гаджиев Г. А.* Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 15—30.
4. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — М., 2020. — 544 с.
5. *Егорова М. А., Кожевина О. В.* Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 1. — С. 81—91.
6. *Камалян В. М.* Использование искусственного интеллекта при заключении и исполнении кредитного договора // Юридическая наука. — 2021. — № 6. — С. 45—49.
7. *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8. — С. 136—153.
8. *Суханов Е. А.* О Гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6. — С. 7—29.
9. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М., 2021. — 416 с.
10. *Conway H., Grattan S.* The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. Modern Studies in Property Law. — Hart Publishing, Oxford and Portland, 2017. — P. 99—115.
11. *Grochowski M.* Inheritance of the Social Media Accounts in Poland // European Review of Private Law. — 2019. — № 5. — P. 1197—1208.
12. *Low G., Tan T.* Cryptocurrency — Is It Property? // Journal of Investment Compliance. — 2020. — Vol. 21. — № 2/3. — P. 175—179.

Проблема правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием цифровых технологий

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые проблемы охраны интеллектуальной собственности и результатов интеллектуальной деятельности в условиях стремительного развития цифровых технологий. Ключевыми факторами, влияющими на развитие права интеллектуальной собственности в современных условиях, являются прозрачность отношений в цифровой среде, отсутствие фактических границ в рамках всемирного цифрового пространства, смешение различных отраслей знаний, науки и техники.

Автор считает, что переосмысление роли роботов в общественной жизни ставит задачу гуманного подхода к правовому регулированию использования ИИ. Объективно возникает необходимость решить вопрос о введении ответственности за действие ИИ, о ее юридическом обосновании и закреплении. Также автор считает, что правосубъектность ИИ будет выстраиваться по аналогии с правосубъектностью юридических лиц, и в настоящее время достаточно внесения изменений в Гражданский кодекс РФ. Это на текущем этапе применения искусственного интеллекта позволит определить базовые принципы и правовое регулирование данной сферы.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, охрана, цифровые технологии, искусственный интеллект, правосубъектность, цифровые технологии.

Мария Александровна ЕГОРОВА,

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
сопрезидент
Международного союза
юристов и экономистов
(Франция), директор
Международного научно-
образовательного
центра сравнительного
правоведения Московского
отделения Ассоциации
юристов России, эксперт
Российской академии наук
maegorova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.127-138

MARIA A. EGOROVA,

Professor of Competition Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
maegorova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Problem of Legal Protection of Intellectual Property Objects Created Using Digital Technologies

Abstract. The article deals with the key problems of protection of intellectual property and the results of intellectual activity in the context of the rapid development of digital technologies. The key factor influencing the development of intellectual property rights in modern conditions is the transparency of relations in the digital environment, the absence of actual borders within

© Егорова М. А., 2023

the global digital space, the mixing of various branches of knowledge, science and technology.

The author believes that rethinking the role of robots in public life poses the task of a humane approach to the legal regulation of the use of AI. Objectively, there is a need to resolve the issue of introducing responsibility for the action of AI, its legal justification and consolidation. The author also believes that the legal personality of AI will be built by analogy with the legal personality of legal entities, currently it is sufficient to amend the Civil Code of the Russian Federation. This, at the current stage of the application of artificial intelligence, will allow us to determine the basic principles and legal regulation of this sphere.

Keywords: *intellectual property objects, protection, digital technologies, artificial intelligence, legal personality, digital technologies.*

В настоящее время в ходе тотальной и повсеместной цифровизации и информатизации общества все большее распространение получает внедрение технологии искусственного интеллекта (ИИ) в самые различные сферы деятельности человека. Как отмечает профессор В. В. Блажеев, «активное использование технологий искусственного интеллекта ставит перед юридическим сообществом задачу разработки системы правового регулирования искусственного интеллекта, основанной как на действующих нормах российского права, опосредующих применение новейших технологий, так и на передовом мировом опыте регламентации искусственного интеллекта»¹. В связи с этим потребность в регулировании различных решений на основе искусственного интеллекта возрастает.

По мере того, как системы искусственного интеллекта усложняются, а также изменяется их роль в обществе, аргументы в пользу того, что они должны иметь какую-либо форму правосубъектности, приобретают все большее значение. Применение искусственного интеллекта, как правило, рассматривается через призму пользователей (например, в юридических услугах — как доступное программное обеспечение ИИ на рынке²). Поскольку ИИ — неоднородное явление, его регулирование не может быть единым, даже в отношении ответственности. Высказывается мнение, что любая попытка регулировать ИИ должна быть привязана к конкретной технологии³. В данном контексте это спорная позиция.

Согласно докладу Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) «Тенденции развития технологий — искусственный интеллект», который был опубликован в январе 2019 г., имеется двадцать наиболее продвинутых областей человеческой деятельности, где искусственный интеллект активно внедряется, к ним, в частности, относятся: транспортное функционирование, медицина,

¹ Блажеев В. В. Предисловие // Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии : монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 240 с.

² Repina A. Artificial Intelligence in Legal Service: State-of-Art and users expectations in Russia. Moscow : HSE, 2019. P. 7.

³ Artificial Intelligence and Civil Liability. European Parliament. Requested by the JURI committee. July 2020. P. 11.

банковский сектор, индустрия развлечений, различные системы безопасности, промышленность, сельское хозяйство⁴.

Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Подчеркивается, что комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, и граждан в сфере развития искусственного интеллекта, что позволит российским технологиям искусственного интеллекта занять значительную долю мирового рынка.

Все это неизбежно вызывает вопрос о степени самостоятельности искусственного интеллекта и возможности принимать им юридически значимые решения. Если искусственный интеллект может в некоторой степени «думать», как человек, то он приобретает не пассивную, а активную роль в жизни социума.

На данном этапе научно-технического развития системы искусственного интеллекта уже рассматриваются как феномен современности не столько с позиции их философского осмысления, аналогии с человеческой мыслительной деятельностью, сколько с точки зрения выявления роли ИИ в решении значимых государственных задач управления национальной безопасностью, минимизации рисков неправомерного использования ИИ для общества, необходимости рационального подхода к изменениям законодательства для стимулирования, а не ограничения внедрения систем ИИ. Системы ИИ разнообразны по сложности, поэтому в будущем, вероятно, будут созданы приближенные к человеческому мышлению системы ИИ.

С онтологической точки зрения все передовые технологии не являются субъектами, а просто объектами, и нет никаких оснований предоставлять им права или привлекать их к юридической ответственности. Даже в свете существующих правил юридической ответственности на основе различных правовых критериев всегда теоретически возможно идентифицировать человека, который понесет ответственность за ущерб, возникший в результате производства или эксплуатации устройства с системой ИИ. В этом смысле система ответственности может быть неоптимальной, например потому, что это приводит к дорогостоящим и сложным судебным разбирательствам, но исключает наличие разрыва в ответственности.

С функциональной точки зрения возможно определить некоторые условия, при которых было бы целесообразно приписать (уточнить) фиктивную форму

⁴ Доклад Всемирной организации интеллектуальной собственности «Тенденции развития технологий — искусственный интеллект» // URL: https://www.wipo.int/tech_trends/ru/artificial_intelligence/ (дата обращения: 10.08.2021).

правосубъектности определенному классу приложений, юниту⁵. Такие условия определяются необходимостью обеспечить координацию между несколькими сторонами. Например, несколько субъектов участвуют в предоставлении услуги или продукта на основе ИИ и разделение ответственности каждого из них может оказаться достаточно трудным, а нередко и невозможным. Тогда необходимо обеспечить прозрачность посредством регистрации и обязанности по раскрытию информации для выявления тех сторон, которые имеют экономический или иной интерес в функционировании устройства с технологией ИИ, а также ограничить ответственность, чтобы упростить как распределение доходов, так и пропорциональное распределение убытков, нанесенных технологией ИИ.

Присвоение правосубъектности, вероятно, не единственный юридический инструмент, который можно использовать для решения проблемы дальнейшей юридической ответственности⁶.

Вместе с тем, нет оснований для радикального исключения возможности **предоставления правосубъектности определенным классам систем ИИ** в будущем, поэтому возникает вопрос, можно ли считать искусственный интеллект субъектом правоотношений, т.е. наделенным правосубъектностью?

Как справедливо отмечает В. Н. Синюков, «правовое регулирование постепенно заменяется правовой коммуникацией субъектов права, где право есть лишь способ коммуникации, формальный принцип взаимодействия субъектов, где законодатель — посредник и где формируется новая тоталитарность»⁷.

Правосубъектность, как известно, включает правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Разные субъекты гражданского права обладают разной правоспособностью. Так, физические лица обладают равной гражданской правоспособностью с рождения, правоспособность юридических лиц и публично-правовых образований — целевая⁸. В этом контексте рациональнее приравнять правоспособность искусственного интеллекта к правоспособности юридических лиц и публично-правовых образований с точки зрения ее цели. Искусственный интеллект как технология внедряется в какие бы то ни было процессы для достижения определенных целей. По сути, искусственный интеллект, в отличие от человека, не имеет самостоятельной ценности.

В соответствии со ст. 1 Гражданского кодекса РФ, физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Изначально «воли и интереса» у искусственного интеллекта нет и быть не может. Однако дискуссии вызывает вопрос о наличии сознания у искусственного интеллекта, учитывая, что он может не только принимать решения, но и самообучаться.

⁵ Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 64.

⁶ Artificial Intelligence and Civil Liability. European Parliament. P. 9—12.

⁷ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 74 (2). № 2 (171). С. 14.

⁸ Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5.

В то же время правоспособность — это возможность своими действиями приобретать и осуществлять субъективные права. Если искусственный интеллект используется, например, для покупки ценных бумаг на бирже, то своими «действиями» он приобретает некие права. В своем ли интересе? Нет, в интересах того, кто внедрил технологию в свою систему.

Искусственный интеллект порождает множество вопросов в связи с тем, что некая небиологическая сущность производит процессы, сходные с процессами, происходящими в человеческом сознании. Возможность «примерить» на искусственный интеллект психологические аспекты личности представляется довольно спорной⁹. Регулирование ИИ — сложная и дуальная задача. Чрезмерное регулирование ИИ может отрицательно сказаться на инновациях, в то время как недостаточное регулирование ИИ может привести к серьезному ущербу прав граждан, а также к потере возможности формировать будущее цивилизованное общество.

Регулирование не может быть технологически нейтральным, поскольку оно направлено на управление социальными изменениями, которые сама технология с ее особенностями вызывает. Технологическая нейтральность влечет за собой возможность одного конкретного регулирования, применимого в равной степени к любой технологической ситуации. В случае с технологиями ИИ это проблематично и приведет к неэффективности правового регулирования ИИ.

Регулирование — развивающийся процесс, который необходимо модифицировать вместе с технологическим прогрессом, и он должен положительно влиять на индивидуальные и социальные права членов общества. Искусственный интеллект проникает в самые разные области — медицинскую, финансовую, сфер потребления и услуг и т.д., и регулирование ИИ повлечет за собой новые решения на основе искусственного интеллекта в этих секторах. Однако эти сферы регулируются специальным отраслевым законодательством, и будущее регулирование ИИ также возможно по направлению конкретизации, а не общих положений.

Еще одной сложностью является признание деликтоспособности искусственного интеллекта. «Гражданско-правовая ответственность — это обеспеченное государственным принуждением возложение предусмотренных законом или договором лишений имущественного характера на лицо, совершившее правонарушение»¹⁰.

Как указывают Д. А. Пашенцев и В. В. Гарамита, «вина представляет собой сознательное и осознанное психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату, проявляющееся в пренебрежении или безразличии к интересам государства и общества и, соответственно, в выборе противоправного, антисоциального варианта поведения. Помимо этого, составляющей вины выступает отношение самого общества к правонарушителю

⁹ См.: *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 55. С. 46—62; *Понкин И. В., Редькина А. И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. Т. 22. С. 96.

¹⁰ Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018. Т. 1. С. 114.

и его поведению, однако приоритет при характеристике вины отдается первому признаку»¹¹.

Ни понятие вины, ни лишения имущественного характера к искусственному интеллекту не могут быть применены. Искусственный интеллект не может чувствовать вины, не может чувствовать каких бы то ни было лишений. Если действия человека ограничиваются осознанием негативных последствий, то трудно представить, что какие бы то ни было негативные последствия могут ограничивать действия искусственного интеллекта.

Если искусственный интеллект приобретает какие-либо материальные ценности, это не означает возникновения у него правоспособности, аналогичной правоспособности человека.

При рассмотрении правового регулирования правосубъектности искусственного интеллекта В. Шершувский отмечает: «Вскоре информационные системы смогут принимать важные решения, касающиеся финансовых транзакций, управления автомобилями, медицинских процедур и применения оружия. Кто будет отвечать за последствия?»¹². В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Очевидно, что искусственный интеллект может причинить вред, но возместить ничего не может.

Необходимо отметить, что в Европейском союзе после трагических инцидентов с применением беспилотных автомобилей стали широко обсуждать возможность наделения роботов правовым статусом и, как следствие, возможностью привлечения электронного лица (электронной сущности) к ответственности¹³. На наш взгляд, именно вопросы ответственности могут выступить краеугольным камнем при наделении искусственного интеллекта правосубъектностью.

На данном этапе предложено немало подходов к решению проблемы регулирования искусственного интеллекта, интернета вещей и робототехники. Некоторые подходы представляют как теоретический, так и практический интерес.

В литературе встречаются два основных подхода к регулированию систем ИИ. Первый рассматривает их с позиции формального подхода, учитывая сложившуюся правовую систему и ее институты, позволяющие в определенной мере регулировать ИИ, т.е. институт юридической ответственности, нормы об информационной безопасности, конфиденциальности, защите персональных данных, нормы отраслевого права.

Второй подход — технологический. Он сводится к регулированию отдельных систем ИИ, юнитов. Как показал обзор литературы, как в российской, так и в зарубежной науке преобладает первый подход. Однако, оценивая с позиции инновационного, научно-технологического развития области искусственного

¹¹ Пашенцев Д. А., Гарамита В. В. Вина в гражданском праве. М. : Юркомпани, 2010. С. 42.

¹² Шершувский В. Юриспруденция и искусственный интеллект: наступает эпоха беспрецедентных вызовов // URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yurisprudentsiya-i-iskusstvennyyintellekt-nastupaet-epokha-bespretsedentnykh-vyzovov>.

¹³ Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7.

интеллекта, можно предположить, что в будущем, вероятнее всего, акцент сместится в сторону второго, технологического, подхода и разработки специального законодательства — на первом этапе базового или рамочного, по регулированию ИИ в целом, на втором — отдельных систем ИИ, юнитов ИИ.

Проблема концепции правосубъектности искусственного интеллекта во многом спорная¹⁴. П. М. Морхат полагает, что необходимо не форсирование регулирования ИИ, а комплексное рассмотрение вопросов, в том числе связанных с возможными рисками собственно технологии ИИ. Но и излишняя зарегулированность потенциальных рисков может быть неэффективной. Регулирующие органы и государство должны способствовать объективному устойчивому, но осторожному развитию ИИ.

Государственная политика разработки и использования систем ИИ должна быть направлена на всеобщее благо, что и предполагается при построении информационного и цифрового общества. Одним из определяющих принципов развития правового регулирования искусственного интеллекта видится принцип предосторожности.

В резолюции Европейского парламента 2017 г. «О правилах гражданского права о робототехнике»¹⁵ (Civil Law Rules on Robotics, CLRR) заявлено: «Необходимо создание особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе, чтобы, по крайней мере, самые сложные автономные роботы могли быть созданы с присвоением статуса “электронных лиц”, ответственных за устранение любого ущерба, который они могут причинить, и возможно применение электронной личности в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом независимо взаимодействуют с третьими сторонами»¹⁶.

В резолюции «О правилах гражданского права о робототехнике» представлены следующие принципы:

- 1) законодательство направленно на разработчиков, производителей и операторов роботов, включая роботов, которым назначена встроенная автономия и самообучение, поскольку эти законы не могут быть преобразованы в машинный код;
- 2) правила и нормы не должны влиять на процесс исследований, инноваций и разработок в области робототехники;
- 3) установление основных этических принципов, которые должны соблюдаться при разработке, программировании и использовании роботов и ИИ;
- 4) кодекс этического поведения для инженеров-робототехников, кодекс комитетов по этике исследований, «лицензия» для дизайнеров и «лицензия» для пользователей;

¹⁴ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : РГАИС, 2018. С. 103.

¹⁵ Civil Law Rules on Robotics // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/ta-8-2017-0051_en.html (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁶ European Parliament (2017). European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Paragraph 59.

5) постепенность, прагматичность и осторожность в отношении будущих инициатив по робототехнике и искусственному интеллекту;

6) **целесообразно начать с вопросов гражданской ответственности.**

К резолюции прилагается Хартия робототехники (Charter on Robotics)¹⁷, в которой отмечается, что предлагаемый кодекс этического поведения в области робототехники заложит основу для идентификации, надзора и соблюдения фундаментальных этических принципов на этапе проектирования и разработки. Кодекс призван обеспечить этическую категоризацию робототехники, усилить мотивацию к ответственности за системы ИИ. В Хартии отмечено, что особое внимание следует уделять этапам исследований и разработок соответствующей технологии ИИ.

Некоторые исследователи¹⁸ проводят аналогию с правосубъектностью юридических лиц, утверждая, что искусственный интеллект также может иметь права, как и юридическое лицо. Юридическое лицо — явление сугубо правовое. Однако не стоит забывать, что за юридическим лицом всегда стоят физические лица (учредители, участники, акционеры, исполнительный орган и т.п.). Воля при осуществлении деятельности исходит не от юридического лица непосредственно, а в конечном счете — от человека.

Г. Ф. Ручкина выделяет несколько формирующихся подходов в мировой практике к наделению искусственного интеллекта правосубъектностью:

- 1) искусственный интеллект = объект права;
- 2) искусственный интеллект = субъект права (физическое лицо);
- 3) искусственный интеллект = юридическое лицо;
- 4) искусственный интеллект = электронное лицо (агент)¹⁹.

На наш взгляд, абсолютно очевидна несостоятельность второго подхода, предлагающего наделить искусственный интеллект аналогичной с физическим лицом правосубъектностью.

Признавать искусственный интеллект лишь объектом права представляется слишком консервативным подходом, который может существенно ограничить применение новых технологий.

Наиболее рациональным, но не бесспорным, видится использование концепции правосубъектности искусственного интеллекта по типу юридического лица либо электронного лица (хотя с некоторыми допущениями данные позиции представляются весьма сходными).

Основными критериями, которым должен соответствовать искусственный интеллект как юридическое/электронное лицо, являются:

¹⁷ Charter on Robotics // Official Journal of the European Union. 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/pdf/?uri=celex:52017ip0051&from=en> (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁸ Понкин И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 96.

¹⁹ Ручкина Г. В. Искусственный интеллект, роботы и объекты робототехники: к вопросу о теории правового регулирования в Российской Федерации // Банковское право. 2020. № 1.

- 1) наличие учредителя (физического или юридического лица, которое будет представлять при необходимости интересы робота);
- 2) наличие определенного финансового обеспечения по типу уставного капитала, который может быть использован при возмещении вреда.

Следует иметь в виду, что правовой статус робота не может происходить ни из классической модели физического лица, поскольку в этом случае робот будет обладать правами человека, ни из классической модели юридического лица, поскольку она подразумевает существование лица — руководителя, стоящего за юридическим лицом, чтобы представлять его интересы, что не относится к роботам²⁰.

Аналогичная позиция высказана в 2019 г. экспертной группой по ответственности и новым технологиям (Expert Group on Liability and New Technologies), назначенной Европейской комиссией, которая также отрицает необходимость принятия понятия электронной личности в Отчете об ответственности за искусственный интеллект (Report on Liability for Artificial Intelligence): «В настоящее время нет необходимости предоставлять юридическое лицо развивающимся цифровым технологиям. **Любая форма правосубъектности новых цифровых технологий может вызвать ряд этических проблем**»²¹.

Любая «дополнительная личность» должна взаимодействовать со средствами, назначенными такими электронными лицами, чтобы против них можно было эффективно предъявлять претензии, что равносильно ограничению ответственности. Для реального размера ответственности электронные агенты должны иметь возможность приобретать активы самостоятельно. Это потребует решения ряда законодательных проблем, касающихся их правоспособности и того, как они действуют при совершении юридических сделок, — такой вывод сделан в Отчете об ответственности за искусственный интеллект.

П. М. Морхат утверждает, что могут возникать и определенные проблемы в зависимости от примененной к электронным лицам концепции правосубъектности²². Если рассматривать правосубъектность электронного лица как индивидуального субъекта, аналогичного человеку, предоставление ему такого правового статуса является важным шагом на пути к получению полного набора конституционных («человеческих») прав, что может порождать в дальнейшем иные проблемы и вопросы, например, относительно того, можно ли к юнитам искусственного интеллекта применить такие конституционные гарантии, как, например, право не содержаться в рабстве²³.

²⁰ Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs // URL: [https://www.europarl.europa.eu/regdata/etudes/stud/2020/621926/ipol_stu\(2020\)621926_en.pdf](https://www.europarl.europa.eu/regdata/etudes/stud/2020/621926/ipol_stu(2020)621926_en.pdf) (дата обращения: 23.09.2021).

²¹ Report on the safety and liability implications of Artificial Intelligence, the Internet of Things and robotics. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 64 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/pdf/?uri=celex:52020dc0064&from=en> (дата обращения: 23.09.2021).

²² Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо. С. 70.

²³ Chopra S., White L. Artificial Agents — Personhood in Law and Philosophy // URL: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).

Присвоение юнитам ИИ статуса «электронное лицо» может привести к ослаблению правовой защиты людей по сравнению с ними²⁴. Наделение юнита ИИ электронной личностью с правовой точки зрения будет означать также и способность такого юнита нести ответственность за свои действия или бездействие. Одна из существенных проблем заключается в сложности надлежащей идентификации юнита, особенно если аппаратное и программное обеспечение распределено по разным сайтам и поддерживается разными лицами. В таком случае необходимо будет создание и ведение соответствующего реестра, по аналогии с реестрами юридических лиц²⁵.

Высказывается мнение о необходимости функционального основания для признания определенного класса приложений с технологией ИИ по аналогии со статусом юридического лица: установление *prima facie* и единственной ответственной стороны по отношению к жертве, когда для истца невозможно или слишком дорого установить агента или агентов, которые в основном контролируют риски, связанные с продуктом или услугой на основе ИИ, или извлекают выгоду из системы ИИ.

Это может быть актуально, когда продукт или услуга на основе ИИ предоставляется с участием нескольких сторон, которые создают, обучают, управляют и предлагают важные услуги (например, в случае экспертной системы, используемой для консультирования), которые трудно разделить, чтобы формализовать ответственность одного конкретного агента. Это функциональное основание и при разрешении разделения активов — более удобный для заявителей способ ограничения ответственности, чем установление максимального размера ущерба посредством специального нормативного положения²⁶.

Рассмотрим правовые проблемы использования юнитов, например в юридической практике, но отметим, что обозначенные ниже проблемы являются достаточно общими:

- 1) обеспечение конфиденциальности персональной (личной) и профессиональной информации;
- 2) доступ правоохранительных органов к конфиденциальной информации;
- 3) нерегулируемость применения юнитов в юридической практике;
- 4) юридическая этика юнита искусственного интеллекта;
- 5) уязвимость юнита ИИ для кибератак и вирусов, обеспечение кибербезопасности систем ИИ;
- 6) рассмотрение комплексных, сложных, неоднозначных дел юридической (судебной) практики и проблема ситуативной и смысловой неопределенности, а нередко и противоречивость;
- 7) ненадлежащее понимание и толкование права юнитом ИИ;

²⁴ Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons // URL: <http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/brysondiamantisgrant17-preprint.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).

²⁵ Weitzenboeck E. M. Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. No. 3. P.215.

²⁶ Artificial Intelligence and Civil Liability. European Parliament. Requested by the JURI committee. July 2020. P. 35.

- 8) невозможность учитывать юнитом ИИ опыт профессионального юриста при рассмотрении тактически сложных дел;
- 9) недостаток качества (недостоверность) интеллектуального экспертно-аналитического материала с использованием юнита ИИ.

Таким образом, переосмысление роли роботов в общественной жизни ставит задачу гуманного подхода к правовому регулированию использования ИИ. Автономные интеллектуальные системы не должны нести ответственность за свои действия. Тем не менее необходимо решить вопрос о введении ответственности, ее юридическом обосновании и закреплении. В перспективе будет совмещен волевой компонент (человек/учредитель) и деятельностный (правовая возможность искусственного интеллекта приобретать права и обязанности).

Законодательство в области регулирования искусственного интеллекта только начинает формироваться. Изменение законодательства в сфере ИИ будет постепенным, поскольку технологии искусственного интеллекта только развиваются. В настоящее время сильный и сверхсильный искусственный интеллект практически не создан. Сверхсильный ИИ будет превосходить человеческие интеллектуальные возможности, но это также вопрос будущего. В связи с этим риски и выгоды ИИ также до конца не определены.

Нужен подход к правовому регулированию в рамках юридической ответственности, связанной с пользователями, владельцами или производителями систем ИИ, а не с самими технологическими объектами.

Если правосубъектность ИИ будет выстраиваться по аналогии с правосубъектностью юридических лиц, достаточно внесения изменений в Гражданский кодекс РФ, чтобы на текущем этапе применения искусственного интеллекта определить базовые принципы и правовое регулирование данной сферы.

Вполне возможно, что в дальнейшем, по мере развития и еще более широкого применения данной технологии, возникнет необходимость в принятии федерального закона, подробно регламентирующего пределы деятельности искусственного интеллекта. На данном этапе это представляется нерациональным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. — 2020. — № 7.
2. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. — 2017. — Вып. 55. — С. 46—62.
3. Блажеев В. В. Предисловие // Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии»: монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М.: Проспект, 2020. — 240 с.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.]; под ред. Б. М. Гонгалов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2018. — Т. 1.
5. Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. — 2019. — № 5.

6. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. — М. : РГАИС, 2018. — 420 с.
7. *Морхат П. М.* Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 2. — С. 61—73.
8. *Пашенцев Д. А., Гарамита В. В.* Вина в гражданском праве. — М. : Юркомпани, 2010.
9. *Понкин И. В.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. — Серия : Юридические науки. — 2018. — Т. 22. — № 1.
10. *Понкин И. В., Редькина А. И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия : Юридические науки. — 2018. — № 1. — Т. 22.
11. *Ручкина Г. В.* Искусственный интеллект, роботы и объекты робототехники: к вопросу о теории правового регулирования в Российской Федерации // Банковское право. — 2020. — № 1.
12. *Синюков В. Н.* Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 2 (171).
13. Artificial Intelligence and Civil Liability. — European Parliament. Requested by the JURI committee, July 2020. — 136 p.
14. *Weitzenboeck E. M.* Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. — 2001. — Vol. 9. — No. 3. — P. 204—234.

О принципах построения правового механизма цифрового профилирования граждан

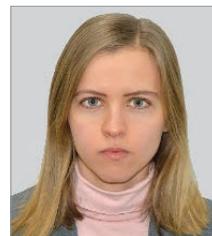
Аннотация. В статье проведен анализ этапов развития цифрового профилирования граждан в России, на основе которого сделаны выводы о построении механизма правового регулирования в соответствии с принципами, сформулированными исходя из основных функций государства. В частности, социальная функция предписывает проводить категорирование граждан исключительно с целью определения нуждаемости в материальной помощи, дополнительных гарантиях, а также льготах. Экономическая функция включает в себя проведение финансового контроля и мониторинга, стимулирование экономической активности граждан. Правоохранительная функция направлена на профилактику и своевременное выявление правонарушений, в том числе в цифровой среде. Правозащитная функция реализуется в действиях по пресечению нарушения прав и законных интересов граждан, в том числе избирательных. Идея коммерциализации цифрового профилирования граждан, представление его как продукта, предназначенного для минимизации рисков при оказании финансовых и иных услуг, содержит в себе опасность дискриминации граждан и криминализации данной сферы.

Ключевые слова: цифровой профиль, функции государства, государственные и муниципальные услуги, неприкосновенность частной жизни, цифровая дискриминация, рейтингование граждан.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.139-150

Ольга Борисовна СИЗИМОВА,
заведующий кафедрой
гражданского права
и процесса
юридического факультета
Нижегородского
государственного
университета имени
Н. И. Лобачевского,
доктор юридических наук,
доцент
kchpr_nki@mail.ru
603105, Россия, г. Нижний
Новгород, ул. Ашхабадская,
д. 4

Александра Юрьевна БУРОВА,
преподаватель кафедры
гражданского права
и процесса
юридического факультета
Нижегородского
государственного
университета
имени Н. И. Лобачевского,
кандидат юридических наук
ayuburova@yandex.ru
603105, Россия, г. Нижний
Новгород, ул. Ашхабадская,
д. 4

OLGA B. SIZEMOVA,

*Head of the Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
kchpr_nki@mail.ru
4, ul. Ashkhabadskaya, Nizhny Novgorod, Russia, 603000*

ALEKSANDRA YU. BUROVA,

*Lecturer of the Department
of Civil Law and Procedure, Faculty of Law,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Cand. Sci. (Law)
ayuburova@yandex.ru
4, ul. Ashkhabadskaya, Nizhny Novgorod, Russia, 603000*

About Principles of Forming of Legal Mechanism of Citizens Digital Profiling

Abstract. *In the article the analysis of stages of development of citizens digital profiling in Russia is carried out. Based on the analysis the authors draw the conclusions on forming of legal mechanism according to principles in reliance on main functions of state. In particular, social function stipulates that categorization of citizens is allowed only for estimation of need in material assistance, supplementary guarantees and favours. Economical function includes execution of financial control and monitoring, stimulation of economical activity of citizens. Law enforcement function is focused on prevention and early recognition of legal wrongs including in digital sphere. Human rights function is realized in actions to stem violations of rights and legitimate interests including electoral. An idea of commercialization of digital profiling, its perception as a product aimed to risk minimization during rendering of financial and other services poses a danger of discrimination of citizens and criminalization of this sphere.*
Keywords: *digital profile, functions of state, state and municipal services, privacy, digital discrimination, rating of citizens.*

Начало XXI в. ознаменовалось перемещением части социально-экономических отношений в цифровую среду. Пандемия коронавируса ускорила процесс перехода на цифровые платформы. Дистанционные способы общения, совершения покупок, получения дополнительного образования, услуг, в том числе государственных и муниципальных, становятся все более популярными среди населения.

С 2010 г. в России последовательно внедряется сервис электронного взаимодействия граждан и государства¹. Изначально задачей создания официального

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

цифрового профиля гражданина являлось облегчение доступа к государственным и муниципальным услугам, большинство из которых теперь предоставляются в электронном виде, упрощение заполнения заявлений на их предоставление и более быстрое получение результатов. Технической основой для такой возможности стали создание единой системы идентификации и аутентификации (далее — ЕСИА)² и разработка соответствующих цифровых платформ, наиболее известной из которых является федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — «Госуслуги»)³.

Для регистрации в ЕСИА требуется указание СНИЛС, серии, номера и даты выдачи паспорта, номера телефона и адреса электронной почты физического лица⁴. Созданная учетная запись позволяет гражданину войти на «Госуслуги», а также иные официальные интернет-ресурсы (ФНС России (<https://nalog.gov.ru>), Пенсионного фонда России (<https://es.pfrf.ru/>), «Электронное правосудие» (<https://my.arbitr.ru>, <https://ej.sudrf.ru>) и др.). Для получения конкретных государственных или муниципальных услуг гражданину необходимо предоставить о себе более полные сведения, которые автоматически интегрируются со сведениями из официальных информационных систем органов власти.

Дальнейшее развитие инфраструктуры цифрового профиля показывает наметившиеся тенденции в расширении сфер использования данных сведений и круга субъектов, которые могут с ними работать.

С 01.07.2019 по 31.12.2022 проводился эксперимент по повышению качества и связанности содержащихся в государственных информационных ресурсах данных⁵. Целью эксперимента стало не только налаживание межведомственного взаимодействия в части передачи данных о физических лицах, но и расширение сфер использования данных и круга субъектов, которые могут получать к ним доступ из ЕСИА.

В настоящее время на «Госуслугах» доступно 22 вида сведений о гражданине, получаемых в пределах соответствующей компетенции от различных ведомств: МВД России (паспортные данные, сведения о транспортных средствах и

² Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977 (ред. от 14.05.2022).

³ Положение о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (утв. постановлением Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 (ред. от 17.08.2022) // СЗ РФ. 2011. № 44. Ст. 6274.

⁴ Положение о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (утв. приказом Минкомсвязи России от 13.04.2012 № 107) (ред. от 07.07.2016). Пп. «б» п. 6 // Российская газета. № 112. 2012.

⁵ Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 (ред. от 17.08.2021) «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» (вместе с Положением о проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах) // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2963.

водительском удостоверении), ФНС России (сведения ИНН, справка о доходах), органов ЗАГС (сведения о браке и разводе, детях), государственных внебюджетных фондов, в частности Пенсионного фонда России (СНИЛС, электронная трудовая книжка, сведения о состоянии ИЛС); Фонда обязательного медицинского страхования (единый номер полиса), Российского союза автостраховщиков (сведения об ОСАГО) и др.

Сервис также сохраняет данные платежных банковских карт, иных платежных инструментов, которые имеются в распоряжении физического лица, и при условии его согласия с них могут быть списаны денежные средства в уплату налогов, иных обязательных платежей.

На интеграцию сведений из официальных баз данных с учетной записью ЕСИА необходимо согласие физического лица. Согласие физического лица необходимо и на доступ к информации о нем на «Госуслугах» государственных органов, органов местного самоуправления, а также сторонних организаций, в том числе кредитных, страховых, микрофинансовых организаций, операторов связи и финансовых платформ, работодателей и всех, кто может быть допущен к информации о гражданине. Согласие физического лица обеспечивается путем использования реализованных запросов в рамках единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Поскольку в перечень таких организаций вошли кредитные, страховые и микрофинансовые организации, операторы финансовых платформ и операторы связи, а также работодатели, предполагается, что данные из ЕСИА будут использоваться при заполнении заявлений на получение кредитных, страховых, микрофинансовых услуг, услуг финансовых платформ, услуг в области связи с последующим возможным заключением соответствующих договоров, а также с автоматической оплатой процентов и кредита, услуг связи, страховых полисов и проч.

Особую роль в продвижении интересов участников финансового рынка, которых в представленном перечне большинство, сыграл Банк России, поддерживающий связанные с цифровизацией инициативы. В разработанных им Основных направлениях развития финансового рынка на 2022 год и период 2023 и 2024 годов дается определение понятия «цифровой профиль».

Под цифровым профилем понимается «инфраструктура, созданная на базе Единой системы идентификации и аутентификации и предназначенная для получения организациями достоверной информации, необходимой для оказания услуг, из государственных баз данных с согласия гражданина»⁶.

Интеграция учетных записей ЕСИА с базами данных операторов связи выглядит на первый взгляд оправданной, учитывая относительно небольшое количество российских операторов связи и пользование их услугами абсолютным большинством граждан.

Однако наличие в этом перечне работодателей, которые смогут получать сведения из ЕСИА при направлении гражданином сведений и документов в целях

⁶ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (одобрены Советом директоров Банка России по статистическим данным 10.12.2021) // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

трудоустройства, вызывает сомнения. Очевидно, что практически каждое юридическое лицо является работодателем. Вполне вероятно, что открытие сведений из ЕСИА для любой организации, пусть даже и с согласия самого гражданина, повлечет за собой распространение данных о нем. Ситуация выйдет из-под контроля, если среди потенциальных работодателей окажутся недобросовестные лица, а в случае направления документов нескольким организациям в целях трудоустройства установить допустившее утечку данных о гражданине лицо будет практически невозможно.

По указанным причинам на данном этапе развития инфраструктуры цифрового профиля в предложенный Правительством РФ перечень не должны входить работодатели. Возможно, было бы разумно установить критерии, которым должен соответствовать потенциальный работодатель для его доступа к сведениям о гражданине из ЕСИА (например, технологическая возможность обеспечения конфиденциальности полученных сведений, деловая репутация компании и т.п.), однако на сегодняшний день подобные критерии не определены, а в случае их установления возникает опасность нарушения справедливой конкуренции между работодателями за квалифицированный персонал.

С 01.04.2021 по 31.12.2023⁷ начался новый эксперимент, еще больше расширяющий сферу использования официальных сведений о гражданине и круг субъектов, имеющих право на доступ к данным из ЕСИА. Теперь на интернет-сайтах социальных сетей⁸, владельцев агрегаторов информации о товарах (услугах), владельцев информационных ресурсов поиска сотрудников и работы пользователи смогут регистрироваться с помощью учетной записи ЕСИА. Тем самым при регистрации пользователи будут давать согласие указанным субъектам на доступ пока к некоторым базовым персональным данным (ФИО, пол, дата рождения, номер телефона и адрес электронной почты). В дальнейшем при совершении сделок с их помощью набор предоставляемых сведений расширится: это будут паспортные данные, сведения о трудовой деятельности, СНИЛС, сведения из электронной трудовой книжки, сведения о транспортных средствах, о налогах и доходах, о водительском удостоверении.

В июле 2022 г. был представлен перечень участников эксперимента и перечень сведений, которые они могут получить из ЕСИА с согласия граждан⁹. Таких организаций одиннадцать, среди них ООО «ВКонтакте», ООО «КЕХ eКоммерц» (Авито.ру), ООО «Хэдхантер», ООО «Вайлдберриз», ООО «Яндекс», ООО «Интернет Решения» (агрегатор Ozon).

Все указанные компании являются крупными и известными посредниками в заключении различных договоров, размещают на принадлежащих им цифровых платформах необходимую информацию, создавая возможность для пользователей совершать сделки в онлайн-формате.

⁷ Постановление Правительства РФ от 27.03.2021 № 453 (ред. от 14.05.2022).

⁸ Госуслуги запускают тестовую версию мини-приложения «Госуслуги Авто» в социальной сети «ВКонтакте». С его помощью можно предъявлять сотрудникам ГИБДД электронные водительские права и свидетельство о регистрации транспортного средства (СТС).

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 15.07.2022 № 1956-р.

Таким образом, государство сначала сосредоточило все сведения в одном месте, а теперь доступ к этим данным получает масса других организаций. Предполагается, что такой доступ возможен только с согласия гражданина, но возникают обоснованные опасения, что согласия будут собираться с граждан автоматически путем «клика мышью» с заранее проставленными «галочками» напротив всех сведений и документов при регистрации на соответствующем ресурсе, превращая тем самым согласие гражданина из осознанного волеизъявления в формальность, необходимую для доступа к услугам. Однако о надлежащем контроле за процедурой сбора согласий участниками эксперимента со стороны органов власти в Положении о проведении эксперимента не упоминается.

Следует отметить, что интеграция «Госуслуг» и социальных сетей является знаковым проектом, поскольку с этого момента не только официальные информационные системы органов власти становятся источником сведений о физическом лице, но и социальные сети. В итоге личный кабинет на «Госуслугах» постепенно превращается в официальный цифровой профиль лица, который аккумулирует получаемые и верифицируемые органами власти, работодателями, цифровыми финансовыми и иными платформами сведения о гражданине, затрагивающие основные сферы его жизни (семья и дети, недвижимость и транспорт, здоровье, образование и работа, пенсия, льготы и выплаты, доходы и налоги, развлечения и отдых, круг общения, хобби, предпочтения и проч.).

Изложенное свидетельствует о трансформации исходной идеи создания официального цифрового профиля гражданина как инструмента предоставления только государственных или муниципальных услуг в некую мегаплатформу цифрового профилирования, предназначенную для минимизации рисков предоставления финансовых и иных услуг в цифровом формате, поскольку расширяется сфера использования цифрового профиля физического лица, а равно расширяется и круг субъектов, которые могут использовать данные сведения. Учитывая наметившуюся тенденцию, не исключено, что в ближайшее время стоит ожидать нового эксперимента с еще более широким кругом участников.

В частности, планируется создание специализированных цифровых профилей с последующей синхронизацией и подключением их в один профиль. Например, в Транспортной стратегии до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года предусмотрено создание цифрового профиля пассажира, предполагающего интеграцию данных государственной информационной системы физических лиц с данными перевозчиков, сервисов бронирования и программ лояльности и предоставление на его базе транспортных услуг¹⁰.

На первый взгляд преимущества создания официального цифрового профиля граждан, связанные в основном с удобством и быстротой получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а в перспективе и совершения сделок на «Госуслугах»¹¹, очевидны. Но анализ использования такого цифрового профиля граждан показывает наличие рисков в новом подходе,

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 15.07.2021 № 1207.

отличном от понимания государственных услуг как проявления функций государства, основными из которых для граждан являются социальная, правоохранительная и правозащитная¹².

Централизованное хранение сведений о гражданах уже само по себе представляет угрозу их распространения¹³, но вероятность утечки данных многократно увеличивается в связи с поэтапным расширением сферы применения официального цифрового профиля и расширением круга субъектов, которые смогут получить сведения о гражданах в рамках проводимых экспериментов. Таким образом, постоянно пополняемые сведения о гражданине станут достоянием неограниченного круга лиц, которые могут использовать эти сведения в противоправных или компрометирующих гражданина целях.

Сведения из ЕСИА представляют собой только свод данных о гражданине. Однако использование этих сведений для совершения покупок и регистрации на сайтах социальных сетей и ресурсов по поиску работы, очевидно, позволит государству отслеживать действия человека, поскольку каждое действие с использованием ЕСИА будет представлять собой цифровой след, на основании которого будут возможны углубленный мониторинг и анализ таких данных, прогнозирование дальнейших действий гражданина.

Цели возможного использования указанных сведений государством пока нормативно не установлены, но нельзя не отметить тенденцию к превращению официального цифрового профиля из систематизированной совокупности основных сведений о гражданине в совокупность сведений, дающих представление о его индивидуальных и личностных характеристиках. В частности, в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁴ Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ разработана Концепция открытого профиля компетенций граждан, траекторий их развития и процедуры их создания¹⁵.

Предполагается, что этот профиль, синхронизированный с ЕСИА, будет содержать достоверные данные об образовании и компетенции граждан, стаже работы, у граждан появится возможность сформировать персональные траектории развития, повысить свою цифровую грамотность и пройти оценку своих навыков. Эти данные при согласии гражданина смогут получать работодатели (коммерческие и государственные структуры), образовательные учреждения

¹² Подробнее о классификации функций государства см.: Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 2003.

¹³ Минцифры опровергло информацию об утечке данных пользователей «Госуслуг». 11.10.2022 // URL: <https://ria.ru/20221011/gosuslugi-1823078584.html> (дата обращения: 28.10.2022).

¹⁴ Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-kadryi-dlya-tsifrovoj-ekonomiki.pdf> (дата обращения: 23.10.2022).

¹⁵ URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/kontseptsiyaotkryitogoformataprofileikompetentsii.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).

(всех уровней образования), государство, операторы рынка труда, проектные команды, сообщества.

В Концепции указано, что данный профиль обеспечивает «прием на новую позицию в организации с учетом характеристик граждан (принадлежности к определенной половозрастной группе, региональной привязки или жизненной ситуации, а также соответствия запросу компетенций организаций, в том числе с учетом стажа работы)». Такая формулировка означает учет при приеме на работу факторов личностного свойства, некоторые из которых при ближайшем рассмотрении являются дискриминационными (например, пол и возраст). Кроме того, вероятно, первоначальный «отсев» кандидатов по заданным характеристикам будет производить искусственный интеллект, алгоритмы которого могут быть по-разному настроены в зависимости от предпочтений работодателя.

Само государство будет использовать профиль компетенций граждан, в частности, для «анализа совокупного человеческого потенциала для оценки инвестиционной привлекательности страны, а также отдельных регионов; поиска подбора эффективных сотрудников компаний проектов; поиска человеческого капитала для релокации и концентрации в проектах развития компаний и регионов».

Пока остается неясным, в какой именно форме государство будет реализовывать новые возможности. Будет ли, например, оно вмешиваться в подбор работников для перераспределения человеческого капитала по стране, сужая как для граждан, так и для организаций круг потенциальных работников и работодателей, или эти сведения, наряду с рассмотренными выше, будут использоваться для мониторинга и предиктивного анализа поведения конкретного гражданина.

В любом случае граждане должны быть осведомлены о конкретных целях, в которых государством будут использоваться данные сведения, о том, какие именно сведения и действия будут подлежать мониторингу и каким образом результаты этого мониторинга будут отражаться на правах граждан¹⁶. Указанные цели должны быть направлены на реализацию основных функций государства в сфере экономики, социальной политики и обеспечения безопасности в соответствии с провозглашенными Конституцией РФ принципами.

В противном случае опасения некоторых ученых о несанкционированном использовании идентификатора в качестве инструмента тотального контроля за человеком, который позволяет отслеживать и анализировать в автоматическом режиме его перемещения, покупки, финансовые операции, прохождение медицинских процедур, получение социальной помощи, другие юридически значимые действия в цифровой среде, фактически — личную жизнь гражданина¹⁷, станут реальностью.

Тем не менее информация о гражданине может использоваться и оказаться полезной, например, при раскрытии преступлений или для предотвращения их совершения, что обеспечивает реализацию правоохранительной функции государства.

Важную часть социальной функции, реализация которой может быть обеспечена с помощью цифрового профилирования, составляет социальная защита

¹⁶ Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 9. С. 95.

¹⁷ Головин Е. Г., Большакова В. М., Наумова Л. Ю. Обеспечение прав и свобод граждан и риски цифровизации // *Вопросы российского и международного права*. 2020. Т. 10. № 2А. С. 7.

тех, кто нуждается в государственной материальной помощи, а также в дополнительных гарантиях и льготах: безработных, пожилых, инвалидов, многодетных семей, сирот, детей в неполных семьях, а в условиях межнациональных и межгосударственных конфликтов — беженцев и вынужденных переселенцев. Своевременное выявление категорий граждан, которые объективно нуждаются в государственной помощи и поддержке, должно являться основной задачей «Госуслуг», исходя из основного конституционного принципа, согласно которому наше государство является социальным.

Сбор и анализ цифровых следов граждан с иными целями должен быть исключен, поскольку это прямо ограничивает гарантированное Конституцией РФ право на неприкосновенность частной жизни человека.

25.01.2022 заместитель председателя Правительства РФ Д. Н. Чернышенко выступил на совещании о ходе реализации и результатах инициатив социально-экономического развития России до 2030 года и доложил о том, что в последующем более чем 150 видов сведений будет доступно на «Госуслугах» для передачи другим организациям. Это связано с переводом разных услуг в цифровой формат, а цифровой профиль предполагает интеграцию 100 % информационных систем государственных органов с личным кабинетом «Госуслуг»¹⁸.

В конце 2021 г. в рамках национальной программы «Цифровая экономика» появился новый федеральный проект «Цифровые сервисы и услуги онлайн». Указанный федеральный проект объединяет в себе три инициативы: «Цифровой профиль гражданина», «Госуслуги онлайн» и «Электронный документооборот».

Таким образом, в ближайшем будущем вероятен полный переход на предоставление государственных, муниципальных, а также некоторых других услуг (страховых, кредитных и т.п.) в электронной форме. Это означает, что существуют риски отказа от оказания услуг в традиционном виде.

На протяжении последних десяти лет граждан стимулируют к цифровому профилированию. Например, при подаче заявлений о совершении юридически значимых действий и уплате государственной пошлины с использованием «Госуслуг» размер государственной пошлины сокращается на 30 %, что весьма существенно для многих российских граждан¹⁹.

В ближайшие несколько десятков лет возможность получения услуг в традиционной форме должна сохраняться независимо от уровня развития цифровых технологий. Нет сомнений, что цифровое обобщение данных удобно, но все же остаются лица, которые не умеют или не желают пользоваться новейшими достижениями техники или не обладают такой возможностью в силу финансовых затруднений либо территориальной удаленности от мегаполисов. Ограничение таких лиц в их праве на доступ к получению государственных или муниципальных услуг, страхованию имущества или совершению покупок без цифрового профиля недопустимо, поскольку может свидетельствовать об ограничении

¹⁸ Стенограмма совещания о ходе реализации и результатах инициатив социально-экономического развития России до 2030 года. 25.01.2022 // URL: <http://government.ru/news/44398/> (дата обращения: 29.10.2022).

¹⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.11.2022). Пункт 4 ст. 333.35 // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

правоспособности граждан при ее увязке с регистрацией на каких-либо (пусть даже официальных) цифровых платформах.

Между тем примеры таких ограничений можно увидеть при использовании крупнейших и в ближайшее время интегрируемых в рамках упомянутого выше эксперимента с ЕСИА маркетплейсов Ozon и Wildberries, операторы которых запретили оплату наличными за совершенные покупки в 2020 г. в связи с карантинными ограничениями, но по прошествии уже почти трех лет не собираются ее возвращать. Это означает, что без привязки к своему профилю в указанных маркетплейсах данных банковской карты приобрести товар невозможно. Фактически это прямое ограничение прав граждан, выражающееся в невозможности оплатить товар наличными и понуждении к использованию только безналичных расчетов.

Еще одним негативным явлением среди участвующих в эксперименте цифровых платформ стала дифференциация (или рейтингование) граждан (пользователей услуг), которое предполагает предоставление гражданам преимуществ либо, наоборот, ограничение в правах на основе выстроенного по определенным параметрам рейтинга. Так, плохая кредитная история или небольшой официальный доход влекут за собой отказ в предоставлении кредита. В сфере страхования автогражданской ответственности система рейтингования постоянно совершенствуется. Так, каждому водителю присваивается класс КБМ (коэффициент «бонус-малус»), который зависит от наличия ДТП по вине водителя, и напрямую влияет на стоимость страхового полиса²⁰.

В приведенных примерах отказ в предоставлении услуг либо увеличение размера платы за услугу можно объяснить принципом «нарушаешь — плати больше». И отказ от предоставления кредита по причине невысокого дохода обусловлен высокими рисками нарушения исполнения обязательств по кредитному договору со стороны заемщика.

Таким образом, дифференциация допустима и принимается (одобряется) обществом, однако должны быть разработаны прозрачные критерии, четко демонстрирующие допустимость и пределы дифференциации, основанные на принципах, исходящих из необходимости реализации основных функций государства, выражающихся в обеспечении безопасности, экономической эффективности, социальной справедливости, законности и правопорядка. Например, социальная дифференциация возможна только в целях защиты прав наименее защищенного круга лиц. При этом граждане должны знать механизм формирования рейтинга и иметь возможность оспаривать его результаты.

Система рейтингования широко используется в создаваемых на базе участвующих в эксперименте частных информационных систем цифровых профилях. Например, на маркетплейсе Wildberries процент предоставляемой покупателю скидки зависит от суммы и процента выкупленного товара за два последних года²¹. На Ozon за оставленные о товарах отзывы начисляются баллы, которые можно

²⁰ Указание Банка России от 08.12.2021 № 6007-У (ред. от 28.07.2022) «О страховых тарифах по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Вестник Банка России. 2022. № 1.

²¹ Правила пользования торговой площадкой «Wildberries» // URL: <https://www.wildberries.ru/services/pravila-polzovaniya-torgovoy-ploshchadkoj> (дата обращения: 11.11.2022).

использовать в качестве скидки на будущую покупку²². При покупке статуса Ozon premium предоставляется бесплатная курьерская доставка и более ранний доступ к распродажам²³.

Агрегатор такси «Яндекс.Го» рассчитывает рейтинг как водителей, так и пассажиров, которые оценивают друг друга после каждой поездки. При этом рейтинг водителя напрямую влияет на его возможность получать заказы. Так, водителям с рейтингом ниже 4,5 доступ к поездкам может быть закрыт²⁴. Рейтинг пассажира, по утверждению самой компании, ни на что не влияет, однако водителю перед поездкой виден рейтинг пассажира, и он может отказаться от заказа. Таким образом, субъективное мнение положено в основу рейтинга, дающего преимущества или создающего ограничения потребителю услуги.

Как известно, в Китае существует система социального кредита, в основе которой лежат четыре основных критерия: честность в государственных делах, коммерческая добросовестность, поведение в обществе, судебная история. Каждому гражданину в связи с этим присваиваются баллы. Лица с наименьшим рейтингом ограничиваются в правах: не могут свободно передвигаться по стране, их трудоустройство затруднено, а общение с ними может снизить рейтинг «благонадежных» граждан²⁵.

Однако такая система противоречит общему принципу недопустимости ограничений прав граждан. На нарушения сроков уплаты налогов или получение административных штрафов государство должно отреагировать, поскольку эти нарушения могут привести к экономической нестабильности, создать угрозу безопасности государства, но это не может препятствовать реализации конституционных прав граждан, в противном случае наше государство перестанет быть социальным²⁶.

Перечисленные риски дают повод задуматься о поиске баланса интересов граждан и государства в цифровую эпоху. Полагаем, что для реализации функций государства вполне возможно использовать достижения технического прогресса, соблюдая право каждого на неприкосновенность частной жизни, не допуская цифровой дискриминации граждан и предпринимая все возможные меры для защиты их персональных данных.

²² Баллы за отзывы // URL: <https://docs.ozon.ru/common/aktsii-bally-i-bonusy/bally-za-otzyvy/> (дата обращения: 11.11.2022).

²³ Premium-баллы // URL: https://docs.ozon.ru/common/aktsii-bally-i-bonusy/bally_premium/ (дата обращения: 11.11.2022).

²⁴ URL: <https://pro.yandex.ru/ru-ru/moskva/knowledge-base/service-taxi/app/raiting> (дата обращения: 03.11.2022).

²⁵ Минбалева А. В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. № 2. С. 10.

²⁶ Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (п. 1 ст. 7 Конституции РФ).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Головин Е. Г., Большакова В. М., Наумова Л. Ю.* Обеспечение прав и свобод граждан и риски цифровизации // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Т. 10. — № 2А. — С. 3—10.
2. *Минбалеев А. В.* Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. — 2022. — № 2. — С. 9—11.
3. *Мочалов А. Н.* Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 9. — С. 88—101.
4. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. — М. : Юрайт, 2014. — 715 с.

Юридическая практика

Накопительный счет

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых норм, регулирующих начисление процентов на остаток на счете физического лица, и наличия правовых оснований изменения размера начисляемых процентов на остаток на счете. При заключении договоров на открытие популярных так называемых накопительных счетов ни клиент, ни банк не имеют правовой защиты в части регулирования изменения размера процентов, начисляемых на остаток на счете физического лица. Правовые нормы не предусматривают возможности изменения в одностороннем порядке размера процентов, начисляемых на остаток на счете в сторону как увеличения, так и уменьшения, что стимулирует банки изначально устанавливать размер процентов, начисляемых на остаток на счете, на минимальном уровне либо включать условие о неначислении процентов на остаток по счету.

Анализ норм законодательства и практики позволил выявить проблему, возникающую при необходимости кредитным организациям изменить размер процентов, начисляемых на остаток на счете физического лица, что особенно характерно при работе с так называемым накопительным счетом и прийти к выводу о необходимости совершенствования норм действующего законодательства в целях развития безналичных расчетов и конкуренции, а также достижения единообразия в применении норм законодательства и защиты прав потребителей финансовых услуг — физических лиц.

Ключевые слова: накопительный счет, сберегательный счет, кредитная организация, договор банковского счета.

**Елена Викторовна
КУЛИЧЕВА,**

председатель Комитета
Ассоциации российских
банков

по банковскому
законодательству и
правоприменительной
практике

kvin.07@mail.ru

121069, Россия, г. Москва,
Скатертный пер. д. 20,
стр. 1

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.151-161

ELENA V. KULICHEVA,
Chairman of the ARB Committee
banking law and
law enforcement practice
kvin.07@mail.ru

20/1, Scatertny per., Moscow, Russia, 121069

Savings Account

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal norms governing the accrual of interest on the account balance of an individual, and the existence of legal grounds for changing the amount of accrued interest on the account balance. When concluding contracts for the opening of popular

© Куличева Е. В., 2023

so-called “savings” accounts, neither the client nor the bank have legal protection in terms of regulating changes in the amount of interest accrued on the account balance of an individual. Legal norms do not provide for the possibility of unilaterally changing the amount of interest accrued on the account balance both upwards and downwards, which encourages banks to initially set the amount of interest accrued on the account balance at a minimum level, or to include a condition on non-deduction of interest on the account balance. The analysis of the norms of legislation and practice made it possible to identify the problem that arises when credit institutions need to change the amount of interest accrued on the balance on the account of an individual, which is especially characteristic when working with the so-called “accumulative” account and come to the conclusion that it is necessary to improve the norms of current legislation in order to develop non-cash payments and competition, as well as uniformity in application of the norms of legislation and protection of the rights of consumers of financial services — individuals.

Keywords: *accumulative/savings account of an individual; interest accrued on the account balance; the possibility of changing the amount of interest accrued on the account balance.*

Кредитные организации активно предлагают физическим лицам (далее — клиенты, потребители) заключить так называемый договор накопительного счета. Указанный банковский продукт предполагает уплату кредитными организациями процентов за пользование денежными средствами, находящимися на счете, и реализуется под названиями «накопительный счет», «сберегательный счет», «копилка» и т.п.

Ни законодательство, ни банковские правила не содержат такого понятия, как «накопительный счет». Данный счет для потребителя является обычным текущим счетом.

Согласно вступившей в силу с 01.04.2022 инструкции Банка России от 30.06.2021 № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)»¹ (далее — Инструкция) имеются следующие виды счетов:

- текущие счета;
- расчетные счета;
- счета, предусмотренные бюджетным законодательством РФ;
- корреспондентские счета;
- корреспондентские субсчета;
- публичные депозитные счета;
- счета доверительного управления;
- специальные банковские счета (в том числе залоговые счета, номинальные счета, счета эскроу);
- счета по вкладам и депозитам (гл. 2).

¹ СПС «КонсультантПлюс».

И если счета по вкладам и депозитам открываются физическим лицам для учета денежных средств (драгоценного металла), размещаемых (размещаемого) в банках в целях получения доходов в виде процентов, то текущие счета открываются физическим лицам для совершения операций, не связанных с ведением предпринимательской деятельности (п. 2.1, 2.9 Инструкции).

Основанием открытия счета являются заключение договора банковского счета и осуществление идентификации в соответствии с Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (п. 1.2 Инструкции).

Открытие счета завершается, а счет является открытым с внесением записи об открытии соответствующего лицевого счета в книгу регистрации открытых счетов (п. 1.3 Инструкции)². Банк обязан располагать подтверждением получения обращения клиента об открытии счета, способы документирования которого должны быть определены банковскими правилами и (или) договором.

Основной интерес при заключении так называемого накопительного счета представляет вопрос о возможности изменения кредитной организацией размера процентов, начисляемых на остаток денежных средств на счете, о порядке начисления процентов и установлении иных условий их выплаты.

Гражданское законодательство, как и бухгалтерский учет, различает договор банковского счета и договор банковского вклада. Нормы о договоре банковского счета могут применяться к договору банковского вклада в силу п. 3 ст. 834 Гражданского кодекса РФ, нормы о договоре банковского вклада не могут применяться к договору банковского счета.

Наиболее близки, по сути, в данном вопросе договоры банковского счета и вклада до востребования. Права и обязанности сторон договора банковского счета в отличие от договора банковского вклада возникают с момента заключения договора (консенсуального договора), а не с момента внесения денежных средств на открытый банком счет. Соответственно, в силу данной нормы на счете, в отличие от вклада, может быть нулевой остаток.

По договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на открытый клиенту счет денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету (ст. 845 ГК РФ). То есть банковский счет используется для осуществления безналичных расчетов, а банковский вклад предусматривает возможность его пополнения или частичного использования.

В отличие от банковского вклада (депозита), текущий счет клиента не имеет ограничений по распоряжению денежными средствами на нем. Этот счет пополняем, не установлены минимальная сумма первоначального взноса и срок его действия, начисленные на остаток денежных средств на счете проценты могут быть использованы клиентом в любое время.

Закон предоставляет кредитной организации право изменять размер процентов, выплачиваемых на вклады до востребования (п. 2 ст. 838 ГК РФ). При этом по

² См. также: приложение к положению Банка России от 27.02.2017 № 579-П «О Планы счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения». П. 2.1 ч. 3 // СПС «КонсультантПлюс».

счетах вкладов расчеты не производятся. Для текущего счета, в отличие от вкладов до востребования, изменение размера процентов, начисляемых на остаток, законодательством не урегулировано, что порождает определенные проблемы и различный подход к установлению как размера процентов, так и порядка их начисления и выплаты.

Вопрос возможности изменения размера процентов, начисляемых на остаток на счете, крайне актуален для кредитных организаций.

Согласно ст. 852 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором банковского счета, за пользование денежными средствами, находящимися на банковском счете клиента, банк уплачивает проценты в размере, определяемом договором банковского счета, сумма которых зачисляется на счет. Сумма процентов зачисляется на счет в сроки, предусмотренные договором, а в случае, когда такие сроки договором не предусмотрены, по истечении каждого квартала. При этом, если в договоре банковского счета не определен размер процентов, проценты уплачиваются в размере, обычно уплачиваемом банком по вкладам до востребования (ст. 838 ГК РФ).

Закон предоставляет кредитной организации право выбора: уплачивать либо не уплачивать проценты за пользование денежными средствами, находящимися на счете клиента. По умолчанию за пользование денежными средствами, находящимися на банковском счете клиента, проценты кредитная организация в силу норм закона обязана уплатить. Именно данная норма закона, а также неурегулированный законодательством вопрос изменения кредитной организацией размера процентов, начисляемых на остаток на счете, стимулирует кредитные организации устанавливать в договоре минимальный размер начисляемых процентов (не выше ставки по вкладу до востребования), либо не начислять проценты на остаток на счете.

Используемый кредитными организациями в настоящее время подход к начислению повышенных процентов на остаток денежных средств на счете представляет интерес как для кредитных организаций, так и непосредственно для клиентов, в том числе и с учетом налогов.

Начисление процентов на остаток на счете повышает заинтересованность потребителей в размещении свободных денежных средств на текущих счетах в кредитных организациях, позволяя получить определенный доход при неограниченной возможности распоряжения денежными средствами на счете без потери ранее начисленных процентов на остаток на счете. Использование данной конструкции договора стимулирует население к хранению денег на счетах и безличным расчетам.

В договоре так называемого накопительного счета кредитные организации используют законодательные нормы договора банковского счета и по аналогии с законодательным порядком начисления и изменения процентов по договору вклада до востребования.

Как правило, размер начисляемых процентов определяется и изменяется кредитными организациями самостоятельно в зависимости от потребности в привлечении денежных средств вне рамок заключенных с клиентами договоров путем издания приказа, в том числе в рамках проводимых акций.

Что же собой представляет договор накопительного счета, заключенный с потребителем?

По договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту, денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету. При этом банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств клиента и устанавливать другие не предусмотренные законом или договором банковского счета ограничения права клиента распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению (п. 1, 3 ст. 845 ГК РФ).

Банк обязан заключить договор банковского счета с клиентом, обратившимся с предложением открыть счет на объявленных банком для открытия счетов данного вида условиях согласно требованиям, предусмотренным законом и установленными в соответствии с ним банковскими правилами (п. 1, 2 ст. 846 ГК РФ).

Как правило, текущий счет потребителя открывается кредитной организацией на основании договора присоединения, условия которого определены в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (п. 428 ГК РФ). При этом договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения (ст. 422 ГК РФ). Договор банковского счета является публичным (ст. 426 ГК РФ).

Согласно ст. 30 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» отношения между кредитными организациями и их клиентами осуществляются на основе договоров, если иное не предусмотрено федеральным законом. В договоре должны быть указаны стоимость банковских услуг и сроки их выполнения, а также порядок расторжения и другие существенные условия договора.

Таким образом, если кредитная организация предусмотрела начисление процентов на остаток на счете, размер процентов, начисляемых на остаток денежных средств на счете, является существенным условием договора.

Однако ни глава 45 Гражданского кодекса РФ, ни нормативные акты Банка России не устанавливают правила начисления процентов на остаток средств на счете, порядок изменения размера процентов и срок уведомления клиента об этом изменении.

Если в отношении тарифа за проведение расчетных операций достаточно предусмотреть в договоре условие о применении тарифа, действующего на момент проведения расчетной операции³, то в части изменения размера процентов, начисляемых на остаток на счете, подобное условие предусмотреть в договоре не представляется возможным. Размер процентов, начисляемых на остаток на счете, относится к тем существенным условиям договора банковского счета, по которым стороны должны достичь согласия.

Таким образом, в случае необходимости изменения размера процентов должны применяться общие нормы гражданского законодательства об изменении договора. Также имеется возможность предусмотреть в договоре так называемую «плавающую» процентную ставку, например, зависящую от ключевой ставки

³ Куличева Е. В. Вправе ли банк в одностороннем порядке изменять размер тарифов по совершению расчетных операций? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10 (50). С. 165.

Банка России. Соответственно, размер процентов на остаток на счете будет изменяться при изменении ключевой ставки Банка России независимо от воли сторон договора. Однако данный подход к изменению размера процентов на остаток на счете не может устраивать кредитные организации, которые используют проценты в том числе для привлечения клиентов.

Статья 310 Гражданского кодекса РФ допускает согласование в договоре права на одностороннее изменение только в случаях, когда договор заключается в связи с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности. Цель данной нормы состоит в защите слабой стороны договора. Следовательно, подразумеваемый в ней запрет не может распространяться на случаи, когда в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем.

Изменение условий договора по соглашению сторон в случае публичного договора счета, заключенного с потребителями, практически нереализуем. В связи с этим «соглашение» сторон зачастую оформляется кредитной организацией включением соответствующего пункта в договор банковского счета, предусматривающего прекращение клиентом договора банковского счета при его несогласии с измененным размером процентов на остаток на счете. Подобный подход не может рассматриваться как соглашение сторон, так как мнение более слабой стороны в договоре (потребителя) фактически кредитную организацию не интересует и не учитывается, а законное право клиента в любой момент без объяснения причин расторгнуть договор банковского счета декларируется как волеизъявление на изменение условий договора.

Модельные правила европейского частного права⁴ гласят, что подобного рода условия договора с учетом оценки всех обстоятельств могут признаваться несправедливыми и блокироваться судом в случае навязывания их потребителю.

Согласно ст. II.–9:410 Модельных правил европейского частного права к условиям, которые предполагаются несправедливыми в договорах между предпринимателем и потребителем, относятся в том числе следующие:

(1) условие договора между предпринимателем и потребителем предполагается несправедливым для целей применения указанного раздела правил, если оно предложено предпринимателем и если оно:

(i) позволяет предпринимателю в отсутствие указанных в договоре уважительных причин изменять условия договора в одностороннем порядке; это положение не затрагивает условий, в силу которых лицо, оказывающее финансовые услуги, сохраняет право при наличии уважительных причин изменять без уведомления размер процентов, которые должны уплачиваться потребителем либо потребителю, или размер других платежей за предоставление финансовых услуг, при условии, что лицу, оказывающему услуги, вменяется в обязанность при первой возможности известить об этом потребителя, а потребитель сохраняет право немедленно прекратить договорные отношения; ничто из указанного не затрагивает условий, в силу которых предприниматель сохраняет право в одностороннем порядке изменять условия договора, заключенного на неопределенный срок, при

⁴ Модельные правила европейского частного права / пер. с англ. ; науч. ред. Н. Ю. Расказова. М. : Статут, 2013. 989 с.

условии, что он остается обязанным заблаговременно уведомить потребителя, а потребитель имеет право расторгнуть договорные отношения;

(j) позволяет предпринимателю без уважительных причин в одностороннем порядке изменять любые характеристики предоставленных вещей, иного имущества или услуг.

Толкование условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия (п. 2 ст. 838 ГК РФ). Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.).

Обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями (ст. 309 ГК РФ).

Одностороннее изменение условий обязательств не допускается, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, другими законами или иными правовыми актами (п. 1, 2 ст. 310 ГК РФ). В случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне⁵.

Если одностороннее изменение условий обязательства совершено тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон, или не соблюдено требование к их совершению, то по общему правилу такое одностороннее изменение условий договора не влечет юридических последствий, на которые они были направлены⁶.

Изменение договора возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено Гражданским кодексом РФ, другими законами или договором (п. 1 ст. 450 ГК РФ).

Договор в письменной форме может быть заключен путем:

- составления одного документа, подписанного сторонами;
- обмена письмами, в том числе электронными;
- акцепта письменной оферты конклюдентными действиями (п. 3 ст. 434 ГК РФ).

Соглашение об изменении или о расторжении договора по общему правилу совершается в той же форме, что и договор (ст. 452 ГК РФ).

В случае с договором банковского счета возникает вопрос о возможности ссылаться на конклюдентные действия клиента и (или) молчание клиента (п. 3

⁵ Обзор судебной практики № 1, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54» «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». П. 12 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

ст. 158 ГК РФ). Согласие на совершение сделки может быть выражено любым способом, за исключением случаев, когда законом установлена конкретная форма согласия. Однако молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом (п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25).

Согласно ст. 158 Гражданского кодекса РФ конклюдентными действиями является поведение лица, которое ясно выражает намерение на совершение сделки. Заключать сделки таким способом допустимо лишь тогда, когда это прямо предусмотрено законом либо сделка может быть совершена в устной форме.

Действительно, воля лица установить правоотношение (заключить, изменить или расторгнуть договор) может быть выражена не только в письменной или устной форме, но и в его поведении. Такое поведение принято называть конклюдентными действиями (от лат. *conclude* — заключаю, делаю вывод). Однако, не всякое поведение лица выражает его волю на установление правоотношения⁷.

Под конклюдентными действиями понимается поведение, направленное на достижение конкретного результата, совершение сделки, при этом выражение воли одной из сторон не прямое, а косвенное. Например, принимая товар от поставщика без заключения договора, покупатель создает правовые последствия по оплате товара.

Конклюдентными действиями одной стороны в ответ на письменное предложение другой стороны можно изменить письменный договор, так как такое поведение сторон будет считаться письменным соглашением об изменении договора (п. 3 ст. 434 ГК РФ).

В качестве способа изъять волю на акцепт письменной оферты возможны активные конклюдентные действия стороны договора, что допускается законом и признается соблюдением письменной формы договора (п. 3 ст. 438, п. 3 ст. 434 ГК РФ). Например, в ответ на оферту в виде счета покупатель осуществляет оплату, в ответ на заявку на отгрузку товара поставщик осуществляет отгрузку и проч.

Конклюдентные действия выражаются в совершении активных действий стороной, чье волеизъявление на изменение условий сделки требуется, и эти действия не являются прямым выражением воли, а выражают волю косвенно, что позволяет другой стороне договора с уверенностью заключить, что воля на порождение соответствующих правовых последствий выражена.

Подобную конструкцию в договоре текущего счета, заключаемого с потребителем, представить сложно. Совершение операций по счету в силу норм закона — это право клиента и обязанность банка, соответственно, совершение клиентом операций по счету в случае его информирования об изменении размера процентов, начисляемых на остаток на счете, не может рассматриваться как конклюдентные действия клиента по согласованию изменения размера процентов.

По смыслу п. 3 ст. 438 ГК РФ для рассмотрения конклюдентных действий в качестве акцепта достаточно того, что лицо, которому была направлена оферта, приступило к исполнению предложенного договора на условиях, указанных в

⁷ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.05.1997 № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров». П. 5.

оферте, и в установленный для ее акцепта срок. При этом не требуется выполнения всех условий оферты в полном объеме⁸.

Молчание не признается акцептом, если иное не вытекает из закона, соглашения сторон, обычая или прежних деловых отношений сторон (п. 2 ст. 438 ГК РФ).

Гражданский кодекс рассматривает конклюдентные действия как допустимую форму заключения договора даже при отсутствии письменных документов. Договор с обязательной письменной формой считают заключенным и при пороке формы, что возможно, если одна из сторон приняла письменную оферту путем совершения действий по выполнению условий договора (п. 3 ст. 434, п. 3 ст. 438 ГК РФ). Однако если не выполнены установленные требования, ссылка на конклюдентные действия невозможна. Например, оператор связи был не вправе требовать от абонента самостоятельно проверять изменение тарифов на услуги связи⁹.

Гражданин является экономически слабой стороной и нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость ограничить свободу договора для другой стороны, т.е. для банков¹⁰.

Закон не содержит запрета банкам изменять условия банковского обслуживания, но в случаях с клиентами — физическими лицами изменение договора банковского обслуживания должно быть совершено в форме, которая позволяет однозначно установить согласие потребителя на обслуживание на новых условиях. Уведомление клиентов банка об изменении условий путем размещения на официальном сайте банка соответствующей информации не может расцениваться как надлежащее изменение условий договора¹¹. В случаях с клиентами — физическими лицами изменение договора банковского обслуживания должно быть совершено в форме, которая позволяет однозначно установить согласие потребителя на обслуживание на новых условиях¹².

Банк России также отметил, что уведомление клиентов кредитной организации об изменении условий путем размещения на официальном сайте соответствующей информации не может расцениваться как надлежащее изменение условий договора¹³.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», если одностороннее изменение условий обязательства совершено тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон, или не соблюдено требование к их совершению, то по общему правилу такое одностороннее изменение условий договора не влечет юридических

⁸ См. об этом: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». П. 13.

⁹ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 31.07.2020 № Ф03-2359/2020 по делу № А04-6643/2019 // URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/2404-chto-takoe-konklyudentnye-deystviya>.

¹⁰ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П.

¹¹ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.02.2020 № 78-КГ19-52.

¹² См.: определение Верховного Суда РФ от 11.02.2020 № 78-КГ19-52, 2-1807/2018.

¹³ См.: письмо Банка России от 14.06.2022 № ИН-03-59/82.

последствий, на которые они были направлены. Данная позиция отражена и в определении Верховного Суда РФ от 23.03.2021 по делу № 33-КГ20-6-КЗ, которым установлено, что одностороннее изменение банком условий договора ущемляет гарантированные законом права потребителя, а потому является ничтожным.

Таким образом, изменение условий заключенного между кредитной организацией и клиентом договора возможно только в случае получения от клиента согласия в той форме, в которой был заключен основной договор, либо путем совершения конклюдентных действий, причем согласие физического лица должно быть выражено явно и однозначно. То есть молчание клиента либо совершение клиентом операции по счету не может рассматриваться как однозначно и явно выраженное согласие клиента на изменение условий заключенного договора банковского счета.

Из целей законодательного регулирования может следовать, что содержащийся в императивной норме запрет на соглашение сторон об ином должен толковаться ограничительно. В частности, суд может признать, что данный запрет не допускает установление сторонами только условий, ущемляющих охраняемые законом интересы той стороны, на защиту которой эта норма направлена¹⁴.

Так, частью 4 ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» установлен запрет на одностороннее изменение кредитной организацией порядка определения процентов по кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином, однако это не означает, что запрещено такое одностороннее изменение указанного порядка, вследствие которого размер процентов по кредиту уменьшается.

То есть по аналогии с приведенным примером в случае увеличения кредитной организацией размера процентов, начисляемых на остаток на счете, нарушения прав клиента не происходит, но при уменьшении размера процентов клиент не получает согласованный сторонами доход.

Таким образом, в связи с отсутствием законодательного регулирования возможности изменения размера процентов, начисляемых на остаток денежных средств на счете, имеется правовая неопределенность как для кредитных организаций, так и для их клиентов. Также имеются существенные правовые риски для кредитных организаций в случае уменьшения размера процентов, начисляемых на остаток на счете, зафиксированного в договоре.

Второй вопрос, требующий нормативного урегулирования при работе с текущими счетами, это порядок начисления процентов на остаток на счете, возможность установления ограничений или иных условий, влияющих на выплату процентов, а также срок, за который кредитная организация обязана уведомить клиента об изменении размера процентов, начисляемых на остаток на счете.

Кредитными организациями используются различные подходы как к порядку начисления процентов, так и к сроку уведомления клиента об изменении размера процентов, начисляемых на остаток на счете.

Как правило, договоры предусматривают уведомление клиента об изменении размера процентов, начисляемых на остаток на счете, за 3—5 дней.

Одни банки начисляют проценты на минимальный остаток по счету и повышают размер процентов по истечению определенного времени, другие выплачивают

¹⁴ См.: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». П. 2, 3.

проценты за определенный период времени (ежемесячно) по совокупному остатку по счету, иногда имеются условия совершения покупок на определенную сумму, как правило, на сумму не менее 10 000 руб. в месяц по карте кредитной организации. Проценты могут начисляться ежемесячно по среднему остатку на счете, ежедневно на ежедневный остаток (среднемесячный остаток), на минимальный остаток в течение месяца.

Отдельные кредитные организации устанавливают минимальную сумму денежных средств на счете, на которую начисляются проценты на остаток на счете. Например, тарифы АО «Почта Банк» предусматривают начисление процентов по накопительному счету на сумму остатка 100 000 рублей и выше.

Вопрос изменения размера начисляемых процентов на остаток денежных средств на счете в настоящее время не урегулирован и законом не разрешен.

На данную проблему неоднократно обращала внимание Ассоциация российских банков¹⁵. Для решения правовой неопределенности были подготовлены предложения по внесению изменений в законодательство, а именно в ст. 852 ГК РФ. Предлагается предоставить кредитным организациям самостоятельно регулировать размер процентов, начисляемых на остаток денежных средств на счете, по аналогии с нормами п. 2 ст. 838 ГК РФ, предусматривающими право банка изменять размер процентов, выплачиваемых на вклады до востребования. Подобное изменение позволит обеспечить единообразный подход к решению вопроса при сохранении гибкого подхода к установлению размера начисляемых кредитной организации процентов.

Предлагаемый подход актуален с учетом развития безналичных расчетов и конкуренции, повышения заинтересованности граждан в размещении свободных денежных средств на текущих счетах в кредитных организациях, а также обеспечения единообразия в применении норм законодательства и позволит урегулировать вопросы по начислению и порядку изменения размера процентов, начисляемых на остаток на счете по договору банковского счета.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ. ; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. — М. : Статут, 2013. — 989 с.
2. Куличева Е. В. Вправе ли банк в одностороннем порядке изменять размер тарифов по совершению расчетных операций? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 10. — С. 164—176.

¹⁵ См.: письмо АРБ № А-01/5-181 от 05.03.2019 ; письмо Комитета по государственному строительству и законодательству Государственной Думы № 3.1-26/495 от 08.04.2019 ; письмо АРБ № А-03/5-228 от 02.06.2022 ; письмо Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 01-28/220 от 03.10.2022.

Точка зрения

**Денис Владимирович
ДАВИДЕНКО,**

адвокат Коллегии
адвокатов

Саратовской области

«Волжская»,

кандидат юридических наук

dendavid@mail.ru

410002, Россия, г. Саратов,

ул. Некрасова, д. 17, оф. 211

**Право денежного обращения:
системный анализ**

Аннотация. Системный анализ необходим для установления границ права денежного обращения и описания механизма его функционирования. Установить системные связи между институтами денежного обращения позволяет понятие денежной системы, которая является интегральной категорией, отражающей устройство денежного обращения. Элементы денежной системы точно описывают состав, границы и характер внутренних связей общественных отношений, относящихся к предмету права денежного обращения. Институты права денежного обращения лежат в основе отношений, составляющих содержание кредитных денег и опосредующих их эмиссию, а также отношений по организации и регулированию денежного обращения, необходимость в которых обусловлена фиатной природой денег. Институты права денежного обращения имеют разную отраслевую принадлежность, но между ними существует тесная функциональная связь, обусловленная единством цели и распределением задач в рамках механизма денежного обращения. Правовое регулирование обращения современных денег имеет частноправовую и публично-правовую основу. Взаимодействие между институтами реализуется в рамках комплексных правоотношений.

Ключевые слова: денежное обращение, денежная система, институты права денежного обращения, фиатные деньги, эмиссия денег, денежно-кредитное регулирование, система и взаимодействие институтов права денежного обращения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.162-170

DENIS V. DAVIDENKO,

lawyer of the Bar Association

Saratov region "Volzhskaya",

Cand. Sci. (Law)

dendavid@mail.ru

of. 211, 17, ul. Nekrasov, Saratov, Russia, 410002

Law of Monetary Circulation: System Analysis

Abstract. System analysis is necessary to establish the boundaries of the law of money circulation and describe the mechanism of its functioning. The concept of the monetary system, which is an integral category reflecting the

structure of monetary circulation, allows establishing systemic links between the institutions of money circulation. The elements of the monetary system accurately describe the composition, boundaries and nature of the internal relations of social relations related to the subject matter of the law of monetary circulation. The institutions of the law of money circulation underlie the relations that make up the content of credit money and mediate their emission, as well as relations for the organization and regulation of money circulation, the need for which is due to the fiat nature of money. The institutions of the law of monetary circulation have different industry affiliations, but there is a close functional relationship between them, due to the unity of purpose and the distribution of tasks within the mechanism of monetary circulation. The legal regulation of the circulation of modern money has a private law and public law basis. Interaction between institutions is implemented within the framework of complex legal relations.

Keywords: *monetary circulation, monetary system, institutions of the law of monetary circulation, fiat money, issue of money, institutional basis of monetary circulation, functions of money, currency regulation, monetary regulation, regulation of money settlements, international currency regulation, private law and public law legal institutions of monetary circulation, the system and interaction of institutions of the law of monetary circulation.*

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению системы правовых институтов, регулирующих денежное обращение¹. Как представляется, предложенные описания недостаточно точно отражают исследуемое явление.

При установлении и описании институтов денежного обращения следует исходить из структуры денежной системы. Денежная система — это интегральная категория, объединяющая весь спектр отношений, так или иначе связанных с денежным обращением, лежащим в их основе.

В юридической литературе денежное обращение определяется как процесс непрерывного движения денег или денежной массы в наличной и безналичной формах². Устройство же денежного обращения, «*модель его существования*»³

¹ См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. С. 699—717 ; Артемов Н. М., Арзуманова Л. Л., Ситник А. А. Денежное право (финансово-правовое регулирование обращения национальной и иностранной валюты на территории Российской Федерации) : колл. монография. М. : Элит, 2011. С. 92 ; Кучеров И. И. Право денежного обращения : курс лекций. М. : Магистр ; Инфра-М, 2013. С. 90 ; Денежное обращение и право : материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 26 апреля 2013 г. / под ред. И. А. Цинделиани. М. : РГУП, 2014. С. 150.

² См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2010. С. 328 ; Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. М. Ашмарина, С. О. Шохин. М. : Элит, 2009. С. 128.

³ Артемов Н. М., Арзуманова Л. Л., Ситник А. А. Указ. соч. С. 65.

образует денежную систему. Другими словами, денежное обращение и денежная система соотносятся как отношения и способ их организации.

Определение денежной системы было дано в Законе РФ от 25.09.1992 № 3537-1 «О денежной системе Российской Федерации»⁴. Статья 2 этого нормативного акта устанавливала, что денежная система Российской Федерации состоит из официальной денежной единицы, порядка эмиссии наличных денег, организации и регулирования денежного обращения.

Предложенное определение может быть предметом для обсуждения, тем не менее оно содержит базовый набор элементов, поэтому его можно положить в основу исследования. Достоинством этого определения является официальное признание.

Денежная единица — это законодательно закрепленный знак стоимости. В Российской Федерации денежной единицей является российский рубль. Физическое воплощение денежной единицы может иметь разные формы и отличаться по экономической природе в соответствии с социально-экономическими условиями общества. Валютой Российской Федерации, согласно Федеральному закону от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁵, являются денежные знаки в виде банкнот и монет Банка России, а также средства на банковских счетах и в банковских вкладах (ст. 1).

В соответствии со ст. 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁶ (далее — Закон о Банке России), банкноты и монеты Центрального банка РФ, т.е. наличные деньги, являются безусловными обязательствами Банка России и обеспечиваются всеми его активами. В настоящее время это обязательство юридически не существует. Наряду с банкнотами и монетами, в денежном обращении используются безналичные деньги, которые, в свою очередь, являются обязательствами кредитных организаций по договору банковского счета. Другими словами, современная денежная единица Российской Федерации имеет кредитную природу. Такие деньги называются фиатными.

Следующий элемент денежной системы — механизм эмиссии денег, который является производным от кредитной природы денег, а его конкретное содержание зависит от формы денег.

Согласно ст. 75 Конституции РФ функцию денежной эмиссии осуществляет Банк России⁷. Однако это конституционное положение сформулировано некорректно, в эмиссии принимают участие оба уровня банковской системы. Эмиссия наличных денег происходит в результате их обмена на безналичные деньги, т.е. как перевод долга от кредитных организаций к Центральному банку РФ.

⁴ Закон РФ от 25.09.1992 № 3537-1 «О денежной системе Российской Федерации» (с изм. от 26.04.1995) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 43. Ст. 2406 ; СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1593 (утратил силу).

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790 ; Российская газета. 2022. № 159.

⁷ См.: Конституция РФ от 12.12.1993 (изм. от 04.10.2022). Ст. 75 // Российская газета. 1993. № 237 ; URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202210060013>.

В случае возникновения потребности кредитных организаций в наличных деньгах Центральный банк РФ переводит банкноты и монеты из резервного фонда в оборотные кассы расчетно-кассовых центров, откуда они поступают в кассы кредитных организаций и далее списываются с безналичных счетов их клиентов.

До поступления в кассы расчетно-кассовых центров наличные деньги не считаются выпущенными в обращение. Выпуск безналичных денег является результатом деятельности преимущественно субъектов второго уровня банковской системы. В безналичной форме деньги эмитируются в процессе так называемого банковского мультипликатора всякий раз, когда кредитная организация совершает ссудные операции. Выданный кредит поступает на счет клиента и происходит увеличение денежной массы⁸.

В своей совокупности наличные и безналичные деньги образуют денежную массу, или денежный агрегат Центрального банка РФ М2. В структуре денежной массы порядка 80 %, приходится на безналичные деньги⁹, т.е. эмиссия используемых в Российской Федерации денег является следствием главным образом ссудных операций кредитных организаций.

Отсутствие у фиатных денег реальной стоимости диктует в качестве обязательного условия их обращения необходимость предварительного создания инфраструктурной основы и формирования механизма, опосредующего реализацию денежных функций. Поэтому неотъемлемым элементом современной денежной системы являются отношения по организации и регулированию денежного обращения.

Для кредитных денег институциональной основой обращения являются субъекты банковской системы, операторы платежной системы, Международного валютного фонда, валютные биржи и др. Отношения по организации деятельности перечисленных институтов и образуют один из элементов денежной системы. Сюда относится широкий спектр отношений — от организации налично-денежного обращения, в том числе обеспечения кассовой дисциплины, до банковского регулирования, например, отношений по ограничению банковских рисков.

Деньги выполняют пять базовых функций: они являются средством обращения и платежа, средством определения меры стоимости и ее сохранения, а также инструментом мировых денег. Реальные деньги выполняли эти функции в силу заложенной в них стоимости. У фиатных денег отсутствует своя стоимость, этот их недостаток компенсируют отношения по регулированию денежного обращения.

Функции денег в качестве меры стоимости (масштаба цен) и средства сохранения стоимости опосредуют отношения по денежно-кредитному и валютному регулированию.

Проведение денежно-кредитной и валютной политики возложено на Банк России и Правительство РФ. Эти два направления деятельности преследуют единую цель, а именно через спрос и предложение на валютном рынке обеспечить нужную динамику курса национальной валюты. Согласно основным направлениям

⁸ См.: Деньги, кредит, банки / под ред. О. И. Лаврушина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2000. С. 51—59.

⁹ Денежная масса (национальное определение). 2022 // URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ms/>.

единой государственной денежно-кредитной политики, целью денежно-кредитной политики Банка России является защита и обеспечение устойчивости рубля¹⁰. Из преамбулы Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» следует, что валютное регулирование преследует цель обеспечения устойчивости валюты Российской Федерации.

Непосредственным объектом воздействия денежно-кредитного регулирования является денежная масса, находящаяся в обращении. Валютное регулирование оказывает воздействие на платежный баланс страны. Платежный баланс — это соотношение платежей, производимых из страны, и платежей, производимых в страну.

Для достижения стоящей перед денежно-кредитным регулированием цели Банк России использует инструменты, приведенные в ст. 35 Закона о Банке России. В качестве инструментов валютного регулирования используются валютные ограничения, перечисленные в Законе «О валютном регулировании и валютном контроле» (например, количественное ограничение на вывоз из Российской Федерации иностранной валюты).

Функцию денег в качестве средства обращения и платежа опосредуют отношения, возникающие в связи с регулированием наличных и безналичных расчетов. Это регулирование осуществляется с целью обеспечения эффективного и бесперебойного функционирования платежной системы (ст. 82.2 Закона о Банке России) и возложено на Центральный банк РФ. Для достижения указанной цели Банк России устанавливает правила наличных расчетов, правила, формы и стандарты безналичных расчетов (ст. 82.3 Закона о Банке России).

К отношениям по регулированию наличных и безналичных расчетов относится и обеспечение ликвидности фиатных денег. Ликвидность рубля обеспечивается посредством закрепления в законодательстве обязанности использовать в качестве единственного законного платежного средства российский рубль и запрет на использование в расчетах иностранной валюты и денежных суррогатов (ст. 27 Закона о Банке России). Это правило воплощается в гражданских, бюджетных, налоговых и других отношениях.

Функция мировых денег реализуется в международных экономических отношениях. Эту функцию опосредует международное валютное регулирование. Центральное место в современной валютной системе занимают Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. Основным инструментом их деятельности является выделение странам-участницам кредитов в иностранной валюте. Выделение кредита позволяет, с одной стороны, обеспечить выполнение международных обязательств по денежным расчетам, с другой — поддержать национальную валюту через выравнивание пропорций платежного баланса страны-участницы.

За рамками денежной системы остались отношения по организации и регулированию обращения драгоценных металлов. Между тем нельзя с полной определенностью утверждать, что драгоценные металлы утратили денежные функции, скорее, они приобрели латентное состояние. При деградации современной

¹⁰ См.: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов // Вестник Банка России. 2022. № 58—59.

денежной системы неизбежно возрождение золота и серебра в качестве денег, как минимум по отдельным денежным функциям, тенденция к чему наблюдается уже в настоящее время. Поэтому, исследуя денежное обращение, необходимо иметь в виду и отношения в сфере обращения драгоценных металлов. К этой группе принадлежат, например, отношения по управлению золото-валютными резервами и отношения по регулированию в области обращения драгоценных металлов¹¹.

Нетрудно заметить, что денежную систему образуют два контура отношений. Центральное место занимают кредитные отношения, наполняющие внутреннее содержание денег и служащие основой для их эмиссии и обращения. Эти отношения имеют форму банковских операций¹². Второй контур принадлежит отношениям по организации и регулированию денежного обращения. С правовой точки зрения, отношения, принадлежащие к первой группе, являются диспозитивными и регулируются частноправовыми методами, вторую группу образуют отношения власти и подчинения, они регулируются публично-правовыми методами.

Не вызывает сомнений, что правовой основой частноправовых отношений в сфере денежного обращения являются нормы гражданского права, в частности институты безналичных расчетов, банковского счета и др. Отраслевая принадлежность правовых институтов, лежащих в основе отношений власти и подчинения в этой сфере, не столь очевидна. К ним относятся институты валютного регулирования и валютного контроля, денежно-кредитного регулирования, регулирования обращения наличных денег, регулирования безналичных расчетов и др.

По мнению ряда авторов, публично-правовое регулирование денежного обращения относится к сфере финансового права¹³. Наличие финансово-правовой природы у рассматриваемых институтов вызывает сомнение. Предметом финансового права являются публичные финансы¹⁴. Очевидно, что современная денежная система имеет одинаковое отношение к образованию, распределению и использованию денежных фондов государства (муниципальных образований) и непубличных хозяйствующих субъектов, поэтому включение рассматриваемых институтов в систему финансового права является, скорее, допущением, чем реальностью.

Следует согласиться с авторами, которые не отождествляют публично-правовое регулирование отношений в сфере функционирования субъектов банковской системы с отраслью финансового права, а относят его к банковскому праву, выделяя последнее в самостоятельную правовую отрасль¹⁵. Именно к этой отрасли права принадлежат исследуемые публично-правовые институты.

Особенностью исследуемых правовых институтов является преходящий характер их отраслевой принадлежности. В истории денежного обращения

¹¹ См.: Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (с изм. от 28.06.2022) // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1463; 2022. № 27. Ст. 4606.

¹² См.: Закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. от 05.12.2022). Ст. 5 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357; СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8792.

¹³ См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. С. 61.

¹⁴ См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. С. 38.

¹⁵ См.: Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В., Хоменко Е. Г. Банковское право : учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2007. С. 17—18.

неоднократно происходили изменения экономической природы денег, развитие денежной системы продолжается и в настоящее время. Вместе с трансформацией денежной системы происходит изменение ее правовой основы — изменяются образующие ее институты, заложенные в них методы правового регулирования, нормативно-правовая основа, отраслевая принадлежность и пр. Так, например, эмиссия выполнявших денежные функции казначейских билетов осуществлялась исполнительной властью в рамках бюджетного процесса и, соответственно, регулировалась нормами бюджетного права.

Незыблемым в правовой основе денежного обращения остается только набор правовых институтов, соответствующий строго определенным задачам и общей цели правового регулирования денежного обращения. Каждый элемент системы является конструктивно необходимым. Так, не вызывает сомнения, что функционирование криптовалюты предполагает решение аналогичных задач: осуществление эмиссии, организацию инфраструктуры, обеспечение безопасности обращения, масштабирование денежной массы и т.д.

Наличие единой цели правового регулирования и распределение в рамках этой цели строго определенных задач указывает на функциональную связь между правовыми институтами денежного обращения. Эта связь более тесная, чем механическая связь, объединяющая институты в рамках некоторых правовых отраслей исключительно на основе предмета и метода правового регулирования. Функциональное взаимодействие позволяет выделить институты денежного обращения на общеправовом фоне в единую тесно взаимосвязанную систему, даже несмотря на отличия в методах правового регулирования.

Характерной особенностью взаимодействия этих институтов является взаимное дополнение. Так, частноправовые методы позволяют удовлетворять публичные интересы, и наоборот, публично-правовые методы обеспечивают реализацию частных интересов, поэтому частноправовое и публично-правовое начала в рассматриваемых отношениях зачастую не имеют строго очерченных границ. Например, кредитные отношения, являясь диспозитивными, образуют основу эмиссии, удовлетворяя тем самым публичные интересы.

Другой пример — денежно-кредитное регулирование. Осуществляя в публичных интересах денежно-кредитное регулирование, Банк России использует две группы инструментов, которые условно можно разделить на административные и экономические. «Административные» инструменты применяются в рамках отношений власти и подчинения, к ним относятся, в частности, обязательные резервные требования. Ко второй же группе относятся инструменты, посредством которых осуществляется косвенное воздействие на спрос/предложение денег, например валютные интервенции. Применяя эти инструменты, Центральный банк РФ вступает с кредитными организациями в равноправные отношения в форме соответствующих операций и сделок.

В качестве обратного примера можно привести банковское регулирование, в частности правила безналичных расчетов или нормы пруденциального регулирования. Имеющее публично-правовую природу банковское регулирование осуществляется не только с целью обеспечения устойчивости банковской системы, но и для защиты интересов кредиторов и вкладчиков (ст. 56 Закона о Банке России).

Другими словами, в денежной системе можно обнаружить уникальное явление — диспозитивные отношения, имеющие публичное значение, и публичные отношения, основанные на диспозитивных методах регулирования. Отсюда, в частности, происходит выделение договорных отношений с публично-правовой составляющей на фоне иных сделок, определяемых термином «банковские операции».

Следует отметить, что вызывает сомнение стремление исследователей объединять правовые институты в комплексные отрасли права¹⁶. Введение метода правового регулирования в качестве критерия для классификации правовых норм стало значительным научным достижением, позволившим проводить более точную систематизацию права. Попытки создать комплексные правовые отрасли снижают уровень юридической техники, поэтому о взаимодействии институтов денежного обращения в рамках комплексной правовой отрасли говорить не следует. Эти институты связаны в рамках межотраслевого взаимодействия, которое находит воплощение в комплексных правоотношениях.

Рассматриваемые институты, образуя квинтэссенцию правового регулирования денежного обращения, не могут не взаимодействовать с другими правовыми институтами в порядке уже правовой специализации. Являясь по содержанию регулятивными, эти институты в рамках механизма правового регулирования связаны с охранительными нормами, с конституционными нормами-принципами и т.д.

Межотраслевой характер не исключает возможности объединить рассматриваемые институты под общим названием, например «право денежного обращения», как предлагает И. И. Кучеров. Термин «право» обозначает любую совокупность правовых норм и может использоваться не только применительно к отраслям. Одинаково верным будет обозначить это объединение валютным правом или правом стоимости.

Таким образом, право денежного обращения состоит из строго определенного набора функционально дополняющих друг друга институтов. Эти правовые институты, имея разную отраслевую принадлежность, объединены в единую систему и взаимодействуют в рамках комплексных правоотношений, используя частнопроводные и публично-правовые методы регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В., Хоменко Е. Г. Банковское право : учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2007.
2. Артемов Н. М., Арзуманова Л. Л., Ситник А. А. Денежное право (финансово-правовое регулирование обращения национальной и иностранной валюты на территории Российской Федерации) : колл. монография. — М. : Элит, 2011.
3. Денежное обращение и право : материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 26 апреля 2013 г. / под ред. И. А. Цинделиани. — М. : РГУП, 2014.

¹⁶ См.: Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. М. : Юристъ, 2003. С. 16—22.

4. Деньги, кредит, банки / под ред. О. И. Лаврушина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Финансы и статистика, 2000. — С. 51—59.
5. Кучеров И. И. Право денежного обращения : курс лекций. — М. : Магистр ; Инфра-М, 2013.
6. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. — М. : Юристъ, 2003.
7. Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. М. Ашмарина, С. О. Шохин. — М. : Элит, 2009.
8. Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2010.
9. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2008.

Особенности правосубъектности кредитных организаций (на примере законодательства Республики Таджикистан)

Аннотация. *Вопрос правосубъектности кредитных организаций изучается давно, однако до сих пор нет полноценного суждения по нему. Какой вид правосубъектности свойствен кредитным организациям — это в современной науке является острым вопросом. Определение вида правосубъектности кредитных организаций имеет прежде всего теоретическое значение, но и не лишено практического смысла. На сегодняшний день существуют различные мнения по данному вопросу. Современная наука от простого деления правосубъектности всех юридических лиц на общую и специальную давно отошла, и сейчас существует более широкий перечень видов правосубъектности. Авторы выделяют различные виды правосубъектности кредитных организаций — смешанную, исключительную, общую, частично ограниченную общую, специальную и др. Тем не менее приводимые авторами аргументы в пользу своей позиции опровергаются другими, не менее убедительными аргументами. В данной статье проанализированы все известные на сегодня виды правосубъектности, свойственной кредитным организациям, и выдвинута новая авторская концепция решения поставленной проблемы.*

Ключевые слова: *кредитные организации, правосубъектность, специальная правоспособность, общая правоспособность, исключительная правоспособность.*

Мухаммад юсуф ШУХРАТПУР,

аспирант кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов
mshukhratpur@list.ru
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.171-179

MUHAMMADYUSUF SHUKHRATPUR,

graduate student of the Department of Civil Law and Procedure and International Private Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
mshukhratpur@list.ru
6, ul. Miklukho-Maclay, Moscow, Russia, 117198

Peculiarities of Legal Personality of Credit Organizations (on the example of the Republic of Tajikistan)

Abstract. *The issue of the legal personality of credit organizations has been studied by the authors for a long time, but there is still no full-fledged judgment on it. What type of legal personality is characteristic of credit*

© Шухратпур М., 2023

organizations — in modern science is an acute issue. Today there are different opinions on this issue. Modern science has long advanced from the primitive division of the legal personality of all legal entities into general and special. The authors identify different types of legal personality of credit organizations — mixed, exclusive, general, partially limited general, special, partially limited general, etc. However, the arguments given by the authors in favor of their position are refuted by other equally convincing arguments. This article analyzes all currently known types of legal personality inherent in credit organizations, and puts forward a new author's concept of solving the problem.

Keywords: *credit organizations, legal personality, special legal capacity, general legal capacity, exclusive legal capacity.*

Исследование природы правосубъектности кредитных организаций необходимо начать с тезиса о том, что в действующем гражданском законодательстве легально определена только правоспособность юридических лиц, в том числе кредитных организаций. Однако в научной литературе употребляются и обосновываются различные термины, в том числе понятие «правосубъектность»¹.

Употребление термина «правосубъектность» в отношении всех видов юридических лиц обусловлено двумя факторами:

- 1) в Гражданском кодексе Республики Таджикистан (далее — ГК РТ) для юридических лиц установлена лишь правоспособность, которой недостаточно для самостоятельного участия в гражданских правоотношениях;
- 2) в ГК РТ для юридических лиц не установлено наличие второго элемента, а именно дееспособности. Как известно, понятие «правосубъектность» включает в качестве элементов правоспособность и дееспособность. Исходя из этого, термин «правосубъектность» может выступать общим элементом, охватывающим названные категории, и обобщать в себе их содержание.

Так как правосубъектность кредитных организаций — это прежде всего частный случай правосубъектности юридических лиц, полагаем, что указанные понятия должны исследоваться с учетом их соотношения.

В Республике Таджикистан легально признается существование как коммерческих, так и некоммерческих кредитных организаций. Поэтому анализ особенностей правосубъектности кредитных организаций следует осуществлять в отношении всех названных видов кредитных организаций. В перечень некоммерческих кредитных организаций входят такие организации, как Национальный банк

¹ *Mark A. G. Legal Personality // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. P. 8646 ; Белькова Е. Г. О категориях «правосубъектность» и «праводееспособность» // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 55 ; Кирсанова А. В. Понятия «правосубъектность», «правоспособность», «дееспособность» юридических лиц // Юридический вестник СамГУ. 2015. Т. 1. № 2. С. 140 ; Муль А. В. Момент возникновения правоспособности и дееспособности юридических лиц // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 7 (68). С. 38.*

Таджикистана (далее — НБТ), микрокредитный фонд, некоммерческий кредитный кооператив и кредитный союз. В силу некоммерческого характера деятельности названных субъектов обладание ими специальной правосубъектностью представляется правомерным.

В современных научных исследованиях выделяются различные виды правосубъектности кредитных организаций. Одни авторы склоняются к тому мнению, что некоторые субъекты права (в том числе кредитные организации) могут обладать одновременно несколькими видами правоспособности: общей, специальной, исключительной. Такая правоспособность называется смешанной². Другие настаивают только на исключительной правоспособности кредитных организаций³. Группа авторов поддерживает теорию об общей правоспособности кредитных организаций⁴.

Согласно мнению некоторых исследователей, кредитные организации обладают частично ограниченной общей правоспособностью⁵. Кроме того, в литературе было высказано мнение о частично ограниченной специальной правоспособности кредитных организаций⁶. И, наконец, ряд ученых поддерживают идею о специальной правоспособности кредитных организаций⁷.

- ² Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. М. : Юристъ, 2003. С. 109. Ссылаясь на данную теорию, О. А. Тарасенко говорит о «смешанной правоспособности». См.: Тарасенко О. А. Изучение категории «правоспособность кредитной организации» сквозь призму закона, доктрины и практики // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 27.
- ³ Курбатов А. Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования и проблемы реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 77, 81 ; Рыбакова С. В. Финансовая правосубъектность кредитных организаций // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 49, 51—52 ; Дмитриева Е. В. Особенности правосубъектности юридических лиц // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сборник трудов XIV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция. Кострома, 14—16 декабря 2017 г. С. 265—266.
- ⁴ Рахимзода М. З. Проблемы правового регулирования кредитных организаций в Республике Таджикистан // Законодательство. 2017. № 1 (25). С. 27—28 ; Зайнидинов Ф. А. Дееспособность юридических лиц // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2020. № 7. С. 241.
- ⁵ Ефимова Л. Г. Банковское право. М., 2010. Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. С. 273, 275, 287, 326.
- ⁶ Тарасенко О. А. Указ. соч. С. 29—30 ; Рукавишников Д. В. Правоспособность кредитной организации // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62 (16). С. 61.
- ⁷ Трофимов К. Т. Кредитные организации в банковской системе Российской Федерации (гражданско-правовые проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 77 ; Носиров А. Л. Правовой механизм несостоятельности (банкротства) банков и иных кредитных организаций по законодательству Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2008. С. 64 ; Каширин С. В. Правовое регулирование деятельности кредитных организа-

Таким образом, можно констатировать, что современная доктрина не смогла прийти к единому мнению относительно вида правоспособности кредитных организаций.

Для начала следует заметить, что в законодательстве отсутствует классификация правосубъектности юридических лиц на общую и специальную. Иными словами, закон не употребляет термины «общая правоспособность» или «специальная правоспособность» применительно к юридическим лицам. По этому поводу С. Н. Прошин пишет, что «такое деление легально неопределенное, а существующее по факту»⁸. Норма статьи 49 ГК РФ лишь косвенно подтверждает существование общей и специальной правосубъектности.

Общеизвестно, что общей правосубъектностью обладают коммерческие организации, которые имеют право осуществлять любые виды деятельности, прямо не запрещенные законом. Однако существуют исключения, когда правосубъектность коммерческих организаций не является общей. Здесь речь идет о другой разновидности правосубъектности юридических лиц, известной как специальная правосубъектность. В части 1 ст. 49 ГК РФ установлено, что правоспособность унитарных предприятий является исключением из общего правила об общей правосубъектности коммерческих организаций. Иными словами, их правосубъектность является не общей, а специальной.

В соответствии со ст. 49 ГК РФ специальная правоспособность предусмотрена не только для унитарных предприятий, но также для «иных видов организаций, предусмотренных законом».

Однако перечень указанных «иных видов организаций, предусмотренных законом», предстоит выяснить. В этот список можно включить те коммерческие организации, в учредительных документах которых указан исчерпывающий перечень видов деятельности. Правосубъектность таких коммерческих организаций добровольно ограничена их учредительными документами путем включения в него закрытого перечня видов деятельности.

Таким образом, коммерческие организации обладают общей правосубъектностью, за исключением некоторых указанных выше случаев, а некоммерческие организации наделены специальной правосубъектностью.

В контексте анализа необходимо определить вид правосубъектности, свойственный кредитным организациям. Для начала рассмотрим теорию «смешанной правосубъектности»⁹ кредитных организаций. Кредитные организации как

ций на рынке банковских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 28 ; Овечкин А. П. Правовой статус кредитной организации // Вестник Юридического института МИИТ. 2015. № 2 (10). С. 106 ; Идрисова Э. А. Особенности правового статуса кредитной организации // Теория и практика современной науки. 2017. № 10 (28). С. 78 ; Алиев Э. Г. Характер правоспособности кредитной организации // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания : сборник материалов II Международной научной конференции. Красково, 11—12 апреля 2018 г. С. 168.

⁸ Прошин С. Н. Некоторые вопросы специальной правоспособности юридических лиц // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 44.

⁹ См.: Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Указ. соч. С. 109 ; Тарасенко О. А. Указ. соч. С. 27.

юридические лица имеют те же права (имущественные и личные неимущественные), которыми закон наделил всех юридических лиц. Указанными правами обладают все юридические лица без исключения, в том числе кредитные организации. Чтобы иметь такие права, не нужно располагать каким-либо особым статусом.

Помимо указанных общих прав и в зависимости от своего особого статуса, а также от рода деятельности, юридические лица могут дополнительно наделяться специальными правами, которые присущи только им. Например, кредитные организации располагают правом на осуществление банковской деятельности. Отсюда следует, что кредитные организации как юридические лица обладают теми же правами, что и все остальные юридические лица, а также присущими только им специальными правами. Именно на такой теоретической базе основывается теория смешанной правосубъектности кредитных организаций.

Кроме того, каждый субъект права можно рассматривать как участника правоотношений в рамках конкретной отрасли права и, следовательно, определять его отраслевую правосубъектность. В этом смысле каждый субъект права может иметь правосубъектность в гражданском праве, административном праве и т.д. Иными словами, субъект может обладать гражданско-правовой правосубъектностью, административно-правовой правосубъектностью и др. В этой связи представляется, что авторы, которые признали за кредитными организациями наличие «смешанной правосубъектности», на самом деле не сумели выделить из нее различные отраслевые виды правосубъектности.

Следовательно, кредитные организации обладают не смешанной правосубъектностью, а наделены, соответственно, гражданско-правовой правосубъектностью, финансово-правовой и т.п. правосубъектностью.

Другим широко распространенным направлением в науке о правосубъектности стала теория об исключительной правосубъектности кредитных организаций. Значительный вклад в разработку этой теории внес А. Я. Курбатов. Подчеркивая легальное обоснование исключительной правосубъектности кредитных организаций, указанный автор пишет, что «исключительная правосубъектность закреплена законодательно...». Однако в другом контексте он отмечает, что это «выводится путем толкования закона...», а также заключает, что его вывод «основывается на положениях закона...»¹⁰.

Сторонники исключительной правосубъектности кредитных организаций обосновывают свою теорию следующими экономическими и правовыми аргументами. Например, они уверены, что субъекты осуществляют ту деятельность, которая законодательно установлена для конкретного вида организаций. Соответственно, другие юридические лица не вправе осуществлять такую же деятельность, поскольку не обладают соответствующим статусом, не располагают необходимой лицензией, в своих учредительных документах не могут изменить перечень законно разрешенных видов деятельности, не вправе совмещать свою деятельность с другими предпринимательскими видами деятельности и т.п.¹¹

Однако такой подход позволяет отыскать исключительную правосубъектность у значительной группы юридических лиц, а возможно — у всех юридических лиц,

¹⁰ Курбатов А. Я. Указ. соч. С. 55, 74, 77.

¹¹ Курбатов А. Я. Указ. соч. С. 55, 71, 77—87 ; Рыбакова С. В. Указ. соч. С. 49, 51—52.

поскольку все они занимаются разными видами деятельности, которые неизбежно должны обладать какими-то отличиями. В правосубъектности каждого субъекта есть свои особенности, но можно ли на этом основании говорить об их исключительности?

Представляется, что исключительность деятельности кредитных организаций по сравнению с другими юридическими лицами заключается в том, что они вправе заниматься банковской деятельностью, т.е. имеют право на привлечение вкладов, открытие банковских счетов, предоставление банковских кредитов и т.п. Кроме того, признаки исключительности имеет деятельность страховых организаций, которой не вправе заниматься кредитные организации. По мнению А. Я. Курбатова, «правосубъектность ломбардов и жилищных накопительных кооперативов тоже можно определить как исключительную, а кредитного потребительского кооператива — как специальную»¹². Как выясняется, у всех названных субъектов есть своя исключительная деятельность, хотя исключительность должна быть уникальна, единична и неповторима.

Об исключительной деятельности кредитных организаций и, как следствие, об их исключительной правосубъектности можно было бы говорить, если бы виды деятельности, которыми занимаются кредитные организации, действительно не могли осуществляться другими юридическими лицами. Однако на сегодняшний день это не так. Деятельность кредитных организаций по предоставлению кредитов не является исключительной, потому что ее полным аналогом является деятельность некредитных организаций, которые профессионально предоставляют займы широкому кругу заемщиков.

На основании изложенного представляется, что теория исключительной правосубъектности кредитных организаций не является обоснованной.

Что касается общей и частично ограниченной общей правосубъектности кредитных организаций, то следует заметить, что деятельность кредитных организаций имеет свою специфику, которая базируется на установлении запретов (запрет на осуществление производственной, торговой и непосредственно страховой деятельности¹³) и необходимости получения лицензии. Из данной особенности вытекает, что кредитные организации не вправе осуществлять все виды деятельности, не запрещенные законом, а значит, их правосубъектность не может считаться общей.

Для подтверждения этого нужно ответить лишь на один вопрос: имеют ли кредитные организации право осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законом? Отрицательный ответ на этот вопрос, безусловно, подчеркивает отсутствие у кредитных организаций общей правосубъектности. Там, где отсутствует общая правосубъектность, сложно говорить о частично ограниченной общей правосубъектности. Кредитные организации никак не относятся к организациям с общей правосубъектностью, чтобы их общая правосубъектность была бы ограничена частично.

¹² Курбатов А. Я. Указ. соч. С. 74—75.

¹³ Закон Республики Таджикистан от 19.05.2009 № 524 «О банковской деятельности». Ст. 3 // URL: <http://ncz.tj/legislation> (дата обращения: 16.01.2021).

В продолжение этого умозаключения следует подчеркнуть, что единственный фактор, как-то приближающий правосубъектность кредитных организаций к общей правосубъектности, — это коммерческий характер их деятельности. Однако, как было отмечено, не все коммерческие организации владеют общей правосубъектностью, а кредитные организации выступают частным явлением.

Относительно частично ограниченной специальной правосубъектности можно привести те же доводы. Специальная правосубъектность является ограниченной, а если ограничить и без того ограниченную правосубъектность, суть не изменится: она все равно остается ограниченной. Как было отмечено, ограниченная правосубъектность — это не что иное, как специальная правосубъектность. По этой причине и с учетом специфических свойств и признаков кредитных организаций характеристика, данная авторами правосубъектности, — «специальнее специальной»¹⁴ — является вполне объективной.

Опираясь на содержание ст. 49 ГК РТ и вышеизложенный анализ, допустимо сделать вывод, что правосубъектность коммерческих организаций может быть специальной в трех случаях, если:

- 1) это унитарное предприятие — *исключительно зафиксированная* специальная правосубъектность;
- 2) в силу закона ограничено право юридических лиц осуществлять любые не запрещенные законом виды деятельности — *легально установленная* специальная правосубъектность;
- 3) в учредительных документах содержится исчерпывающий перечень деятельности юридических лиц — *добровольно определенная* специальная правосубъектность.

Таким образом, кредитные организации можно отнести к *легально установленной* специальной правосубъектности коммерческих организаций. Правосубъектность кредитных организаций в силу легально установленных запретов на осуществление определенных видов деятельности, необходимости получения лицензии на осуществление своей деятельности, осуществления исключительно установленной деятельности, является специальной.

Специальная правосубъектность кредитных организаций отличается от специальной правосубъектности других коммерческих организаций, учредители которых в добровольном порядке, посредством фиксирования перечня их деятельности в учредительных документах предопределяют для них специальную правосубъектность. Специальная же правосубъектность кредитных организаций основывается на нормах закона и не зависит от воли учредителей.

Характер деятельности кредитных организаций не влияет на определение вида правосубъектности: как коммерческие, так и некоммерческие кредитные организации владеют *легально установленной* специальной правосубъектностью.

¹⁴ Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Элмалян А. М. Указ. соч. С. 104 ; Тарасенко О. А. Указ. соч. С. 29.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алиев Э. Г.* Характер правоспособности кредитной организации // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания : сборник материалов II Международной научной конференции. — Красково, 11—12 апреля 2018 г. — С. 64—68.
2. *Белькова Е. Г.* О категориях «правосубъектность» и «праводееспособность» // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2006. — № 6. — С. 55—58.
3. *Дмитриева Е. В.* Особенности правосубъектности юридических лиц // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сборник трудов XIV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция. — Кострома, 2017. — С. 263—266.
4. *Ефимова Л. Г.* Банковское право. — М., 2010. — Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. — 404 с.
5. *Зайнидинов Ф. А.* Дееспособность юридических лиц // Вестник Таджикского национального университета. — Серия социально-экономических и общественных наук. — 2020. — № 7. — С. 238—242.
6. *Идрисова Э. А.* Особенности правового статуса кредитной организации // Теория и практика современной науки. — 2017. — № 10 (28). — С. 74—80.
7. *Каширин С. В.* Правовое регулирование деятельности кредитных организаций на рынке банковских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 216 с.
8. *Кирсанова А. В.* Понятия «правосубъектность», «правоспособность», «дееспособность» юридических лиц // Юридический вестник СамГУ. — 2015. — Т. 1. — № 2. — С. 134—140.
9. *Курбатов А. Я.* Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования и проблемы реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 422 с.
10. *Муль А. В.* Момент возникновения правоспособности и дееспособности юридических лиц // Вопросы современной юриспруденции. — 2017. — № 7 (68). — С. 33—38.
11. *Носиров А. Л.* Правовой механизм несостоятельности (банкротства) банков и иных кредитных организаций по законодательству Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. — Душанбе, 2008. — 183 с.
12. *Овечкин А. П.* Правовой статус кредитной организации // Вестник Юридического института МИИТ. — 2015. — № 2 (10). — С. 104—111.
13. *Прошин С. Н.* Некоторые вопросы специальной правоспособности юридических лиц // Юридическая наука. — 2011. — № 2. — С. 44—46.
14. *Рахимзода М. З.* Проблемы правового регулирования кредитных организаций в Республике Таджикистан // Законодательство. — 2017. — № 1 (25). — С. 25—32.
15. *Рукавишников Д. В.* Правоспособность кредитной организации // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 62 (16). — С. 57—62.

16. Рыбакова С. В. Финансовая правосубъектность кредитных организаций // Журнал российского права. — 2017. — № 9 (249). — С. 47—54.
17. Тарасенко О. А. Изучение категории «правоспособность кредитной организации» сквозь призму закона, доктрины и практики // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 3 (43). — С. 24—32.
18. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. — М. : Юристъ, 2003. — 448 с.
19. Трофимов К. Т. Кредитные организации в банковской системе Российской Федерации (гражданско-правовые проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 392 с.
20. Mark A. G. Legal Personality // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. — 2001. — P. 8646—8650.

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ КАФЕДРЫ

25 ноября 2022 г. в рамках XII Московской юридической недели состоялась совместная XXIII Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и XXII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Государство и право России в современном мире», в ходе которой была организована и проведена на площадке РАНХиГС секция «Проблемы обеспечения стабильности банковской системы в условиях санкций».

Соорганизаторами работы секции являлись:

- кафедра банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (принимающая сторона);
- кафедра предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова;
- юридический факультет Финансового университета при Правительстве РФ;

— кафедра предпринимательского права Уральского государственного юридического университета.

Модераторами секции выступили:

— Шамиль Шагабанович Узденов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

— Людмила Георгиевна Ефимова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

— Гульнара Флюровна Ручкина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, декан юридического факультета, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ;

— Владимир Сергеевич Белых, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета;

— Елизавета Борисовна Лаутс, кандидат юридических наук, доцент, руководитель НОЦ «Центр правовых исследований в сфере банковской деятельности» юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

В ходе работы секции были рассмотрены вопросы антикризисного регулирования рынка банковских услуг в условиях санкций, сделан анализ состояния банковской системы в условиях санкций; обсуждались влияние санкций на управление проблемной задолженностью и непрофильными активами кредитных организаций, трансформация банковской системы Российской Федерации в одноуровневую систему в результате внедрения платформы цифрового рубля на базе модели D, оплата по QR-коду как способ безналичных расчетов, а также другие правовые проблемы банковской деятельности.

Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2021. — 624 с. — ISBN 978-5-392-35695-9.

В учебнике излагаются все темы курса «Банковское право», который преподается в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Главы учебника посвящены основным вопросам создания и функционирования банковской системы Российской Федерации и порядка осуществления банковских операций. Авторы курса уделили особое внимание не только основным теоретическим проблемам отрасли, но и наиболее актуальным вопросам правоприменительной практики. Нормативные акты используются по состоянию на 1 октября 2021 г.

Учебник рассчитан на студентов бакалавриата Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обучающихся по направлению «Юриспруденция», аспирантов, научных и практических работников, всех интересующихся банковским правом.

Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки : учебник для магистратуры / вступ. ст. Л. А. Новоселовой. — М. : Проспект, 2023. — 672 с. — ISBN 978-5-392-38127-2.

Учебник подготовлен для лиц, обучающихся в Российской школе частного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ. Он рассчитан на углубленное изучение одноименной дисциплины «Денежные обязательства и финансовые сделки», которая преподается на кафедре финансовых сделок и новых технологий в праве в рамках образовательной программы «Магистр частного права». В учебнике изложены основные теоретические позиции по проблемам теории денежных обязательств и основных финансовых сделок — как урегулированных ГК РФ (договор банковского вклада, договор банковского счета, договор займа, кредитный договор, договор финансирования под уступку денежного требования), так и не урегулированных им (договор о выдаче и использовании банковской карты, договор эквайринга).

Подробно разобрана разработанная автором теория расчетных сделок с анализом каждой сделки. Отдельно рассмотрены наиболее популярные в настоящее время вопросы правового регулирования цифрового рубля, криптовалюты, цифровых прав, которые проанализированы с гражданско-правовой точки зрения с учетом взглядов, высказанных как в российской, так и в иностранной юридической литературе.

Помимо изучения основных проблем теории гражданского права в области финансовых сделок, обучающиеся смогут ознакомиться с наиболее важными правовыми позициями судебной практики. Нормативные акты приводятся по состоянию на 1 сентября 2022 г.

Учебник рассчитан не только на студентов магистратуры Российской школы частного права, но и на обучающихся по дисциплинам «Гражданское право», «Договорное право», аспирантов, научных и практических работников, всех интересующихся гражданским правом.

Тарасенко О. А., Хоменко Е. Г. Теория и практика применения банковского законодательства : учебник — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2021. — 504 с. — URL: <http://ebs.prospekt.org/book/44315>.

Представленный учебник содержит системное изложение основных институтов банковского права в соответствии с учебной дисциплиной «Теория и практика применения банковского законодательства», входящей в профессиональный цикл магистерской программы «Правовое сопровождение бизнеса (бизнес-юрист)» в качестве обязательной дисциплины. В нем последовательно рассмотрены банковская система Российской Федерации и субъекты ее предпринимательской деятельности, цифровой банкинг, правовые основы национальной платежной системы, правовое положение и деятельность Банка России и кредитных организаций в ординарных и экстраординарных правовых режимах. Раскрыты актуальные проблемы законодательства о банковских счетах, переводах денежных средств, банковском кредитовании, валютных операциях и операциях кредитных организаций на рынке ценных бумаг.

В книге применяется оригинальная методика изложения и подачи материала, ориентированная на поиск разумного баланса между теориями и концепциями, практикой и проблемами, а также педагогикой, основанная на использовании специальных методических приемов, облегчающих усвоение материала под общим названием «Маршрут движения». Во многом благодаря ее внедрению 1-е издание этого учебника было удостоено 1-го места в номинации «Лучший учебник для подготовки магистров».

Законодательство представлено по состоянию на 30 ноября 2020 г. Книга рекомендована магистрантам, аспирантам, преподавателям юридических и экономических вузов и факультетов, работникам банковской системы.

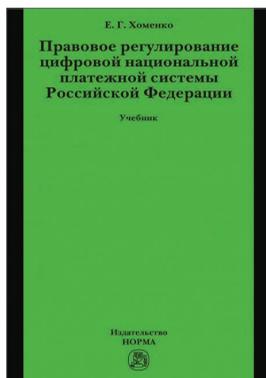
Глоссарий основных понятий устойчивого развития с комментариями / отв. ред. М. В. Мажорина, И. Е. Михеева, Б. А. Шахназаров. — М. : Проспект, 2022. — 168 с.

Глоссарий как сборник основных терминов и понятий, предложенных авторами для использования в науке и практике устойчивого развития, предназначен для уяснения смысла активно развивающихся в современном мире отношений устойчивого развития, особенностей их правового регулирования.

Законодательство приведено по состоянию на 21 июня 2022 г. Книга может быть использована в научной и образовательной деятельности при обучении специалистов по самым различным направлениям

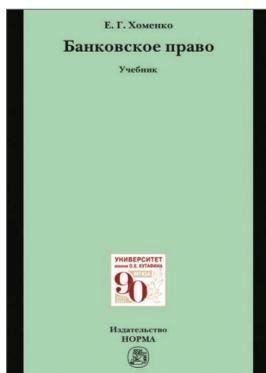

подготовки, включая юристов, экономистов, экологов, социальных работников; в законотворческой и правоприменительной деятельности в различных областях отношений, связанных с устойчивым развитием.

Хоменко Е. Г. Правовое регулирование цифровой национальной платежной системы Российской Федерации : учебник. — М. : Норма ; Инфра-М, 2023. — 240 с.

Учебник посвящен актуальной проблеме — анализу цифровых преобразований в современной национальной платежной системе и платежных системах как ее структурных элементах. В учебнике последовательно раскрываются особенности построения национальной платежной системы России, круг ее субъектов, взаимосвязь с банковской системой нашего государства и банковскими системами ряда зарубежных стран. Анализируются особенности функционирования платежной системы Банка России, показана ее высокая значимость в сфере расчетов с учетом внедряемых новых цифровых технологий. Освещены преимущества применения современных технологий и инструментов, а также связанные с этим новые серьезные риски, затрагивающие интересы потребителей платежных услуг, в том числе физических лиц.

Хоменко Е. Г. Банковское право : учебник. — М. : Норма ; Инфра-М, 2021. — 376 с.

Учебник содержит системное изложение основных институтов банковского права в соответствии с учебной дисциплиной «Банковское право», преподаваемой по кафедре банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В нем последовательно рассмотрены банковская система Российской Федерации и ее структура; особенности кредитных организаций как субъектов банковского права; правовые основы национальной платежной системы, круг субъектов национальной платежной системы, ее взаимосвязь с банковской системой России; раскрыто актуальное правовое регулирование системы страхования вкладов; исследовано законодательство о банковских счетах.

Уделено внимание соотношению электронных денежных средств с электронными средствами платежа; механизму безналичных расчетов и порядку реализации института платежного клиринга.

Рассмотрены основные виды банковских кредитов; валютные операции, совершаемые с участием уполномоченных банков, и операции кредитных организаций на рынке ценных бумаг. В книге применяется схематичное и табличное изложение материала с целью облегчить восприятие наиболее сложных вопросов банковского права.

Законодательство представлено по состоянию на 10 января 2021 г. Книга рекомендована студентам бакалавриата Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обучающимся по направлению «Юриспруденция», аспирантам, преподавателям юридических и экономических вузов и факультетов, всем, кто интересуется проблемами банковского права.

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М. : Проспект, 2021. — 416 с.

В монографии произведен анализ основных теоретико-практических проблем, поставленных перед юридической общественностью новой технической революцией, которая привела к цифровизации экономики большинства стран мира. При подготовке монографии авторы опирались на достижения юридической и технической мысли большинства развитых стран мира. Была использована юридическая литература Великобритании, США, Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Японии, Белоруссии и России.

В работе содержатся предложения по изменению доктрины частного права в части таких новых правовых явлений, как цифровые права, цифровое имущество, криптовалюта, токены, правоотношения на платформе блокчейн, электронный договор, смарт-контракт и т.п.

Кроме того, исследованы наиболее интересные проблемы цифровизации банковской деятельности, такие как межбанковские расчеты с использованием технологии блокчейн, расчеты посредством аккредитива, обеспечительные сделки с использованием технологии блокчейн, краудфандинг, ответственность и т.п.

Законодательство приведено по состоянию на июнь 2020 г.

Книга предназначена для практических работников банков, научных работников, аспирантов и студентов юридических вузов, всех интересующихся цифровым правом.

Михеева И. Е. Проценты и иные платежи по кредитному договору : монография. — М. : Юстицинформ, 2019. — 204 с.

Настоящая работа посвящена правовому анализу влияния принципа добросовестности на поведение кредитора при взыскании процентов и иных платежей по кредитному договору. Автор рассматривает такие вопросы, как правовая природа процентов за пользование кредитом, их отличие от процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ; размер процентной ставки; меры по ограничению ростовщических процентов; порядок изменения процентной ставки по соглашению сторон и в одностороннем порядке; сроки и порядок начисления и уплаты процентов; особенности начисления процентов при банкротстве заемщика; субсидирование процентной ставки. Исследуется соотношение понятий «комиссии» и «иные платежи» по кредитному договору.

Работа представляет интерес для сотрудников юридических, финансовых, методологических и бизнес-подразделений кредитных и микрофинансовых организаций, а также для заемщиков — организаций и частных лиц.

**Учебные и научные издания, подготовленные
с участием преподавателей кафедры**

1. **Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты** : монография / МГУ имени М. В. Ломоносова, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московское отделение Ассоциации юристов России, Международный союз юристов и экономистов (Франция) / под общ. ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой. — М. : Юстицинформ, 2021. — 276 с.
2. **Трансформация моделей правового регулирования объектов информационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт** : монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2021. — 592 с.
3. **Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России** : монография / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. — М. : Проспект, 2021. — 488 с.
4. **Гражданское право. Особенная часть** : учебник / под ред. М. В. Карпычева, О. Б. Сиземовой, А. М. Хужина. — М. : Проспект, 2023. — 848 с. — ISBN 978-5-392-38165-4.
5. **Источники и формы права в современной финансово-правовой науке** : монография / под ред. Х. В. Пешковой. — М. : Инфра-М, 2023. — 380 с.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

С. Н. Ландкоф Договор текущего счета и чек¹

Операции кредитных учреждений регулируются у нас почти целиком автономными правилами, разрабатываемыми и утверждаемыми самими кредитными учреждениями. Это объясняется в значительной степени тем, что банковские сделки, носящие различные технические наименования (подтоварные ссуды, аккредитивы, учет векселей, вклады и текущие счета разных видов) имеют в своей основе сделки, предусмотренные нашим ГК. В основе подтоварных ссуд лежит заем, осложненный залогом товаров. В основе учета векселей, вкладов и текущих счетов лежит договор займа с тем лишь отличием, что при учете векселей банк является кредитором, а при вкладах и текущих счетах банк является должником. В основе аккредитивных и инкассовых поручений лежит договор комиссии, а иногда и договор поручения. Так как залог, в том числе и залог товаров в обороте, и заем, и договор комиссии в главных и принципиальных своих чертах регулируются ГК, то законодатель, должно быть, не видит необходимости в специальном регулировании тех явлений, которые, хотя и отличаются некоторой специфичностью, но все же укладываются в принципиальных своих частях в рамки действующего законодательства.

Поэтому все то, что является специфичным для так называемых банковских сделок, не представляющих собой, по существу, ничего нового и оригинального в сравнении с уже известными в гражданском и торговом праве типичными договорами, представляет собою, скорее, ряд узко технических и прикладных норм, которые, естественно, устанавливаются кредитными учреждениями. Эти технические нормы имеют целью внести четкость и точность в работу разветвленного аппарата каждого из кредитных учреждений, но в то же время они имеют в виду и клиентуру кредитных учреждений: подчинить и последнюю своим техническим нормам, которые могут иметь иногда и определенное практическое значение, и некоторые материально-правовые последствия.

Так как кредитные учреждения всегда представляют собою экономически сильную в народном хозяйстве группу предприятий, то естественно, что все они вместе взятые и каждое в отдельности — в отношении своей клиентуры — диктуют свои правила производства операций своим клиентам.

Кредитные учреждения вырабатывают для каждого вида банковских сделок специальные правила. Для того, однако, чтобы не получилась пестрота в правилах разных кредитных учреждений об одной и той же операции, правила

*Самуил Наумович
Ландкоф (1887—1970),
советский и российский
ученый-правовед, доктор
юридических наук,
профессор*

¹ Публикуется глава из книги: *Ландкоф С. Н.* Торговые сделки : теория и практика : Агентурный договор. Залог товара в обороте. Государственные подряды и поставки. Купля-продажа. Договор комиссии. Договор складского хранения и варранты. Договор текущего счета и чек. Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1929. С. 258—273.

всех прочих кредитных учреждений равняются по правилам наиболее крупного кредитного учреждения. У нас, в частности, в основе правил, издаваемых кредитными учреждениями, лежат правила Государственного банка. Клиенту же, мало осведомленная обо всех этих правилах, которые нигде официально не публикуются, не рассылаются клиентуре и даже не вывешиваются в большинстве случаев в стенах кредитных учреждений, подчиняется им молча и механически. Подписывая тот или иной бланк заявления при производстве какой-либо операции, клиент, сам того не замечая и не уделяя этому должного внимания, подписывает и обязательство подчиняться всем правилам данного банка, как уже введенным для данного вида сделки, так и впредь могущим быть введенными.

Банковские правила, не утвержденные соответствующим Наркомфином Союза или союзной республики, не представляют собою нормативного акта, обязательного для всех третьих лиц, вступающих в сделки с кредитными учреждениями. Банковские правила становятся обязательными для каждого клиента банка с согласий самого клиента. Эти правила являются автономными правилами кредитных учреждений, в отличие от нормативных правил, имеющих значение нормативного акта и обязательных для третьих лиц, независимо от того, имеется ли согласие клиента банка на подчинение этим правилам. Нормативные правила утверждаются НКФ Союза или союзной республики в пределах компетенции последних. К числу таких нормативных правил относятся правила и инструкция о простых текущих счетах 19 января 1928 г., утвержденные НКФинном СССР для учреждений Госбанка. Однако банковские операции в значительной степени регулируются не законодательными актами и даже не нормативными ведомственными правилами.

Такое положение характерно не только для нашего кредитно-денежного обращения. Изредка в иностранном законодательстве регулируется тот или иной вид банковских сделок. <...>

В тех странах, где договор текущего счета регулируется законом, предусматриваются, главным образом, нормы: о начислении процентов по числу дней (§ 371 румын. торг. код.), о закрытии текущего счета с согласия одной из сторон, но по предварительному предупреждению за 10 дней (§ 792 аргент. Торг. код.), о закрытии текущего счета вследствие несостоятельности одной из сторон (§ 373 румын. торг. код.), об обязательной присылке банком клиенту ведомостей о состоянии счета в определенные периоды (§ 793 аргент. Торг. код. и § 372 румын. Торг. код.), о возможности открытия текущего счета без провизии клиента, а по авансам, выдаваемым банком (§ 791 аргент. Торг. код.). Таким образом, и в тех, весьма редких, случаях, где законодатель признал целесообразным регулирование договора текущего счета, он уделяет ему мало внимания и притом главным образом устанавливает технические нормы. Материально-правовых норм, особых для договора текущего счета, эти иностранные законы также не устанавливают, за исключением разве правил о порядке начисления процентов, так как эти нормы вообще не могут отличаться от норм, установленных для договора займа.

Не содержат эти иностранные законы и определения понятия текущего счета, а практика правильно считает их договорами займа. Содержится определение

текущего счета в инструкции НКФ СССР 19 января 1928 г. учреждениям Госбанка по операциям текущих счетов.

Текущим счетом называется операция приема денежных сумм от клиентов с уплатой установленного в пользу вкладчика процента или без такового и с предоставлением ему права свободного распоряжения внесенными суммами посредством письменных приказов-чеков (§ 1). Это определение переносит центр тяжести на техническую сторону, на «операцию приема денежных сумм». Но, по существу, содержанием договора текущего счета является заем денежных сумм банком у клиентов, но не техника и не «операция-приема». По договору текущего счета банк является заемщиком, а клиент, вносящий деньги в виде вклада на текущий счет — владелец текущего счета — является заимодавцем.

При совершении всякого договора займа стороны обуславливают и сроки, и способ уплаты денег заемщиком заимодавцу. Понятно поэтому, что и при договоре займа, именуемом договором текущего счета, должен быть предусмотрен порядок платежа по займу. И в этом-то моменте и заключается наиболее важное, что характеризует и отличает договор текущего счета. Заемщик-банк выражает свое согласие производить платежи по займам частично, в сроки по усмотрению заимодавца и по особым в каждом отдельном случае приказам заимодавца. Заимодавец-клиент принимает этот способ производства платежа по займу и, в свою очередь, обязуется посылать эти приказы с соблюдением всех технических правил, банком установленных, и по особой форме, в форме так называемых чеков.

Этот способ производства платежа по займу — текущему счету — платеж банком-заемщиком на основании чека или приказа клиента-заимодавца — вызвал усиленный интерес и торговой практики, и практики банковской, и юридической-литературы. Чрезвычайно большой рост текущих счетов, усиленное чековое обращение, большое экономическое значение развития чекового обращения создали то, что на протяжении пятидесяти лет с момента издания в Англии первого закона о чеках в 1865 г. изданы законы о чеках в 46 государствах и очень незначительное число государств, в том числе и СССР, не имеет и поныне чекового законодательства.

В то же самое время единичные страны знают законы о текущих счетах. По-видимому, правоотношения, возникающие на почве текущих счетов, столь несложны, что для регулирования таковых достаточно норм, посвященных договору займа. Между тем правоотношения, возникающие на почве чека — этого способа производства платежа по займу — текущему счету, столь сложны, что подавляющее большинство стран признало совершенно необходимым регулирование этого явления. Явление, возникшее на некоторой основе, оказалось сложнее своей основы. Чек, возникший из договоров текущего счета, оказался явлением более сложным, чем текущий счет. На практике такие явления имели место и раньше. Переводный вексель, возникший из переводных операций, оказался с точки зрения юридической, а также и в практическом обороте, явлением более сложным, чем перевод. Законодательное регулирование переводного векселя стало общим для всего мира явлением, тогда как законодательное регулирование перевода как такового, как основания, из коего возник переводный вексель, представляет собою явление единичное.

Интерес, проявленный и проявляемый к переводному векселю, равно как и интерес к чеку, вызван тем, что оба эти документа — и переводный вексель и чек — являются орудием кредита; что оба представляют ценные бумаги, выполняющие, по существу, одинаковые функции; что чек, как и переводный вексель, служит для перевода должником своего долга на третье лицо. Чек, как и вексель, представляет собою кредитную, циркуляционную бумагу. Чек, как и переводный вексель, представляет собою способ производства расчета с тем лишь отличием, что чек представляет собой способ производства расчета при договоре займа между чекодателем и банком, тогда как переводный вексель представляет собою способ производства расчета главным образом при договоре купли-продажи между трассантом-продавцом и трассантом-покупателем. Чек, как и переводный вексель, представляют собою приказ, даваемый кредитором должнику, и притом такой, который может и не исполняться.

Обязанность банка оплачивать чек не является результатом особого договора или договора, прозванного чековым, подобно тому, как обязанность трассата не является результатом особого вексельного договора. Обязанность платежа со стороны трассата, если она последним признается, является результатом той сделки, по которой должник-трассат желает произвести расчет с кредитором, чаще всего той купли-продажи, по которой покупатель не заплатил условленной цены. Обязанность банка — плательщика по чеку, если она последним признается, является результатом договора текущего счета, обязанностью заемщика уплачивать заем по требованию и приказу займодавца. Подобно тому как соглашение между продавцом и покупателем о согласии первого уплатить условленную цену частями и по переходным векселям не дает оснований к тому, чтобы признать в этом соглашении наличие вексельного договора, ибо вексель этот является способом платежа, предусмотренным единым, по существу, соглашением купли-продажи, — так и соглашение между заемщиком и займодавцем о согласии первого производить платежи по приказам-чекам второго не дает оснований усматривать здесь наличие чекового договора, ибо чек в данном случае является также лишь способом производства платежа, оговариваемым в едином договоре — договоре текущего счета.

Чек, как и переводный вексель, может ограничиться участием двух лиц, ибо чек, если он именной, может быть выписан чекодателем на свое имя, или чек может быть предъявлен к платежу самим чекодателем, если этот чек — предъявительский, подобно тому, как и трассант в переводном векселе может назначить себя и векселедержателем. Но, если исходить не из юридических возможностей и не из весьма ограниченной в своем применении практики, а из реальной действительности и из потребностей торгового оборота, то мы увидим, что чек, как и переводный вексель, всегда втягивает в свою орбиту третье лицо. Защита интересов множества третьих лиц и, стало быть, охрана интересов торгового оборота, но вовсе не особенности чекового договора, который, на наш взгляд, вовсе отсутствует, требует вмешательства законодателя. Могут при этом, однако, сказать, что если чек имеет столь много общего с переводным векселем, то не следует ли, проводя знак равенства между чеком и переводным векселем, ввести тождественные нормы для урегулирования обоих видов ценных бумаг, служащих способом производства платежа по другой сделке.

Чек является переводным векселем, но таким, к которому практика предъявила ряд новых требований ради увеличения его удельного веса в кредитно-денежном хозяйстве. И поэтому естественно, что и нормы о чеке, в основном совпадающие с нормами о переводном векселе, дают некоторое отклонение, свойственное исключительно чекам. В этом нетрудно будет убедиться не только на анализе иностранного законодательства о чеках, но и на анализе действующих в СССР автономных правил, изданных кредитными учреждениями о текущих счетах.

Не дает определения чека большинство законодательств. Но в тех законах, где это определение дано, мы в них находим все признаки переводного векселя. Чек является видом векселя, по которому плательщиком обозначен банкир и который оплачивается по востребованию (§ 73 англ. Закона 1882 г.). Посредством чека чекодатель поручает плательщику уплатить чекодержателю в обмен на чек определенную денежную сумму (§ 1 эстонск. Закона 2 июня 1927 г.). Мы имеем такие же определения, но в описательной форме. Всякое лицо, в распоряжении коего находятся денежные суммы в кредитном учреждении или у купца, может ими распорядиться посредством чека как в свою собственную пользу, так и в пользу третьих лиц (§ 339 итальянск. Торг. улож.). У нас нет закона о чеках и, следовательно, нет законодательного определения чека, но инструкция Госбанка 19 января 1928 г. также определяет чек как приказ вкладчика банку на выдачу сумм с его тек. счета наличными деньгами или для зачисления на другие счета (§ 18).

Для написания и действительности чека установлены также и реквизиты. Они перечислены в правилах НКФ СССР для Госбанка (§ 14 Правил и § 19 инструкции). <....>

Чек может быть передаваем по надписям, учиняемым на оборотной его стороне. Лица, учинившие надписи, несут ответственность как индоссанты по векселям. При нежелании нести ответственность в качестве надписателей, они могут внести в текст векселя соответствующую оговорку (*ohne Gewährleistung*; *Sans garantie* — «без «поручительства»), подобно тому как при учинении надписи на векселе допустима оговорка «без оборота на меня» (§ 15 герм. Зак., § 15 австр. Зак., § 1 франц. Зак. 1865 г., § 343 итальянск. Торг. улож., § 836 швейц. Обяз. права, § 10 португ. Зак. 12 января 1927 г., § 9 польск. Зак. 14 ноября 1924 г., § 18 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г., § 9 проекта Междун. торг. палаты). Во всех этих случаях индоссанты лишаются права регресса, как и в векселях, если чекодержатель не потребовал от плательщика-банка платежа в установленный чеком срок. Ответственность обязанных по чеку лиц является также солидарной, и, следовательно, чекодержатель может осуществить свое право обратного требования или против всех обязанных, или против некоторых, или одного из них, не теряя права последующего требования к тем, против которых оно еще не было обращено. Этих норм не может быть в автономных правилах кредитных учреждений, так как последние могут регулировать лишь взаимоотношения между банком и клиентом по д. т. с., но не правоотношения между третьими лицами — надписателями чека, которые с банком ничем не связаны.

Если практика и законодательство считают возможным устанавливать ответственность индоссантов, то нет достаточных оснований к отказу от возможности

поручительства (aval) по чекам. Эта возможность прямо признана в некоторых законах (§ 343 итальянск. Торг. улож., § 11 португ. Зак. 12 января 1927 г., § 25 польск. Зак. 14 ноября 1924 г.).

Чекодатель может выдавать чеки третьим лицам по разным основаниям. Чек может быть дан члену семьи или служащему не по какой-либо сделке взамен наличных денег, а для того, чтоб это лицо выполнило поручение, направленное на получение денег и передачу таковых чекодателю. Такие явления, конечно, возможны. Но не на этих поручениях основаны чек и экономическое значение чекового обращения. Пользование чеком преобладает в тех случаях, когда по той или иной сделке чекодатель должен произвести расчет с третьим лицом наличными деньгами, но взамен денег он выдает чек и этим самым переводит свою обязанность платежа на третье лицо. Лицо, принимающее чек взамен наличных денег, оказывает кредит, доверяет чекодателю. Если приказ чекодателя выполнен не будет и банк-плательщик по тем или иным причинам денег не заплатит, то чекодержатель может предъявить требование к чекодателю, основанное на чеке, либо класть в основу своего требования сделку, по которой чек выдан, так как чек не новирует обязательства.

И судебная наша практика стала на ту точку зрения, что чек, не оплаченный банком, дает основание чекополучателю предъявить иск к чекодателю о взыскании суммы неоплаченного чека, причем чекодатель не лишен права сделать все возражения по этому чеку, вытекающие из прежних отношений сторон, послуживших основанием к выдаче чека (опред. Пленума ВС РСФСР 19 апр. 1927 г. Е.С.Ю.², 1927, № 20). Эта практика, по существу, совершенно правильная.

Если вопрос о том, представляет ли вексель орудие кредита или орудие платежа, является в литературе спорным, и, следовательно, судебная практика может присоединиться к той или иной точке зрения, то уж, во всяком случае, совершенно бесспорным является и в литературе, и, кроме того, это признано в некоторых иностранных законах, что выдача чека не ликвидирует отношений между чекодателем и чекопринимателем. Неоплата чека банком дает чекопринимателю не только право требования по основной сделке суммы, соответствующей валюте выданного чека, но также и убытков и обусловленной неустойки за неисполнение договора. В данном случае чек, как и переводный вексель, являются также способом производства расчета по определенной сделке, но уж между другими лицами: между чекодателем и чекодержателем. Это — орудие краткосрочного кредита в торговом обороте, причем кредита, снабженного значительными гарантиями для кредитора непосредственно против чекодателя-должника: правом требования по основной сделке со ссылкой на чек как на доказательство либо правом требования по чеку со ссылкой на основную сделку в качестве доказательства. Гарантии интересов чекодержателя в некоторых законах носят квалифицированный характер, но о них несколько ниже будет сказано особо.

Переданный векселеприобретателю переводный вексель является также обязательством трассанта, ибо если трассат не произведет платежа, то к производству платежа обязан трассант. Выдаваемый вместо денег чек также является обязательством чекодателя. Если это так, то закономерно переданный

² Еженедельник советской юстиции. — *Прим. ред.*

чекодержателю чек не может быть взят обратно от чекодателя, равно как после выдачи чека чекодатель не может давать плательщику распоряжения, воспрепятствующего производству платежа по ранее выданному чеку. С этой точки зрения отмена чекодателем выданного чека противоречила бы сущности чека точно так же, как противоречием сущности переводного векселя являлось бы право трассанта воспретить трассату производства платежа по выданной тратте. Помимо этого, интересы чекового обращения, развитие и углубление доверия к чеку как орудию краткосрочного кредита требует, чтобы чекодатель не имел права отменять выданный чек. Не дано чекодателю права отмены закономерно выданного чека во все время действия чека в большинстве законов (§13 герм. Закона, § 13 австр. Закона, § 14 португ. Закона 12 января 1927 г., § 22 польск. Закона 14 ноября 1924 г., § 27 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г.). В Швейцарии, где, за отсутствием точного ответа в законе, судебная практика признала за чекодателем право отмены чека, проект 1925 г. ввел норму о недопустимости отмены чека в продолжение срока действительности чека.

Интересно, однако, отметить, что в том именно английском законодательстве, где чек объединен с векселем в едином законе, где прямо сказано, что чек является видом векселя, — установлено для чека исключение, заключающееся в том, что чекодателю дано право отмены выданного чека (§ 75), а в германском законе, который основан на том, что чек является договором поручения, это право чекодателю не дано. Между тем, казалось бы, что логически должно было бы иметь место обратное явление. Подобными нормами законодатель искривляет, правда, линию логических последствий, являющихся результатом определенной теории. Но это не может отразиться на правильности теоретических построений.

Иррациональные нормы закона содействуют иногда выпуклому освещению юридической природы какого-либо явления. Думаем, что и в данном случае непоследовательность английского закона и несоответствие этой непоследовательной нормы потребностям чекового обращения, с одной стороны, и теоретическая непоследовательность германского закона, но зато соответствие этой непоследовательности потребностям чекового обращения, с другой стороны, — позволяют сказать, что теория о чеке как о договоре поручения больше теряет от того, что германский закон ввел норму, свойственную переводному векселю, чем теряет теория о чеке как о переводном векселе от того, что английский закон ввел норму, свойственную договору поручения.

На точку зрения английского закона стала инструкция НКФ для Госбанка 19 января 1928 г. (§ 37), запрещающая банку производить оплату чека, если чек аннулирован письменным заявлением чекодателя. Право отмены чека, признанное во всех почти странах вредным для чекового обращения, является, конечно, большим тормозом в укреплении доверия к чеку как обязательству платежа денег. Для того чтобы компенсировать этот дефект, можно предусмотреть уголовную ответственность как за мошенничество для лица, отменившего выданный им чек без уважительной причины. Вряд ли, однако, эта уголовная санкция может удовлетворить торгового деятеля, заинтересованного больше в получении денег от банка, чем в привлечении чекодателя к уголовной ответственности.

Если признать по существу правильным право чекодателя на отмену выданного чека и развивать эту норму инструкции НКФ СССР до своей логической

последовательности, то право отмены чека после смерти чекодателя или после признания его недееспособным должно принадлежать его правопреемникам или попечителю. Хотя эти лица не включены в перечень тех, которые имеют право аннулировать чек, но это право должно быть признано за ними, ибо их воля заменяет волю чекодателя. Имеется, правда, другая норма (§ 13 Правил НКФ и § 2Т инструкции НКФ), признающая, что объявление чекодателя недееспособным или смерть его после выдачи чека не приостанавливают оплаты подписанного им чека. Но эта норма не может парализовать воли правопреемников чекодателя. Эта норма должна быть понимаема только в том смысле, что смерть сама по себе как определенное событие не поражает автоматически права чекодержателя на получение денег. Но если правопреемники проявят свою волю, то приводится в движение п. «а» ст. 37 инструкции НКФ, воспрепятствующий банку производство платежа по чеку, и при этом вовсе не нарушается § 21 той же инструкции, имеющий в виду совершенно иное: воспретить банку не производить оплаты чека по своей инициативе. Но по инициативе управомоченных лиц банк обязан не производить платежа и после смерти или объявления недееспособным чекодателя.

Было бы, конечно, более последовательным, если бы Правила НКФ, ставшие на точку зрения английского закона в вопросе о праве чекодателя аннулировать выданный им чек, пошли бы дальше по пути английского закона и признали, что смерть чекодателя автоматически прекращает действие выданного чека. Мы отметили раньше непоследовательность английского закона, допустившего вообще право отмены чека, в то время когда чек является видом векселя. Но в этой непоследовательности английский закон является в некоторой степени последовательным, если решающим моментом для оплаты банком чека является не та воля, которая выражена чекодателем на момент выдачи чека, а та, которая существует к моменту предъявления чека в банк для оплаты, то смерть чекодателя должна повлечь за собою автоматическое прекращение действия неоплаченного чека, так как неизвестно, какова была бы воля чекодателя в момент предъявления к оплате чека, если чек предъявляется после его смерти.

В тех законах, где не предоставляется чекодателю право отмены выданного чека, смерть чекодателя или объявление его недееспособным не прекращают действия чека (§ 12 австр. Зак., § 13 португ. Зак. 12 января 1927 г., § 341 итальянск. Торг. код., § 836 швейц. Обяз. права, §. 3 норвежск. Зак., § 34 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г.).

Только объявление должника несостоятельным, ставшее известным банку, прекращает действие чека. Но и последнее ограничение является нецелесообразным. Изменения, внесенные во французское чекоевое законодательство законом 12 августа 1926 г., касаются также этого вопроса и разрешают последний в том смысле, что ни смерть чекодателя, ни признание его несостоятельным должником не отражаются на силе выданного чека. В этом же смысле разрешен вопрос и в Правилах НКФ СССР 19 января 1928 г. (§ 13). Неподлежащим оплате признан лишь тот чек, который выдан после объявления чекодателя несостоятельным, но не тот, который выдан ранее объявления несостоятельным и предъявляется к оплате после этого момента. Таким образом, объявление несостоятельным автоматически не освобождает банк от обязанности оплаты чека и не поражает силы выданного чека. Но заявление администрации несостоятельного должника

об аннулировании выданного чека должно приостановить оплату чека подобно тому, как и заявление об аннулировании чека, поданное правопреемниками после смерти чекодателя.

Такое положение вещей может свести на нет значение норм, признающих действительными чеки после смерти или объявления недееспособным чекодателя, так как совершенно очевидно, что в интересах имущественной массы несостоятельного должника будет всегда аннулирование ранее выданных чекодателям чеков и обращение денег в конкурсную или ликвидационную массу на удовлетворение всех кредиторов. Если бы наша судебная практика стала на путь строго ограничительного толкования перечня, приведенного в § 37 инструкции НКФ СССР, и признала, что только чекодатель может аннулировать выданный чек и что этого права лишены всякие правопреемники чекодателя, то реальный эффект от введения норм, сохраняющих силу чека, на случай смерти или недееспособности чекодателя, был бы, конечно, полным. Возможно, конечно, и иное толкование со стороны судебной практики. Оно не будет лишено и определенной юридической последовательности, ибо право чекодателя не является правом личным, неразрывно связанным с личностью чекодателя, но представляет собою право имущественное, которое наравне со всем комплексом имущественных прав переходит в распоряжение правопреемников умершего, объявленного недееспособным или ограниченного в правоспособности. Такое толкование, наносящее ущерб чековому обращению, но в то же время формально правильное, являлось бы результатом неудачного разрешения вопроса в Правилах НКФ. Право аннулирования чека не должно принадлежать чекодателям точно так же, как это право не признано нашим положением о векселях за трассантом. Этого требует не столько юридический конструктивизм природы чека, сколько интересы развития чекового обращения и доверия к чеку как абсолютному и неизменному приказу чекодателя банку о производстве платежа.

Только отказ банка в производстве платежа может заставить чекодержателя обратиться непосредственно к чекодателям со ссылкой на отказ банка в уплате чека. Но если чекодержатель ссылается на отказ банка в производстве платежа, то он должен каким-нибудь образом удостоверить факт отказа. Это делается в чеках так же, как и в переводных векселях, т.е. путем протеста, удостоверяющего факт неплатежа денег трассатом. Возможность протеста чека признана иностранным законодательством (§ 16 герм. Зак., § 16 австр. Зак., § 9 норвежск. Зак., § 21 португ. Зак. 12 января 1927 г., § 32 польск. Зак. 14 ноября 1924 г., § 19 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г., § 341 итальян. Торг. код., § 27 проекта Междунар. торговой палаты 1925 г.). Правила НКФ 19 января 1928 г. обходят вопрос о протесте чека молчанием. Предусматривается лишь учинение банком на чеке надписи о времени предъявления чека и о его неоплате (§ 38 инструкции НКФ). Эта надпись должна заменить собою протест.

Вынужденное обращение к чекодателям о производстве платежа по неоплаченному банком чеку ставит чекодержателя в невыгодное положение. Банк мог отказать в уплате чека вследствие того, что банк погасил свой долг заимодавцу и у чекодателя нет денег на текущем счету, нет так называемой провизии. Такое положение вещей возможно и при переводных векселях. Трассант может выдать тратту на лицо, с которым он не состоял ни в каких деловых сношениях и

с которого ему денег не следует. Трассант может давать приказы кому угодно о производстве платежа, и естественно, что, если лицо, получившее приказ трассанта о производстве платежа, не считает себя к этому обязанным, оно платежа не произведет. Ответственным остается только трассант, причем его ответственность исключительно гражданская: уплатить деньги по векселю, убытки и неустойку по основной сделке, если таковые были обусловлены и имели место.

Таковыми должны быть и последствия по чеку, неоплаченному банком за отсутствием провизии к моменту оплаты чека. Некоторые законодательства предусматривают, однако, и уголовную санкцию против чекодателя за выдачу чека, по которому к моменту предъявления его к оплате банк не произвел платежа за отсутствием провизии (§ 23 австр. Зак., § 536 японск. Торг. код. — штрафом от 100 до 1 000 иен, § 344 итальянск. Торг. код.; франц. Закон 12 августа 1926 г. карает тюрьмой и, сверх того, штрафом не выше двойного и не ниже половины размера суммы выданного чека, если чек выдан без всякой провизии, или штрафом от 500 фр. до 10 000 франков, если сумма выданного чека превышает провизию). Не может быть, конечно, предусмотрен этот вопрос в Правилах НКФ 19 января 1928 г., так как правила эти призваны регулировать лишь отношения между банком и заимодавцем-клиентом. А вопрос о последствиях отсутствия в банке провизии для оплаты чека создает определенные правоотношения только между чекодателем и чекодержателем.

При вопросе о провизии мы уже сталкиваемся с тем, что доверие, оказываемое чекополучателем чекодателю при получении от него чека взамен немедленного производства платежа наличными деньгами, может иногда не оправдаться. Чекодатель может не иметь в лице банка своего должника, обязанного к производству платежа по приказу-чеку. Так как чекодержателя интересует получение денег по чеку, но не обратное предъявление чека чекодателю для расчета по основной сделке, то естественно, что чекополучатель может потребовать гарантий в производстве платежа. Мы уже отметили, что чек, как и вексель, может допускать поручительство (aval). Но поручительство третьего лица не может дать того эффекта, который может давать надпись банка-плательщика о принятии чека к оплате (акцепт). Доверие к кредитным учреждениям большое, и, стало быть, акцепт чека со стороны банка гарантирует чекодержателю получение денег.

Акцепт имеет то значение, что чекодержатель не находится под угрозой отсутствия у чекодателя провизии для оплаты чека. Раз чек акцептован, то к производству платежа банк обязан независимо от своих денежных отношений с чекодателем. Затем, в тех случаях, когда чекодатель пользуется правом отмены выданного чека, чекодержатель при помощи акцепта обеспечивает себя от подобных сюрпризов, ибо никакие заявления об аннулировании акцептованного чека без представления чекодателем самого чека не могут освободить банк от обязанности платежа денег третьему лицу. Акцепт чека обеспечивает интересы чекодержателя тогда, когда последний не относится с полным доверием к личности чекодателя. Особенно необходимо допущение акцепта чека в тех случаях, когда допускается аннулирование чека чекодателем. В этих случаях акцепт компенсирует право отмены. Так разрешают этот вопрос англ. закон (§ 75) и Правила НКФ 19 января 1928 г. (§ 17), допускающие и акцепт чека и отмену чека чекодателем. Португальский закон 12 января 1927 г., воспрещающий отмену чека чекодателем

(§ 14), разрешает, однако, и акцепт чека (§ 31). Воспрещен акцепт в большинстве иностранных законов (§ 10 герм. Зак., § 8 австр. Зак., § 834 швейц. Обяз. права, § 8 норвежск. Зак. § 8 польск. Зак. 14 ноября 1924 г., § 14 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г., § 16 проекта Междунар. торговой палаты 1925 г.).

Отрицательное отношение к акцепту в иностранном законодательстве находит свое объяснение, главным образом, в том, что допущение в обороте акцептованных чеков вытеснит чеки неакцептованные и что акцептованные банками чеки будут выполнять функции денежных суррогатов. Боязнь вытеснения из оборота неакцептованных чеков лишена практического основания. Акцепт является гарантийной мерой при недостаточном доверии кредитора к должнику, дающему чек. Введение гарантийных мер никогда не может внушать опасений, что начнут усиленно применять гарантийные меры при тех или иных сделках. Допущение таких гарантийных мер, как поручительство и залог, вовсе не обозначает того, что в гражданском или торговом обороте все договоры займа начнут обеспечиваться поручительством или залогом. Эти гарантийные, обеспечительные меры введены без всяких опасений за их применение. Использование таковых зависит от личных отношений субъектов правоотношений. Такую же роль факультативной гарантийной меры выполняет акцепт чека банком. Засим, акцептованные чеки не могут выполнить функций денежных знаков, так как чеки действительны очень короткий срок. Большинство стран устанавливает десятидневный срок действительности чека внутри страны (§ 11 герм. зак., § 12 португ. Зак. 12 января 1927 г., § 15 польск. Зак. 14 ноября 1924 г., § 19 проекта Междунар. торговой палаты). Другие вводят еще более короткий, от 5 до 8 дней, срок действительности чека (§ 9 австр. Зак., § 5 франц. Зак., § 834 швейц. Обяз. права, § 10 норвежск. Зак.). Удлиненные сроки действительности чека в 14 дней допускаются весьма редко (§ 10 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г., § 342 итальянск. Торг. код.). Правила НКФ СССР 19 января 1928 г. признают чеки действительными в течение 10 дней (§ 13). Такой сокращенный срок действительности чека, в течение коего чек обязательно должен быть представлен для оплаты плательщику, исключает возможность конкуренции чека с денежными знаками, которые представляют собою денежные обязательства, не ограниченные в своем обращении сроками.

Необходимо учесть также и то обстоятельство, что чеки, хотя и акцептованные, не всегда являются ценными бумагами на предъявителя. Правда, чековое законодательство резко отличается от законодательства по переводным векселям тем, что оно считает возможным выдачу не только именных, но и предъявительских чеков (§ 4 герм. Зак., § 3 австр. Зак., § 1 франц. Зак., § 340 итальянск. Торг. код., § 832 швейц. Обяз. права, § 2 норвеж. Зак., § 3 португ. Зак. 12 января 1927 г., § 9 польск. Зак. 14 ноября 1924 г., § 6 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г., § 3 проекта Междунар. торг. палаты). Верно и то, что в некоторых странах большинство обращающихся чеков представляет предъявительские чеки. Однако краткость срока действительности чека, с одной стороны, и роль чека, заменяющего усиленное и учащенное хождение из рук в руки денежных знаков и тем содействующее регулированию бумажно-денежного обращения, не могут создавать препятствий для допущения акцепта чека.

В чеках значительно сложнее, чем в переводных векселях, выступает вопрос об ответственности за оплату подложных и поддельных чеков. В чековом

обороте есть много особых причин, которых нет в вексельном обороте и которые способствуют тому, что в каналы чекового обращения попадают подложные и поддельные чеки. Подложность именного документа (векселя) предполагает ответственность лица, на имя коего вексель написан, и позволяет трассату или надписателю привлекать определенное лицо к уголовной ответственности за подлог. В чеках предъявительских, когда банки производят платеж, не осведомляясь о личности получателя денег, последний укрывается от уголовной ответственности, и некого, стало быть, привлекать к этой ответственности. Засим, подложный чек можно использовать немедленно по его изготовлении, тогда как подложный переводный вексель может быть использован через некоторый, сравнительно более продолжительный, период времени. Эта длительность может сорвать все замыслы лица, преступно учинившего подлог или подделку.

Сложность вопроса об ответственности за оплату подложных или поддельных чеков усугубляется тем, что борьба на этой почве происходит между двумя экономически мощными и влиятельными группами субъектов хозяйственного оборота — банками и распорядителями текущих счетов, ибо каждая из этих групп заинтересована в сложении с себя ответственности за те совершенные ими неосторожные действия, которые способствуют оплате подложных или поддельных чеков. Владельцы чековых книжек действуют неосторожно, если их чековые книжки или отдельные чеки выбывают из их владения и попадают в руки преступников. Банки действуют неосторожно, когда они, выполняя свои профессиональные задачи, не уделяют достаточного внимания проверке представляемых чеков и не стараются устранять всякие сомнения при осмотре чека путем некоторых контрольных или справочных действий.

Борьба эта породила три различные системы в законодательстве. Одна группа стран, исходя из идеи усиленной ответственности банка за профессиональную деятельность предприятия, вводит легальную презумпцию об ответственности банка за оплату подложного или поддельного чека, за неосторожность, им при оплате проявленную, если, конечно, нет прямых оснований признать чекодателя в этом виновным (§ 809 аргент. Торг. код., § 20 австр. Закона, § 23 венгерск. Зак. 28 декабря 1908 г., § 24 эстонск. Зак. 2 июня 1927 г.). Другая группа стран, исходя из рассуждений об обязанности чекодателя сохранять чековую книжку и устранять всякую возможность преступного использования чека, вводит легальную презумпцию об ответственности чекодателя, если противное не доказано (§ 17 чилийск. Зак. 18 марта 1921 г.). Наиболее многочисленная группа стран вовсе не затронула вопроса об оплате подложных и поддельных чеков, отсылая этим самым спорящие стороны в суд, который разрешает каждый в отдельности спор в соответствии с его конкретными обстоятельствами. По последнему пути пошли и Правила НКФ СССР 19 января 1928 г., которые не заострили этот вопрос.

Но в этих Правилах есть норма о том, что чековые бланки должны храниться владельцем книжки «за ключом», что в случае утраты или похищения отдельных чеков, чековых бланков или чековой книжки владелец книжки обязан немедленно и письменно известить банк и что за выплату по утраченному чеку до получения соответствующего извещения банк ответственности не несет (§ 12). Эта норма может быть истолкована как легальная презумпция об ответственности чекодателя за оплату подложных чеков, ибо для составления подложного чека

надо иметь чековый бланк, выбывший из владения владельца книжки, обязанного держать книжку «за ключом». Если чековый бланк утерян или похищен, то об этом владелец книжки должен немедленно заявить. Раз об этом заявлено не было банку и последний произвел уплату по этому чековому бланку, весьма искусно сфабрикованному, то ответственным предполагается владелец книжки, недостаточно хорошо ее хранивший.

Такая точка зрения была бы правильна и по существу, так как чековый бланк, представляющий собою внешний способ требования платежа от банка, находится в распоряжении и на ответственном хранении у займодавца. Однако такому благоприятному для банка толкованию препятствует § 14 тех же Правил, предписывающий оплачивать чек при условии «правильного в нем заполнения подписи вкладчика или уполномоченного им лица, соответствующей представленному образцу». Таким образом, оплата по подложному чеку должна быть отнесена за счет банка, не выполнившего упомянутого условия, хотя бы для этого чека был использован похищенный у владельца книжки чековый бланк. При наличии двух фактов: а) неизвещения владельцем чековой книжки о похищении или об утере чекового бланка и б) оплаты банком чека с подложной подписью, учиненной на этом чековом бланке, ответственность с банка не должна быть снята, если подпись на этом бланке не соответствует хранящемуся в банке образцу подлинной подписи чекодателя. Наша небогатая в этом вопросе судебная практика заняла позицию совершенно иную. Установив неправильность хранения чековой книжки со стороны чекодателя и нарушение правил проверки и контроля предъявленных к оплате чеков со стороны банка, установив, таким образом, смешанную вину, суд признал необходимым разложить ответственность по оплате подложного чека между банком и чекодателем (опред. ГКК ВС УССР 16 мая 1927 г. и разъяснение Пленума ВС РСФСР 2 апреля 1928 г. Е.С.Ю., 1928, № 22). Что же касается утерянных или похищенных чеков, на которых имеется подлинная подпись чекодателя, то оплата таковых банком не может быть, конечно, отнесена за счет банка, ибо банк, не получивший извещения об утрате таковых, не в праве отказывать в их оплате.

Памятники права

Деньги для диктатуры пролетариата!

Госбанк Российской империи, 1917 г.

События октября 1917 г. хорошо известны в мировой истории. Временное правительство свергли стремительно — на захват высшей государственной власти потребовались сутки. Молниеносно были захвачены телефон, телеграф, мосты. Но на захват Государственного банка Российской империи потребовалось полтора месяца.

В своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что Парижская коммуна пала в том числе из-за того, что коммунары не трогали французские банки, и те, в свою очередь, спонсировали подавление буржуазией Коммуны. Это учли большевики. В. Ленин еще до Октябрьской революции не раз говорил о том, что после прихода к власти банки необходимо будет национализировать в первую очередь, это был пункт, по которому также расходились меньшевики с большевиками.

В ходе разработки экономической платформы партии VI съездом РСДРП(б) (июль — август 1917 г.), были определены первоочередные задачи, подлежащие решению после прихода к власти: вмешательство в область производства в целях планомерного урегулирования производства и распределения; национализация и централизация банковского дела; национализация ряда синдицированных предприятий. Таким образом, немедленная национализация банков стала первоочередной задачей экономических реформ, планируемых к проведению после предстоящего вооруженного захвата власти.

После Октябрьской революции, большевики первым делом заняли Государственный банк — главное финансовое учреждение Российской империи, однако далеко не сразу руководители и работники этой организации признали Советскую власть как главенствующую над собой силу, и сперва отказались заводить счет для Советского правительства. При этом само здание Госбанка было занято одним из первых — в 6 часов утра первого дня революции, 25 октября (7 ноября) 1917 г., даже на час раньше, чем сторонники В. Ленина взяли Центральную телефонную станцию Петрограда. Госбанк без единого выстрела заняли 40 революционных матросов. Что интересно, прежняя охрана, по численности в разы превышавшая захватчиков, не препятствовала — среди тех, кто брал Госбанк в октябре, оказались и те, кто уже захватывал его прежде, в феврале 1917 г.

Однако физический захват здания главного банка оказался самым легким шагом в деле перехвата управления кредитно-денежной системой. Созданный после Февральской революции профсоюз служащих Госбанка возглавлялся правыми эсерами и меньшевиками, активными противниками и критиками В. Ленина на исходе 1917 г. Поэтому поддержки снизу у большевиков в Госбанке не было, а явившиеся утром 7 ноября на работу служащие объявили забастовку. К полудню

вслед за прекращением работы Госбанка вынужденно прекратили работу и частные банки всего Петрограда.

В час дня 7 ноября 1917 г. представитель нового правительства Вячеслав Менжинский передал руководству Госбанка предписание выдать новому правительству 10 млн рублей. Однако назначенный еще Николаем II управляющий Госбанком Иван Шипов отказался выдать деньги третьему в его биографии правительству. Кроме того, выяснилось, что документ, предъявленный В. Менжинским для получения из кассы Госбанка 10 млн рублей, не подписан В. И. Лениным. По свидетельствам очевидцев, Ленин на сопротивление Госбанка отреагировал спокойно: «Экая досада... Вопрос придется временно считать открытым».

Более месяца потребовалось правительству В. Ленина на решение вопроса нормализации работы главного кредитно-финансового учреждения государства. По всем фронтам разослали сообщения, что мобилизованные за годы войны банковские работники могут покинуть армию, если захотят служить в Госбанке. Бастующим же сотрудникам главного банка за возвращение к работе стали выплачивать премию в размере полугодового оклада. В течение ноября 1917 г. настроенных против большевиков высших руководителей Госбанка уволили под легитимным в те дни предлогом — «за саботаж в деле обеспечения фронта и проведения выборов в Учредительное собрание».

Но требовалась и правовая основа деятельности всей финансово-кредитной системы молодого Советского государства.

14 (27) декабря 1917 г. на заседании ВЦИК при обсуждении проекта декрета о национализации банков В. И. Ленин произнес программную речь¹:

«Преыдуший оратор пытался нас запугать, что мы идем и к верной гибели, и в верную пропасть. Но эти запугивания для нас не новы. Та самая газета, которая выражает мнение фракции оратора, — “Новая жизнь” — перед октябрьскими днями писала, что из нашей революции не выйдет ничего, кроме погромов и анархических бунтов. Поэтому речи о том, что мы идем по ложному пути, есть отражение буржуазной психологии, с которой не могут порвать даже и не заинтересованные люди. (*Возглас со стороны интернационалистов: “Демагогия!”*) Нет, это не демагогия, а вот ваши постоянные речи о топоре — это уж настоящая демагогия.

Все меры, предлагаемые декретом, есть только действительное обеспечение контроля.

Вы говорите о сложности аппарата, о его хрупкости и о запутанности вопроса, — это азбучная истина, и она всем известна. Если эта истина применяется только для тормоза всех социалистических начинаний, мы говорим, что тот, кто становится на этот путь, — демагог, и вредный демагог.

Мы хотим начать ревизию сейфов, а нам говорят от имени ученых специалистов, что в них ничего, кроме документов и ценных бумаг, не находится. Так что же худого, если представители народа их проконтролируют?

Если так, почему же эти самые критикующие ученые специалисты прячутся? При всех решениях Совета они нам заявляют, что согласны с нами, но лишь

¹ Протоколы заседаний ВЦИК советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М. : ВЦИК, 1918.

принципиально. Это система буржуазной интеллигенции, всех соглашателей, которые своим постоянным согласием в принципе и несогласием на практике все губят.

Если вы умудрены во всех делах и опыты, почему же вы нам не помогаете, почему на нашем трудном пути мы от вас ничего, кроме саботажа, не встречаем?

Вы исходите из правильной научной теории, но для нас теория есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них, а не для мертвого страха. Конечно, начинания трудны, и мы часто подходим к хрупким вещам, однако мы с ними справлялись, справляемся и справимся.

Если бы книжка, кроме тормоза и вечной боязни нового шага, ничем не служила — она была бы неценна.

Никто, кроме социалистов-утопистов, не утверждал, что можно победить без сопротивления, без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир.

Вы принципиально и эту диктатуру принимали, но, когда это слово переводят на русский язык и называют его «железной рукой», применяя это на деле, вы предупреждаете о хрупкости и запутанности дела.

Вы упорно не желаете видеть, что эта железная рука, разрушая, и созидает. Если мы от принципа переходим к делу, это наш несомненный плюс.

Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призвали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашлись среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: «Они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам». И мы поспешили.

Мы знаем, что это сложная мера. Никто из нас, даже имеющий экономическое образование, за проведение ее не возьмется. Мы позовем специалистов, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи будут у нас в руках. Тогда мы даже сумеем завести консультантов из бывших миллионеров. Кто хочет работать — милости просим, лишь бы не превращать всякий революционный почин в мертвую букву, — на эту удочку мы не пойдем. Слова «диктатура пролетариата» мы произносим серьезно, и мы ее осуществим.

Мы хотели идти по пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами.

Товарищ левый эсер сказал, что они в принципе будут голосовать за немедленную национализацию банков, чтобы затем, в кратчайший срок, разработать практические мероприятия. Но это — ошибка, ибо наш проект ничего, кроме принципов, не содержит. С обсуждением ждет их уже Высший совет народного хозяйства, но неутверждение декрета сейчас же приведет к тому, что банки примут все меры для сугубого расстройств хозяйства.

Проведение декрета неотложно, иначе нас погубят противодействие нам и саботаж (*аплодисменты, переходящие в овацию*)».

Национализация банка, декабрь 1917 г.

В этот же день на заседании ВЦИК были приняты декреты «О национализации банков» и «О ревизии стальных ящиков в банках». Оба декрета опубликованы в газете «Известия ЦИК» от 15 (28) декабря № 252.

Уже утром 15 (28) декабря 1917 г. в каждый банк были направлены отряды красноармейцев, а на телефонной станции получили приказ отключить телефонные линии всех банков с 7:00 до 14:00. Именно поэтому руководители кредитных организаций не могли дозвониться до своих хозяев, когда утром в их конторы нагрянули комиссары с отрядами красногвардейцев.

Банки объявлялись закрытыми до конца дня, а со следующего утра должны были начать работу в штатном режиме, только их деятельность уже полностью контролировалась представителями Советской власти. Так и свершилась национализация банков в 1917 г. в России.

Национализация банков. Вскрытие банковских ячеек. 1917 г.

Всероссийский центральный исполнительный комитет

Декрет от 14 декабря 1917 г.

О национализации банков

В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов – единого народного банка Российской Республики, Центральный исполнительный комитет постановляет:

1. Банковое дело объявляется государственной монополией.
2. Все ныне существующие частные акционерные банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком.
3. Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком.
4. Порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом.
5. Временное управление делами частных банков передается совету Государственного банка.
6. Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены.

Всероссийский центральный исполнительный комитет

**Декрет
от 14 декабря 1917 г.**

О ревизии стальных ящиков в банках

1. Все деньги, хранящиеся в банковских стальных ящиках, должны быть внесены на текущий счет клиента в Государственном банке.

Примечание. Золото в монете и слитках конфискуется и передается в общегосударственный золотой фонд.

2. Все владельцы стальных ящиков обязаны немедленно по вызове явиться в банк с ключами для присутствия при производстве ревизии стальных ящиков.

3. Все владельцы, не явившиеся в трехдневный срок по вызову их, считаются злонамеренно уклонившимися от ревизии.

4. Ящики, принадлежащие злонамеренно уклонившимся лицам, подлежат вскрытию следственными комиссиями, назначенными комиссарами Государственного банка, и все содержащееся в них имущество конфискуется Государственным банком в собственность народа.

Примечание. Следственные комиссии могут в уважительных случаях отсрочивать ликвидацию.

Финансирование индустриализации в СССР

В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) был рассмотрен вопрос об индустриализации. Шла речь о необходимости превращения СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую их. Страна должна была в короткие сроки нарастить промышленный потенциал для сокращения отставания экономики от развитых капиталистических государств.

Однако государственная власть обеспечивает себе господствующие позиции в области организации кредита посредством построения, обладающего внутренним единством кредитной системы СССР. Для того чтобы связать все кредитные учреждения страны в единое целое, необходимо осуществление следующих формальных предпосылок.

Каждое кредитное учреждение должно быть создано для достижения вполне определенных целей. Функции кредитных учреждений должны быть, по возможности, строго разграничены между ними. Кроме того, закон должен урегулировать взаимные отношения между ними. В правовом поле СССР единство кредитной системы получило свое выражение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. о принципах построения кредитной системы СССР.

Позже, в 1930 г., в условиях беспрецедентного роста внутренней инфляции и предшествующих расходов на индустриализацию и ликвидацию последствий гражданской войны, в руководстве страны остро встал вопрос о необходимости проведения серьезных экономических реформ. С целью унификации банковской системы в стране 30 января 1930 г. ВЦИК и СНК СССР принимают постановление «О проведении кредитной реформы». Основными задачами реформы были: ликвидация коммерческого кредитования и последующая замена прямым банковским кредитованием; сосредоточение безналичных расчетов в Госбанке Союза ССР; введение прогрессивной формы расчетов; формирование новой банковской системы.

Индустриализация в СССР. Плакат

Центральный исполнительный комитет СССР
Совет народных комиссаров СССР
Постановление от 15 июня 1927 г.
О принципах построения кредитной системы

В целях достижения необходимого единства в работе кредитной системы и обеспечения за Государственным банком Союза ССР руководящей роли по отношению ко всем прочим кредитным учреждениям, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

I. Руководство кредитной системой, осуществляемое Государственным банком Союза ССР

1. Сохраняя общее регулирование деятельности кредитных учреждений за Народным комиссариатом финансов Союза ССР (непосредственно и через народные комиссариаты финансов союзных республик, по принадлежности), возложить непосредственное руководство всей кредитной системой на Государственный банк Союза ССР на основе нижеследующих статей.

2. Предоставить Государственному банку Союза ССР право участвовать в лице своих представителей в советах и ревизионных органах кредитных учреждений с участием государственного капитала.

3. Признать необходимым увеличить долю Государственного банка Союза ССР в акционерных и паевых капиталах, указанных в ст. 2 кредитных учреждений.

Акции и паи, принадлежащие Народному комиссариату финансов Союза ССР, подлежат передаче в управление Государственному банку Союза ССР.

4. Предоставить Государственному банку Союза ССР право непосредственного наблюдения за использованием банками открываемых им Государственным банком Союза ССР кредитов и за направлением всех кредитов по отдельным отраслям народного хозяйства в соответствии с правительственными директивами в области кредитной политики.

5. Предоставить Государственному банку Союза ССР право получения от всех кредитных учреждений балансовых данных, сведений об открытых кредитах и задолженности отдельных клиентов, а также о текущих счетах и вкладах государственных органов.

6. Свободные резервы всех кредитных учреждений в размерах, устанавливаемых Комитетом по делам банков, должны сосредоточиваться в Государственном банке Союза ССР.

7. Взаимоотношения Государственного банка Союза ССР с другими кредитными учреждениями по кредитованию их и по сосредоточению ими в Государственном банке Союза ССР своих резервов (ст. 6) регулируются на основе контокоррентного счета, открываемого Государственным банком Союза ССР каждому кредитному учреждению.

8. Кредитные учреждения кредитуются только в Государственном банке Союза ССР.

Настоящее правило не распространяется на кредитование системы сельскохозяйственного кредита, на долгосрочное и целевое краткосрочное кредитование местных коммунальных банков, которое может осуществляться в порядке ст. 16, а также на кредитование советских кредитных учреждений заграничными организациями.

9. В целях обеспечения осуществления утвержденных хозяйственных планов, на Государственный банк Союза ССР возлагается обязанность, в соответствии с общей экономической конъюнктурой, финансовым положением и степенью мощности отдельных кредитных учреждений, кредитовать их соразмерно с ростом их операций, а также оказывать им поддержку в периоды их кассовых затруднений.

10. Средства единого государственного бюджета Союза ССР, а также средства государственных трудовых сберегательных касс, органов государственного и социального страхования, Центрального правления государственной спиртовой

монополии и Управления государственной карточной монополии — за исключением случаев, предусмотренных специальными постановлениями правительства Союза ССР или Народного комиссариата финансов Союза ССР — сосредоточиваются в Государственном банке Союза ССР.

Средства государственных учреждений, состоящих на местном бюджете, могут вноситься как в Государственный банк Союза ССР, так и в местные коммунальные и сельскохозяйственные банки (общества сельскохозяйственного кредита).

II. Разграничение функций и согласование операций кредитных учреждений

11. Государственный БАНК Союза ССР осуществляет кредитование: а) кредитных учреждений; б) хлебозаготовительных операций и операций по заготовкам сырья (кроме случаев, предусмотренных ст. 18); в) транспорта; г) государственных торговых предприятий общесоюзного и республиканского значения, их местных органов и торговых акционерных обществ (паевых товариществ) с преобладанием государственного капитала — в области внутренней торговли, за исключением некоторых синдикатов, кредитуемых Торгово-Промышленным Банком Союза ССР, список которых устанавливается в порядке ст. 19; д) наиболее крупных промышленных предприятий и объединений общесоюзного и республиканского значения по спискам, составляемым в порядке ст. 19, и их местных органов — полностью или частично; е) наиболее крупных всесоюзных, республиканских, областных, краевых, губернских и окружных кооперативных организаций по спискам, устанавливаемым Государственным банком Союза ССР по соглашению с Всероссийским кооперативным банком, Всеукраинским кооперативным банком и Центральным сельскохозяйственным банком Союза ССР — полностью или частично; ж) местной государственной промышленности и торговли — полностью в тех районах, где отсутствуют местные коммунальные банки и отделения соответствующих специальных центральных банков, и — частично, в порядке разграничения клиентуры между Государственным банком и коммунальными банками (примечание 1 к ст. 17), в тех районах, где имеются местные коммунальные банки, но отсутствуют отделения соответствующих специальных центральных банков.

12. Торгово-промышленный банк Союза ССР осуществляет:

- а) все долгосрочное кредитование промышленности, за исключением кредитования строительства рабочих жилищ (ст. 16), а также за исключениями, предусмотренными ст. 13;
- б) краткосрочное кредитование промышленности, за исключением предприятий и объединений, кредитуемых Государственным Банком Союза ССР и другими банками в соответствии с размежеванием их функций согласно настоящему постановлению.

13. Акционерный банк по электрификации осуществляет долгосрочное и краткосрочное кредитование электростроительства, электрической и электротехнической промышленности и прочих видов электрохозяйства.

Акционерный банк по электрификации в своей работе опирается на существующую систему кредитных учреждений, используя в соответствующих частях своей работы аппараты Государственного банка Союза ССР, Торгово-промышленного банка Союза ССР, системы сельскохозяйственного кредита и коммунальных банков.

14. Система сельскохозяйственного кредита — во главе с Центральным сельскохозяйственным банком Союза ССР — осуществляет кредитование долгосрочное, а также краткосрочное на производственные и сбытовые цели индивидуальных и коллективных крестьянских хозяйств, сельскохозяйственной кредитной кооперации, а равно советских хозяйств и других сельскохозяйственных предприятий и организаций.

15. Кооперативные банки кредитуют кооперацию всех видов и степеней (за исключением случаев, указанных в п. «е» ст. 11 настоящего раздела), причем в отношении сельскохозяйственной кооперации, сообразно с ее особыми задачами и организационными формами, деятельность кооперативных банков подлежит в порядке ст. 19 разграничению с деятельностью системы сельскохозяйственного кредита.

16. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства осуществляет долгосрочное, а также целевое краткосрочное кредитование всех видов коммунального хозяйства и жилищного строительства, как непосредственно, так и через местные коммунальные банки (в порядке из долгосрочного кредитования или в порядке поручений), координируя деятельность их в этой области.

17. Местные коммунальные банки осуществляют долгосрочное кредитование местного коммунального хозяйства и жилищного строительства, краткосрочное целевое кредитование жилищного строительства, а также краткосрочное кредитование коммунальных, промышленных и торговых предприятий местного значения. <...>

21. Процентные ставки кредитных учреждений как по пассивным, так и по активным операциям, подлежат регламентации Комитетом по делам банков с установлением их максимальных пределов для отдельных кредитных учреждений. Указанная регламентация должна производиться в направлении постепенного достижения унификации процентных ставок и удешевления кредита. Кредитным учреждениям с участием государственного и кооперативного капитала Государственный банк Союза ССР предоставляет более льготные условия кредитования по сравнению с прочей клиентурой.

22. Государственный банк Союза ССР и прочие банки должны быть связаны корреспондентскими или иными договорными отношениями, обеспечивающими каждому банку возможность исполнения его поручений другими банками и их местными учреждениями.

III. Комитет и совещания по делам банков

23. В целях планового согласования работы кредитных учреждений, рационализации их операций, удешевления аппаратов и т.п., признать необходимым расширить компетенцию и усилить деятельность Комитета и совещаний по делам банков.

24. Комитет по делам банков состоит при Народном Комиссариате Финансов Союза ССР под председательством Народного Комиссара Финансов Союза ССР. <...>

25. Принятые Комитетом по делам банков и не приостановленные Народным Комиссаром Финансов Союза ССР в течение недельного срока решения, не требующие санкции законодательных органов, являются обязательными к исполнению для всех кредитных учреждений.

26. При разногласии между Народным Комиссаром Финансов Союза ССР и большинством Комитета по делам банков, последнему предоставляется право входить в Совет труда и обороны через Народный комиссариат финансов Союза ССР с соответствующими представлениями.

27. Местные совещания по делам банков учреждаются при наличии значительного количества кредитных учреждений в пунктах, перечень которых устанавливается Комитетом по делам банков, и действуют на основании специального положения, издаваемого Народным Комиссариатом Финансов Союза ССР.

Председатель ЦИК Союза ССР
М. Калинин
Председатель СНК Союза ССР
А. Рыков
Заместитель секретаря
ЦИК Союза ССР
Н. Пахомов

**Центральный исполнительный комитет СССР
Совет народных комиссаров СССР
Постановление от 30 января 1930 г.
О кредитной реформе**

Быстрое развитие социалистических начал в народном хозяйстве Союза ССР и достигнутый уровень его планирования делают необходимой коренную реформу кредита.

Существовавшая до сих пор система отпуска товаров в кредит в обобщественном секторе, приводившая к усложнению путей прохождения кредита и к затруднениям при его планировании, должна быть ликвидирована и заменена исключительно банковским кредитованием. Само банковское кредитование должно быть организовано таким образом, чтобы нуждающиеся в кредите предприятия и организации получали его, минуя посредствующие звенья.

В то же время успешные результаты реорганизации кредитной системы, проведенной в 1927 и 1928 годах, дают основания предпринять дальнейшие шаги к сосредоточению краткосрочного кредитования в Государственном банке.

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

I. О замене в обобщественном секторе народного хозяйства товарного кредитования банковским

1. Государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам без участия иностранного капитала воспрещается отпускать товары и оказывать услуги друг другу в кредит. Этот кредит заменяется исключительно банковским кредитованием.

II. О порядке кредитования государственной промышленности и кооперации

2. Подведомственные Высшему совету народного хозяйства Союза ССР промышленные объединения и тресты, не входящие в объединения, в пределах согласованного между Высшим советом народного хозяйства Союза ССР и Государственным банком плана кредитования их устанавливают планы кредитования своих операций и операций входящих в их состав предприятий. На основании этих планов Государственный банк через свои филиалы кредитует непосредственно входящие в состав объединений и трестов предприятия.

3. Объединениям и трестам предоставляется право в пределах общего лимита перераспределять кредиты между входящими в их состав предприятиями, если это вызывается необходимостью увеличения производства товаров. Во всех остальных случаях перераспределение кредитов между предприятиями может производиться объединениями и трестами лишь по согласованию с Государственным банком.

Такой же порядок кредитования устанавливается для объединений и не входящих в объединения трестов, подведомственных высшим советам народного хозяйства союзных республик и другим народным комиссариатам Союза ССР и союзных республик.

4. Кредитование товарооборота потребительской кооперации производится Государственным банком на основании планов, согласованных соответственно с Центросоюзом Союза ССР, республиканскими и краевыми (областными) центрами потребительской кооперации. <...>

III. О реорганизации Всероссийского и Всеукраинского кооперативных банков

6. Признать необходимым ликвидировать филиалы Всероссийского и Всеукраинского кооперативных банков и теснее связать работу этих кооперативных банков с Государственным банком.

IV. О реорганизации системы сельскохозяйственного кредита

Мощный размах коллективизации сельского хозяйства, сопровождаемой коренными изменениями техники сельскохозяйственного производства (машинизация, электрификация, первичная переработка сельскохозяйственной продукции, система агромероприятий и т.п.), требует мобилизации огромных средств. В этих условиях задача кредитования разворачивающегося подъема кооперированного сельского хозяйства и особенно задача решительного усиления производственной базы колхозов может быть успешно разрешена системой сельскохозяйственного кредита, опирающейся на материальные вложения Советского государства, только на основе широчайшей мобилизации крестьянских средств, обеспечивающей подъем благосостояния многомиллионных масс крестьянства.

В то же время массовое колхозное движение создает новые возможности для такой мобилизации средств, образуя условия и уже осуществляя на практике массовое обобществление мелких индивидуальных крестьянских ресурсов через колхозы.

Эти новые условия в работе системы сельскохозяйственного кредита, как и новые возможности в деле развертывания сельскохозяйственного кредитования, требуют реорганизации сельскохозяйственной кредитной системы в сторону объединения сельскохозяйственного кредитования с работой сельскохозяйственной кооперации при одновременном усилении производственно-экономического регулирования колхозов со стороны пролетарского государства.

Признавая поэтому необходимым передачу системы сельскохозяйственного кредита сельскохозяйственной кооперации, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют преобразовать систему сельскохозяйственного кредита на нижеследующих началах.

А. Реорганизация Центрального сельскохозяйственного банка Союза ССР, республиканских и местных сельскохозяйственных банков

7. Центральный сельскохозяйственный банк Союза ССР реорганизуется во Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк. Республиканские, краевые и областные сельскохозяйственные банки превращаются в филиалы Всесоюзного сельскохозяйственного кооперативно-колхозного банка, действующие под единым управлением правления банка. <...>

8. Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк передается в ведение Всесоюзного совета сельскохозяйственной кооперации.

Председатель Всесоюзного совета сельскохозяйственной кооперации, являясь по должности заместителем народного комиссара земледелия Союза ССР, направляет деятельность Всесоюзного сельскохозяйственного кооперативно-колхозного банка под непосредственным руководством народного комиссара земледелия Союза ССР.

9. Все активы и пассивы банковских звеньев системы сельскохозяйственного кредита передаются Всесоюзному сельскохозяйственному кооперативно-колхозному банку и зачисляются на его единый баланс.

При этом все средства, которые в настоящее время имеются в этих звеньях системы, должны остаться в реорганизуемом банке.

10. Годовые кредитные планы Всесоюзного сельскохозяйственного кооперативно-колхозного банка составляются правлением банка совместно с Всесоюзным советом сельскохозяйственной кооперации и вносятся через Народный комиссариат земледелия Союза ССР на утверждение Совета труда и обороны.

11. Кредитование сельскохозяйственных мероприятий общесоюзного значения, а также кредитование общесоюзных предприятий и организаций производится банком по соображениям целесообразности, или непосредственно, или через республиканские, либо краевые и областные филиалы.

12. Кредитование мероприятий республиканского значения, проводимых народными комиссариатами земледелия союзных республик по постановлениям своих правительств или по поручению Народного комиссариата земледелия Союза ССР, производится республиканскими конторами банка под руководством республиканских народных комиссариатов земледелия.

13. Республиканские конторы банка руководят работой краевых и областных филиалов в области кредитования сельскохозяйственных мероприятий республиканского и местного значения.

14. Низовым звеном системы сельскохозяйственного кредита являются сельскохозяйственные кредитные товарищества. <...>

V. О порядке проведения кредитной реформы

24. Порядок и сроки проведения кредитной реформы устанавливаются в отношении замены товарного кредита банковским Государственным банком, в отношении реорганизации сельскохозяйственного кредита — Народным комиссариатом земледелия Союза ССР, — по соглашению с соответствующими народными комиссариатами Союза ССР, всесоюзными кооперативными центрами и представительствами союзных республик.

25. Народному комиссариату финансов Союза ССР поручается совместно с Государственным банком внести к 1 апреля 1930 г. на утверждение Совета народных комиссаров Союза ССР проект изменений в законодательстве Союза ССР, вытекающих из настоящего Постановления.

26. Советам народных комиссаров союзных республик предлагается привести к 1 апреля 1930 г. республиканское законодательство в соответствие с настоящим Постановлением.

27. Народному комиссариату финансов Союза ССР поручается, при участии Всероссийского кооперативного банка, Государственного банка и всесоюзных кооперативных центров, в недельный срок установить порядок ликвидации филиалов Всероссийского кооперативного банка.

Совету народных комиссаров УССР предлагается в двухнедельный срок установить порядок ликвидации филиалов Всеукраинского кооперативного банка.

Всероссийский и Всеукраинский кооперативные банки вносят необходимые изменения своих уставов на утверждение в установленном порядке.

28. Всесоюзному совету сельскохозяйственной кооперации предлагается выработать устав Всесоюзного сельскохозяйственного кооперативно-колхозного банка и внести его в месячный срок через Народный комиссариат земледелия Союза ССР на утверждение Совета народных комиссаров Союза ССР.

29. Народному комиссариату финансов Союза ССР поручается разработать совместно с Народным комиссариатом земледелия Союза ССР, Государственным банком, Всесоюзным сельскохозяйственным кооперативно-колхозным банком, Всесоюзным советом сельскохозяйственной кооперации и Колхозцентром Союза ССР и внести в двухмесячный срок на утверждение Совета народных комиссаров Союза ССР проект сводного закона о сельскохозяйственном кредите в отмену всех действующих в этой области узаконений.

Председатель ЦИК Союза ССР

М. Калинин

Председатель СНК Союза ССР

А. Рыков

Секретарь ЦИК Союза ССР

А. Енукидзе

«Кредитная история»¹

Наилучший способ добиться кредита —
не пользоваться им.
Наполеон Бонапарт

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

Опасные кредиты XXI века

Характерной чертой нашего времени является закредитованность многих граждан России, которая с каждым годом растет стремительными темпами.

Сделать свою жизнь лучше, комфортнее, интереснее — всегда было целью людей в любой стране мира. Особенно отчетливо это проявилось в России в 1990-х гг. После развала СССР вчерашние советские граждане, жившие многие годы в условиях тотального дефицита, отсутствия возможности улучшить свои жилищные условия, увидели новые реалии. Магазины предлагали товары на любой вкус: машины, импортную одежду, предметы роскоши и многое другое.

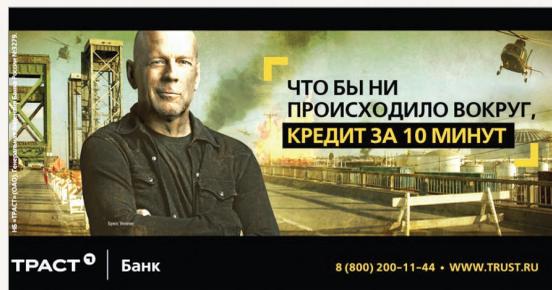
Но на все это требовались деньги. И тут многочисленные банки стали предлагать разнообразные кредиты на любой вкус: потребительские, экспресс-кредиты, микрозаймы «до зарплаты», автокредиты и ипотечные кредиты.

Не будем углубляться в обзор опасностей для граждан слишком частого увлечения кредитами. Но у современного гражданина в нашей стране «кредиты» и «коллекторы» стали понятиями родственными.

«Пойдем заберем у бабушки квартиру, она брала в кредит 50 тысяч на похороны деда», — так рассуждали горе-коллекторы из фильма «Домашний арест». Но такова реальность нашей жизни: МФО при просрочке микрозайма отберут квартиру.

Не зря в настоящее время идет обсуждение законопроекта, закрепляющего механизм самозапрета на кредиты и займы. Если закон будет принят, то граждане смогут, зайдя на «Госуслуги», выставить себе запрет или ограничение на получение кредитов или займов. Это связано еще и с тем, что иногда наши соотечественники берут кредиты именно после назойливой рекламы банков. Финансовые организации усиливают персональное навязывание займов — предложение об «уникальных условиях» можно увидеть на экране банкомата, когда снимаешь наличные, или через СМС-сообщение. С экранов телевизоров и в Интернете известные артисты предлагают воспользоваться выгодными кредитами.

Но самое неприятное для клиентов, когда в ход идут психологические уловки банков: «Через неделю ставки вырастут, и таких выгодных кредитов уже не будет» или «За кредитную карту платить ничего не надо — она может лежать у вас дома, пока не понадобятся деньги».

Реклама кредитов в Интернете

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

Кредиты в СССР

А можно было взять кредиты в СССР? Во время существования СССР не было коммерческих банков, а был единый государственный банк — Сберегательный банк СССР. Благодаря данной кредитной организации население страны могло покупать товары длительного пользования с рассрочкой платежа. При этом минимальная сумма первого взноса составляла всего 50 рублей, после 1985 г. она была увеличена до 100 рублей. Кроме того, оформить в рассрочку можно было все, что угодно, начиная от деталей одежды и заканчивая крупногабаритной техникой и мебелью. Конечно, если эти товары были в магазине.

Остальную сумму стоимости товара в рассрочку клиенты банка могли выплачивать в течение полугода (при более длительном сроке — до 3—4 лет). Торговая же организация, торгующая в рассрочку, получала за каждый приобретенный клиентом товар 2% от суммы.

Потребительский кредит в нашей стране стал быстро развиваться лишь в послевоенный период — с начала 1960-х гг. Именно в эти годы была разрешена продажа в рассрочку ряда промышленных товаров народного потребления и расширены возможности строительства жилой площади через жилищно-строительные кооперативы.

Вопросы кредитования граждан регламентировались нормативными правовыми актами Совета министров СССР, например, постановлением от 12 августа 1959 г. № 915 «О продаже рабочим и служащим в кредит товаров длительного пользования».

Что было определено данным постановлением Совета Министров СССР № 915? Во-первых, была разрешена продажа рабочим и служащим в кредит радиол и радиоприемников, фотоаппаратов (стоимостью от 400 рублей), велосипедов, мотороллеров «Тула» и «Киров», мотоциклов М-1М и К-58, лодочных моторов «Москва», швейных машин «Тула», охотничьих ружей (стоимостью от 700 рублей), наручных часов в металлическом корпусе, а также одежды из шерстяных и шелковых тканей. Во-вторых, было установлено, что передача покупателям приобретаемых в кредит товаров производится при оплате не менее 20—25 % их стоимости, а остальная часть стоимости товаров долж-

на оплачиваться покупателями, как правило, в течение 6 месяцев, но не более 12 месяцев. При продаже товаров в кредит взимались с покупателей 1—2 % от розничной цены товара в пользу торгующих организаций. В-третьих, было разрешено Госбанку СССР предоставлять организациям и предприятиям розничной торговли ссуды на операции, связанные с продажей рабочим и служащим товаров в кредит.

Таким образом, можно сказать, что кредиты в СССР выдавались на весьма выгодных условиях. Но возможности потребительского кредитования сводились на нет отсутствием в магазинах дефицитных товаров. В СССР покупка холодильника или, например, дивана считалась довольно масштабным событием для семьи. И дело тут

Магазин в начале 1980-х гг.

не только в самой стоимости этих предметов быта, а в их доступности. В стране наблюдался такой высокий спрос на дефицитные товары, что последние исчезали с полок магазинов практически сразу после появления. А перед торговыми помещениями стояли огромные очереди покупателей, каждый из которых пришел за заветным товаром. В обиход советских граждан вошли понятия «достал дефицит», «купил с переплатой», «купил с рук» и т.д.

А были ли деньги у населения? В Советском Союзе были профессии, которые официально считались высокооплачиваемыми.

Шахтеры. За свою тяжелую работу эти люди получали высокую зарплату. Месячный заработок в 500 рублей для этих людей был обычным. А проходчики, считавшиеся элитой шахты, получали и вдвое больше.

Геологи. Романтика профессии геолога воспевалась многими поэтами и писателями. Работа геолога была тяжелая, связанная с отрывом от дома и различными опасностями. Поэтому и к высоким зарплатам геологов народ относился уважительно. Для обычных изыскателей в командировках зарплата 1 000 рублей была нормой.

Токари. Токарей уважали и ценили на производстве, так что и платили им неплохо. Для токаря 5—6 разряда зарплата в 400 рублей не была пределом.

Но самое удивительное, что вакансии для этих специальностей всегда были. В Союзе «популярными» были другие профессии, официальная зарплата которых не превышала 100—110 рублей в месяц. Что это за профессии?

Администратор гостиницы. Даже в провинции заселиться в номер было сложно. Обычно администраторам давали взятки в 5—10 рублей. А сотрудник курортного санатория мог в месяц заработать больше, чем руководитель промышленного предприятия.

Продавцы. Элитой считались продавцы валютных магазинов «Березка». На прилавках таких магазинов всегда лежали дефицитные импортные товары. Правда, товары продавали только за «чеки», но зато не было проблемой для проворного продавца сбыть дефицитный товар «на сторону».

Повара ресторанов. Повара в СССР имели доступ к дефицитным продуктам, поэтому недоедание в кафе и ресторанах было привычным делом. Все излишки икры, дорогого мяса и фруктов повара забирали домой, перепродавали или дарили в качестве благодарности учителям и врачам. Человек, работающий с продуктами питания, быстро обрстал полезными связями.

Этот перечень можно расширять до бесконечности. Возможности представителей этих профессий частенько показывали в советских комедиях, например,

Магазин «Березка». Москва, 1970-е гг.

Сельский магазин в 1970-х гг.

администратор гостиницы в фильмах «Вокзал для двоих», «Интердевочка», директор рынка из комедии «Гараж», банщик из фильма «Ты мне — я тебе».

Собственное жилье по-советски

Москва. Ведомственный дом на набережной

В Советском Союзе существовало три типа жилищного фонда: государственный (где жилплощадь предоставлялась тем, кто имел на это право согласно Жилищному кодексу СССР и в порядке очереди, тянувшейся годами), ведомственный фонд и кооперативный. Ведомства обычно строили для своих сотрудников дома повышенной комфортности, в хороших районах. Все остальные граждане могли рассчитывать на улучшение жилищных условий, только вступив в жилищно-строительных кооператив (ЖСК).

Вопросы кредитования жилищного строительства в СССР регламентировались отдельным блоком нормативных правовых актов. Так, в постановлении Совета министров СССР от 20 марта 1958 г. № 320 «О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации» Совет министров СССР назвал целесообразным развитие жилищно-строительной кооперации для осуществления строительства многоквартирных жилых домов в городах и поселках городского типа с помощью государственного кредита. В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 1 июня 1962 г. № 561 «Об индивидуальном и кооперативном строительстве» были предусмотрены меры по усилению планового начала в кооперативном строительстве.

Кооперативная «хрущевка», 1960-е гг.

Принятое Советом министров СССР в 1982 г. постановление «О жилищно-строительной кооперации» создало необходимые условия для увеличения темпов роста этой формы жилищного строительства в городе и на селе, так как государство обеспечивало кредитом большую, чем прежде, долю стоимости строительства при возведении домов ЖСК, а члены жилищных кооперативов могли получить и безвозмездную ссуду от предприятий и организаций.

Но наличие денег еще не являлось достаточным условием для получения кооперативной квартиры. Чтобы вступить в ЖСК, необходимо было иметь на это веские основания. Постановлением Совета министров РСФСР от 31 июля 1984 г. № 335 были утверждены Примерные правила учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений в РСФСР. Например, для покупки кооперативной квартиры в Ленинграде претендент должен был проживать в городе с постоянной пропиской не менее 10 лет, а также состоять на учете по улучшению жилищных условий (на члена семьи должно было приходиться менее 6,5 квадратных метра на человека).

Жилищные кооперативы были государственными или образованными на предприятиях. Так как право попасть в них имел не каждый, за него держались

и взносы делали своевременно. Но выбор категории дома или района практически отсутствовал.

Стоит отметить, что и в данном случае квартира не являлась собственностью советского гражданина, она принадлежала коллективному имуществу ЖСК. И поэтому продать такое жилье можно было только участнику кооператива, если на то даст разрешение общее собрание данного объединения. К сожалению, несмотря на хорошие условия и задумку такого проекта, встретить кооперативное жилье в СССР можно было не часто. По данным статистики СССР, оно занимало всего лишь 7—10 % от общего количества домов.

«Народный банк»

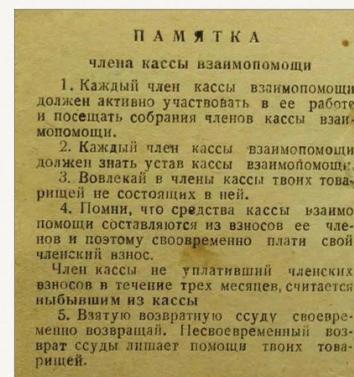
А где еще в СССР можно легально было взять деньги, если вам неожиданно предложили импортный дефицит или подошла очередь на автомобиль?

Можно было что-то заложить в ломбард. Ломбарды существовали в СССР исключительно как государственные организации. Объектом залога (заклада) могли быть ювелирные украшения из драгоценных металлов с камнями и без, предметы мебели, ковры, меховые изделия, антиквариат и т.д. Здесь производились не только ссудные операции, но также предоставлялись населению услуги по хранению драгоценностей.

Другой способ — взять деньги в кассе взаимопомощи (КВП). В советское время при профсоюзе любой организации существовала касса взаимопомощи. Суть ее заключалась в том, что член данной кассы ежемесячно вносил какую-то определенную сумму денег, обычно с зарплаты, и там они накапливались. Имея накопления, работник при необходимости мог взять в долг нужную ему сумму, значительно превышающую имевшуюся на его счете. Сумма ему выдавалась без всяких процентов. Человек копил себе деньги, мог в любой момент снять и мог воспользоваться для серьезной покупки или поездки на отдых.

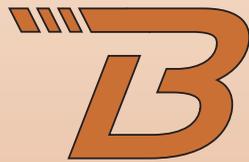
Деятельность КВП регламентировалась постановлением Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 20 февраля 1959 г. «О типовом уставе кассы взаимопомощи при комитете профсоюза» (протокол № 5, п. 7). Кассы взаимопомощи были популярны не только на предприятиях, в организациях, но и в воинских частях (для офицерского состава). Причины популярности были связаны с надежностью вкладов. Все было под контролем не только профсоюзных организаций, но и администрации. КВП помогала накопить необходимую сумму; спасала нуждающихся в сложных ситуациях; способствовала сплочению коллектива. Иными словами, можно было сказать, что «касса взаимопомощи» — народный проект, созданный людьми и для людей.

Однако самый простой и распространенный способ был — попросить деньги у знакомых или соседей. В советское время взять деньги до зарплаты считалось обычным явлением. Но это касалось относительно небольших сумм. Проценты за займ, как правило, не требовали, главное, чтоб еще и долг вернули...

Памятка члена КВП

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >